

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 4 (92) 2025

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент
3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
6. **Свининых Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по группе научных специальностей**
6.0.0 — Военные науки
(№ 923 Перечня по состоянию на 02.06.2025)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
----------------------------	---

Теория и история военного права

1. Бутов С.В.

Особенности медицинского обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны	8
--	---

2. Камышанский Д.Ю., Аксенов А.Н.

Деятельность советских партийно-государственных органов по борьбе с организацией украинских националистов в ходе присоединения Западной Украины к СССР (1939—1941 гг.)	15
--	----

3. Тарадонов С.В.

Особенности законодательства военного времени (опыт Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.).....	21
--	----

Военно-административное право

4. Наумов П.Ю.

Особенности правового регулирования оформления (ведения, хранения, предоставления копий) медицинской документации при проведении военно-врачебной (врачебно-летной) экспертизы	31
--	----

5. Овсянников В.Ю.

Основные требования нормативно-правовых актов к подготовке военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации к действиям в экстремальных боевых ситуациях	44
--	----

6. Осипенко С.В.

Эффективность использования бюджетных средств по выполнению государственного оборонного заказа в контексте законодательных изменений	53
--	----

7. Сморчкова Л.Н.

Полномочия высших органов государственной власти по управлению оборонно-промышленным комплексом	62
--	----

8. Сурков С.А.

Организация правовой работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации	69
--	----

Военная служба. Статус военнослужащих

9. Глухов Е.А.

Объективность против служебной зависимости при вынесении решения военными коллегиальными органами.....	75
---	----

10. Калашников В.В., Мирошникова Д.А.

Проблемы правового регулирования деятельности судебной системы в особые периоды	85
--	----

11. Корякин В.М.

Некоторые проблемные вопросы правового положения добровольческих формирований и статуса граждан, пребывающих в них	92
---	----

12. Минтягов С.А.

Правовой статус военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, совершивших преступления и прикомандированных к воинским частям (сборным пунктам): постановка проблемы и пути решения	102
---	-----

13. Потяев П.Ю., Алехин И.А. Правовые аспекты психолого-педагогической профилактики синдрома полярного напряжения у военнослужащих арктических подразделений	110
Уголовное право и криминология	
14. Гребенской Д.С. Некоторые проблемы привлечения граждан, имеющих судимость, к участию в специальной военной операции	116
15. Ермолович Я.Н. Криминализация розничной продажи несовершеннолетним табачной продукции (научно-практический комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2024 г. № 515-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»)	124
16. Попков Д.В. Генезис развития воинских преступлений.....	130
Уголовный процесс и криминалистика	
17. Новокшенов Д.В. Организация взаимодействия следователя с командирами воинских частей по расследованию преступлений в условиях проведения специальной военной операции и военного положения	136
18. Титов П.М., Лаптева А.И. Некоторые вопросы содействия оперативно-розыскной деятельности	142
19. Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. К вопросу о коллизиях оперативно-розыскного, уголовно- исполнительного и иного законодательства при исполнении лишения свободы: некоторые теоретические аспекты	148
Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права	
20. Баймышев В.Г. О проблемных вопросах учреждения специального международного военного трибунала как механизма имплементации ответственности военно-политических союзов	158
21. Кириченко Н.С. История развития международно-правового регулирования экоцида (военно-правовой анализ)	166
22. Плакса В.Н. Военные риски для гражданских космических систем как правовая проблема.....	172
23. Редкоус В.М. Правовое обеспечение реконверсии и социальной адаптации военнослужащих в государствах — участниках СНГ	177
24. Токсонбаев М.Э. Понятие и сущность военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации	185

Указатель сокращений

- абз.** — абзац
- БК РФ** — Бюджетный кодекс Российской Федерации
- ВАС РФ** — Высший Арбитражный Суд Российской Федерации
- ВВП** — валовой внутренний продукт
- ВВСТ** — вооружение, военная и специальная техника
- ВВЭ** — военно-врачебная экспертиза
- ВП** — военное положение
- ВПА** — Военно-политическая академия
- ВПК** — военно-промышленный комплекс
- ВСУ** — Вооруженные силы Украины
- ВУ** — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны Рос-
сии
- ВЮА** — Военно-юридическая академия
- ГИА** — государственная итоговая аттестация
- ГКО** — Государственный комитет обороны
- гл.** — глава
- ГОЗ** — Государственный оборонный заказ
- ДУ ВС РФ** — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации
- ДНР** — Донецкая Народная Республика
- ИУ** — исправительное учреждение
- КоАП РФ** — Кодекс Российской Федерации об административных правонаруше-
ниях
- КПСС** — Коммунистическая партия Советского Союза
- КТО** — контртеррористическая операция
- ЛНР** — Луганская Народная Республика
- МВД России** — Министерство внутренних дел Российской Федерации
- МВТ** — Международный военный трибунал
- МГП** — Международное гуманитарное право
- МИД России** — Министерство иностранных дел Российской Федерации
- Минздрав России** — Министерство здравоохранения Российской Федерации
- Минобороны России** — Министерство обороны Российской Федерации
- Минобрнауки России** — Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации
- Минпромторг России** — Министерство промышленности и торговли Российской
Федерации
- Минтруд России** — Министерство труда и социального развития Российской Фе-
дерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МТБЮ — Международный трибунал по бывшей Югославии

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКО — Народный комиссариат обороны

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

ОПОП — основная профессиональная образовательная программа

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОУН — Организация украинских националистов

п. — пункт

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РГУП — Российский государственный университет правосудия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роспотребнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

РЭБ — радиоэлектронная борьба

СВО — специальная военная операция

СИЗО — следственный изолятор

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГнКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УИК РФ — Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУЗ — федеральное государственное казенное военное учреждение здравоохранения

ФГОС — федеральный государственный образовательный стандарт

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФЦП — федеральная целевая программа

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков)

ч. — часть

ЧП — чрезвычайное положение

Теория и история военного права

Особенности медицинского обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны

© Бутов Сергей Валерьевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье представлен историко-правовой анализ медицинского обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрен порядок оказания медицинской помощи фронтовикам войск внутреннего предназначения, принимавшим участие в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками. Обозначены проблемы медицинского обеспечения военнослужащих войск НКВД, а также пути их решения в условиях военного времени.

Ключевые слова: медицинское обеспечение; медицинская помощь; раненые; военная медицина; военнослужащие; войска НКВД; Великая Отечественная война.

Для цитирования: Бутов С.В. Особенности медицинского обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 4. С. 8—14.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2025 г.

В годы Великой Отечественной войны боеспособность Вооруженных Сил СССР в значительной степени зависела от качества их материального обеспечения, определенного военным законодательством¹. Представляя собой важный элемент служебно-правового положения военнослужащих, материальное обеспечение состояло из денежного довольствия², продовольственного³ и вещевого обеспечения⁴, а также медицинской помощи.

Медицинская помощь ставила своей целью сохранение здоровья военнослужащих, восстановление боеспособности больных (раненых) и возвращение их в строй защитников Отечества.

На современном этапе развития российского военного законодательства специалисты в области военного права вопросы материального обеспечения военнослужащих относят к предметной обла-

¹ Бутов С.В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 103.

² Бутов С.В. Особенности денежного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в

состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 1(89). С. 20—26.

³ Бутов С.В. Особенности продовольственного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 3(91). С. 38—45.

⁴ Бутов С.В. Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 2(90). С. 53—60.

сти правового регулирования военно-социального права¹.

К началу Великой Отечественной войны медицинская служба НКВД СССР уже имела некоторый опыт, приобретенный в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 годов. Военнослужащие были обучены приемам оказания первой медицинской помощи как самим себе, так и товарищам по оружию, многие члены семей командного состава прошли подготовку в объеме медицинских сестер запаса. Однако ряд организационно-правовых вопросов оставался нерешенным. Войска НКВД не имели единого централизованного органа управления медицинской службой войск, штаты пограничных войск не предусматривали должности санитаров и санитаров-носильщиков, отсутствовали нормативные правовые акты, которые регламентировали бы деятельность медслужбы войск НКВД по организации медицинской помощи в военное время, в связи с чем войскам приходилось руководствоваться документами, разработанными НКО, такими как «Наставление по санитарной службе Красной Армии»², «Указания по военно-полевой хирургии»³, «Руководство для ротных санитаров и санитаров-носильщиков»⁴ и другими. Основным ведомственным медицинским документом Наркомата внутренних дел являлось изданное в конце июля 1942 г. «Положение о медико-санитарном обеспечении войск НКВД по охране тыла ДКА»⁵.

Как справедливо указывал в феврале 1942 г. начальник санитарного отдела Управления войск НКВД Западного фронта И. Н. Спивак, существовавшая для штатов мирного времени организация медицинского обеспечения в военное время не обладала достаточной эффективностью. В условиях войны была необходима

такая организация санитарной службы, которая обеспечивала бы медицинские потребности войск (доврачебную, врачебную и квалифицированную помощь) при выполнении задач как в режиме охраны объектов, так во время ведения боевых действий. В указанных целях предлагалось освободить средний и старший медицинский персонал от выполнения обязанностей младшего и рядового медсостава, создать в подразделениях штат медицинских работников, соответствующий объему возлагаемых на них задач, укомплектовать медицинские подразделения необходимым медимуществом и техникой, руководство всех войск НКВД фронта объединить, создать единый централизованный санитарный орган войск НКВД СССР, нормативно регламентировать конкретные вопросы медицинского взаимодействия с Красной Армией, иметь с ней общие кадры и медицинское снабжение.

Ввиду отсутствия нормативных актов, регламентировавших взаимодействие медицинских служб НКВД и НКО, взаимопомощь этих подразделений и некоторых лиц начальствующего состава не носила четко организованного характера. Вместе с тем военные медики как войск НКВД, так и Красной Армии, несмотря на пробелы в законодательстве, регламентирующем взаимодействие медицинских служб НКВД и Красной Армии, рискуя жизнью, выносили с поля боя всех советских военнослужащих, оказывали помощь всем без исключения бойцам Вооруженных Сил, что свидетельствует о высоком уровне боевого товарищества, о твердой вере воинов в общую победу. Так, санинструктор 2 мотострелкового полка ОМСДОН войск НКВД Л.А. Долгалева под непрерывным огнем врага сделала перевязки 42 раненым военнослужащим, а

¹ Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 10.

² Наставление по санитарной службе Красной Армии: проект / Сан. упр. Кр. Армии. Москва; Ленинград: Медгиз, 1941 (Москва).

³ Алексанян И.В., Кнопов М.Ш. Военно-полевая хирургия в годы Великой Отечественной войны. М.: Медицина, 2000. С. 11.

⁴ Руководство для ротных санитаров и санитаров-носильщиков: 89 рис. в тексте / Сан. упр. РККА. Москва; Ленинград: Наркомздрав СССР. Гос. изд-во мед. лит. «Медгиз», 1941.

⁵ Горячевский А.П. Медицинская служба пограничных войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне. Москва: Граница, 2005. С. 100.

15 тяжелораненых вместе с личным оружием вынесла с поля боя¹.

Война резко снизила санитарно-гигиенические условия жизни и быта как военнослужащих, так и населения страны. Она сопровождалась эпидемическими вспышками инфекционных заболеваний, в том числе и тех, которые в мирное время не возникали вообще или носили спорадический характер². Вместе с тем боевые потери составляли подавляющую часть потерь. Более 90 % смертей было вызвано огнестрельными ранениями.

Оказание медицинской помощи раненым военнослужащим войск НКВД проходило в несколько этапов:

— первая медицинская помощь, которая оказывалась санитаром или товарищем на поле боя и включала в себя наложение первичных дезинфицирующих повязок, обезболивание, остановку кровотечения с помощью жгута или закрутки, иммобилизацию конечностей при переломах путем наложения шины;

— доврачебная медицинская помощь, которая проводилась личным составом санитарного взвода батальона в батальонном медицинском пункте, удаленном на 0,5—1,5 км от линии фронта. Здесь принимались меры по дезинфекции, остановке кровотечения, регистрировались погибшие, а тяжелораненые направлялись в полковой медицинский пункт или пункт медицинской помощи (ПМП) пограничных войск НКВД;

— первая врачебная помощь, которая осуществлялась в ПМП или полковом медицинском пункте, располагавшемся в 1,5—5 км от линии фронта в палатках или уцелевших помещениях. На этом пункте

помимо лечения проводились несложные хирургические операции, устанавливался диагноз. Военнослужащие, получившие легкие ранения, через несколько дней лечения возвращались в строй. Те, кому была нужна специализированная помощь, направлялись в дивизионный медицинский пункт (ДМП);

— специализированная врачебная помощь осуществлялась уже на базе военных госпиталей, в том числе ведомственных, а также медико-санитарного батальона ДМП, располагавшихся на удалении 6—10 км от линии фронта. Не нуждавшиеся в госпитальном лечении военнослужащие направлялись в батальоны и команды выздоравливающих. Из них здоровые военнослужащие возвращались в свои части³.

Свои особенности имело медицинское обеспечение пограничных войск НКВД, в которых хирургическая помощь оказывалась в ПМП частей без эвакуации раненых в госпитали. Более 70 % военнослужащих рядового состава и 60 % начальствующего состава проходило лечение в лазаретах воинских частей⁴.

Армейские госпитали Красной Армии также занимались лечением военнослужащих войск НКВД. Нередки были случаи командирования военных врачей НКВД для оказания помощи в лечебных учреждениях Красной Армии. Согласно указанию Главного военно-санитарного управления Красной Армии от 31 августа 1942 г. № 471609/с все выписанные из госпиталей РККА военнослужащие войск НКВД направлялись для дальнейшего прохождения военной службы в воинские

¹ Марценюк Ю.А. и др. История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: военно-исторический труд в 5 т. Том III. Войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945) / под общ. ред. В.В. Золотова. М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2021. С. 132.

² Бутов С.В. Обеспечение прав военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны на надлежащий воинский быт как необходимое условие сохранения их боеспособности,

жизни и здоровья // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : Сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 года. СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 45.

³ Архив военно-медицинских документов (АВМД). Ф. 1. Оп. 47164. Д. 190. Л. 93.

⁴ Горячевский А.П. Медицинская служба пограничных войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне. Москва: Граница, 2005. С. 12.

части НКВД¹. Одним из факторов, оказавшим непосредственное влияние на выздоровление раненых, являлась их защита от вторичного поражения огнем противника во время эвакуации в лечебные учреждения. Так, за годы войны потери медиков только пограничных войск НКВД составили 482 человека.

Служебно-правовой статус военных медиков НКВД, установленный в том числе «Наставлением по санитарной службе Красной Армии»², обязывал обеспечивать безопасность раненых и больных под огнем противника. Понятно, что обеспечить их безопасность было возможно только посредством оказания вооруженного сопротивления врагу. Но применять оружие медики не имели возможности, так как из-за нехватки оружия на фронте, оно изымалось из медицинских организаций и тыловых частей и передавалось в действующую армию³. К примеру, согласно Справке о численно-боевом составе частей 10-й сд войск НКВД по состоянию на 13 сентября 1942 г. на вооружении 84-х военнослужащих медсанроты дивизии находилось всего 38 винтовок и 5 автоматов⁴.

Создание в апреле 1943 г. Главного управления войск НКВД охраны тыла Действующей Красной Армии (ДКА), в штате которого предусматривалась санитарная служба, способствовало объединению под своим началом санитарных служб всех видов войск НКВД, обеспечивающих охрану армейских и фронтовых тылов ДКА. Были разработаны положения «О санитарной службе Главного управления войск НКВД по охране тыла ДКА» и «О медико-санитарном обеспечении войск НКВД по охране тыла ДКА»⁵. С расширением штатов медперсонала сократилось время оказания первой помощи, улучшилось качество наложения

асептических повязок и профилактика инфекционных осложнений ранений, стали активнее применяться обезболивающие средства и новокаиновые блокады.

Снабжение медицинским имуществом текущего довольствия и боевого обеспечения в войсках НКВД охраны тыла производилось оперативно за счет медицинских ресурсов Красной Армии с последующим взаиморасчетом с Управлением военного снабжения НКВД СССР. В заключительный период войны из Управления военного снабжения начали поступать в войска импортные мультивитамины, каждая таблетка которых содержала суточную дозу витаминов А, Д, В1, В2, С, РР. В первую очередь мультивитаминами обеспечивались части с недостатком свежих овощей⁶.

Государственный комитет обороны придавал большое значение обеспечению войск НКВД медицинским имуществом. Его решениями с 1943 г. осуществлялось снабжение этих войск перевязочными изделиями (бинтами стерильными, ватой компрессной, повязками асептическими). Увеличение поставок в боевые подразделения и лечебные учреждения НКВД медицинских средств первой необходимости положительно сказывалось на качестве оказания медицинской помощи военнослужащим.

В мае 1943 г. ГКО своим постановлением № 3306⁷ распространил на НКВД свое решение от 14 июля 1942 г. № 2039, которым определялся порядок ношения военнослужащими Красной Армии отличительных знаков за ранение⁸. В соответствии с Положением, утвержденным указанным постановлением, факт ранения визуализировался посредством отличительного знака — прямоугольной шелковой нашивки в виде полосы, который носили военнослужащие, получившие ранения.

¹ Российский государственный архив (РГВА). Ф. 40. Оп. 1 Д. 712. Л. 28.

² Наставление по санитарной службе Красной Армии: проект / Сан. упр. Кр. Армии. Москва; Ленинград: Медгиз, 1941. С. 38.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 55.

⁴ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 3.

⁵ Горячевский А.П. Медицинская служба пограничных войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне. М.: Граница, 2005. С. 100.

⁶ РГВА. Ф. 38650с. Оп. 1. Д. 1813. Л. 21.

⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 166. Л. 61.

⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 43. Л. 179–182.

Такая нашивка располагалась над орденами с правой стороны груди военнослужащего. Цвет полос нашивки, свидетельствовал о тяжести ранения: темно-красный — легкое ранение, золотистый — тяжелое.

Большое влияние на дальнейшее прохождение военной службы военнослужащими войск НКВД в военное время оказывали результаты военно-врачебной экспертизы (ВВЭ), основной задачей которой являлась охрана здоровья фронтовиков. Органы ВВЭ анализировали практику лечения раненых и больных военнослужащих, определяли степень их годности к исполнению обязанностей военной службы, контролировали своевременность выписки воинов с излечения, направляли их на санаторно-курортное лечение. Например, во внутренних войсках НКВД через ВВЭ в 1944 г. прошло 858 военнослужащих, из них признано негодными к службе — 291, уволено в отпуск — 68, признано годными к нестроевой службе — 165, годными к строевой службе — 219, нуждающимися в санаторно-курортном лечении — 46¹.

На каждого освидетельствованного военнослужащего врачебная комиссия выдавала свидетельство о болезни. Этот документ являлся юридическим основанием для дальнейшего принятия решения о социальном обеспечении военнослужащего и его размерах².

В октябре 1944 г. на основании постановления ГКО от 28 июня 1944 г. № 6116 генералы и старший офицерский состав войск НКВД, увольняемые в запас (отставку) с выслугой 25 лет и более сохраняли за собой право на медицинское и санитарно-курортное лечение на основаниях, установленных для генеральского и

офицерского состава действующей армии. Офицерский состав войск НКВД имел право на обеспечение себя и членов своих семей медицинской помощью и санаторно-курортным лечением в случае увольнения с военной службы по состоянию здоровья или возрасту.

Подводя итоги исследования медицинского обеспечения войск НКВД, можно сделать выводы о том, что несмотря на отсутствие централизованного органа управления медицинским обеспечением и развитой ведомственной нормативной правовой базы, достигнутый в годы войны уровень оказания медицинской помощи раненым и больным фронтовикам позволял спасти жизни многим тысячам военнослужащим войск НКВД. Спасая бойцов и возвращая их в строй, военные медики войск НКВД внесли значительный вклад в победу над врагом.

Следует согласиться с В.М. Корякиным, утверждающим, что накопленный исторический опыт деятельности органов военного управления по развитию военного права должен быть использован в ходе решения проблем нормативно-правового обеспечения современной Российской армии³ и предлагающим создать систему социальных гарантий в отношении участников боевых действий заблаговременно, исключив исторически сложившийся в нашей стране принцип военно-социальной политики в отношении участников боевых действий, когда каждой войне, каждому вооруженному конфликту — своя нормативная база социальной защиты⁴. Таким образом, апробированный условиями военного времени опыт организации медицинского обеспечения военнослужащих, может оказаться полезным в современных вооруженных конфликтах.

¹ РГВА. Ф. 38650с. Оп. 1. Д. 1813. Л. 82.

² РГВА. Ф. 38650с. Оп. 1. Д. 1813. Л. 38.

³ Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10.

⁴ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлиц

тинформ, 2025; Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 93; Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 21; Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024.

Список источников

1. Алексанян И.В., Кнопов М.Ш. Военно-полевая хирургия в годы Великой Отечественной войны. Москва: Медицина, 2000. 264 с.
2. Бутов С.В. Обеспечение прав военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны на надлежащий воинский быт как необходимое условие сохранения их боеспособности, жизни и здоровья // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : Сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 43—47.
3. Бутов С.В. Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 2(90). С. 53—60.
4. Бутов С.В. Особенности денежного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 1(89). С. 20—26.
5. Бутов С.В. Особенности продовольственного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 3(91). С. 38—45.
6. Бутов С.В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 103—114.
7. Горячевский А.П. Медицинская служба пограничных войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне. Москва: Граница, 2005. 120 с.
8. Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10. EDN: WFHXJU
9. Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 21—30. EDN: VGAJFA
10. Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 2—10. EDN: QNHBRQ
11. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT
12. Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 85—93. EDN: UBPXSH
13. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: Ру-сайтс, 2024. 294 с. EDN: POZSSN
14. Марценюк Ю.А. [и др.]. История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: военно-исторический труд в 5 т. Том III. Войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945). / Ю.А. Марценюк и др. ; под общ. ред. В.В. Золотова. Москва : Ред. журнала «На боевом посту», 2021. 480 с.

Features of medical support for military personnel of the NKVD of the USSR, who were part of the active army during the Great Patriotic War

© Butov S.V.,

Candidate of Law, Senior Researcher at the Scientific Research Center of the Military Academy of the Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

Annotation. The article presents a historical and legal analysis of the medical care of military personnel of the NKVD of the USSR, who were part of the active army during the Great Patriotic War. The procedure for providing medical care to front-line soldiers of the internal troops who took part in the battles with the Nazi invaders is considered. The problems of medical care for NKVD troops are

outlined, as well as ways to solve them in wartime conditions.

Keywords: medical care; medical assistance; wounded; military medicine; military personnel; NKVD troops; The Great Patriotic War.

For citation: Butov S.V. Features of medical support for military personnel of the NKVD troops of the USSR, who were part of the active Army during the Great Patriotic War // Military Law. 2025. No. 4. pp. 8-14.

The article was received by the editorial office on May 13, 2025.

Деятельность советских партийно-государственных органов по борьбе с организацией украинских националистов в ходе присоединения Западной Украины к СССР (1939—1941 гг.)

© Камышанский Дмитрий Юрьевич,
член Экспертно-консультативного совета при
Совете Парламентской Ассамблеи Организа-
ции Договора о коллективной безопасности,
старший преподаватель юридического фа-
культета Московского университета имени
А.С. Грибоедова,
© Аксенов Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-
правовых дисциплин Московского универси-
тета имени А.С. Грибоедова

Аннотация. Анализ современной практики деятельности правоохранительных органов и воинских формирований Российской Федерации, обусловленной проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, свидетельствует о неких корреляционных взаимосвязях между СВО и периодом присоединения Западной Украины к СССР (1939—1941 гг.), учет которых может способствовать достижению современных целей по денацификации. В этой связи в научной статье рассматривается деятельность партийно-государственных органов по проведению политических, оперативно-войсковых и режимных мероприятий в борьбе с украинскими националистами в исторический период с 1939 по 1941 гг. Кроме того, авторами предпринята попытка представить положительные и негативные аспекты указанной деятельности.

Ключевые слова: партийно-государственных органы, СССР, Западная Украина, украинский национализм, организация украинских националистов.

Для цитирования: Камышанский Д.Ю., Аксенов А.Н. Деятельность советских партийно-государственных органов по борьбе с организацией украинских националистов в ходе присоединения Западной Украины к СССР (1939—1941 гг.) // Военное право. 2025. № 4. С. 15—20.

Статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г.

В условиях проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины интерес представляет анализ исторического опыта борьбы с организацией украинских националистов (ОУН)¹ в ходе «освободительного похода» Красной армии и вхождения западных областей Украины в 1939—1941 гг. в состав Советского Союза. Важнейшей составной частью деятельности по борьбе с повстанческим движением в За-

падной Украине был комплекс политических, оперативно-войсковых и режимных мероприятий, проводимых советскими партийно-государственными органами.

Политическая работа в рассматриваемый период проводилась на основе решений центральных партийных органов и, в первую очередь, ЦК КП(б) Украины по единому плану и включала в себя взаимосвязанные агитационно-пропагандистские, политико-массовые и культурно-воспитательные мероприятия. В них

¹ Камышанский Д.Ю. Факторы, влияющие на формирование, развитие и реализацию угроз безопас-

ности Российской Федерации, связанные с проведением специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2025. № 2. С. 11.

участвовали центральные, республиканские и местные партийные и советские органы, политорганы военных округов, внутренних и пограничных войск, творческая украинская интеллигенция, журналисты, работники просвещения и культуры. К политическим мероприятиям относились: разъяснение в средствах массовой информации природы советского общества, сущности националистического движения и необходимости борьбы с ним; введение различных режимных ограничений на территориях, пораженных бандитизмом; отселение из мест постоянного проживания лиц, ведущих антисоветскую деятельность, пособников и членов их семей и др.¹

Раскроем наиболее подробно некоторые из них.

Началом политической работы можно считать выступление по радио председателя СНК СССР В.М. Молотова со специальным обращением Советского правительства в связи с разгромом польской армии и уже не существовавшего де-факто Польского государства. В нем он в частности заявил: «... От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу. В виду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять

под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. ...»².

Действия СССР в отношении присоединения территорий, ранее отторгнутых в ходе советско-польской войны 1920 г., поддержал даже военно-морской министр Англии У. Черчилль. Выступая 1 октября 1939 г. по радио, он заявил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмелится напасть»³.

Что касается отношения к этим событиям местного населения, оно было достаточно лояльным, поэтому ни о каких бы то ни было народных выступлениях против «советских оккупантов» речи не шло. Так, руководство Киевского погранокруга в оперативной сводке от 17 сентября 1939 г. докладывало: «... население польских сел повсеместно приветствует наши части, оказывая содействие в переправе через реки, продвижению обоза, вплоть до разрушения укреплений поляков»⁴.

Политические мероприятия, проводимые советской властью в довоенный период на территории Западной Украины (введение украинского языка в государственных учреждениях, создание сети украинских школ, наделение земельными участками крестьян и др.), в значительной мере подорвали массовую базу ОУН. Несмотря на это с вхождением Западной Украины в состав СССР опиравшаяся на помощь немецкой разведки бывшая политическая элита не собиралась отдавать власть. К имевшимся ранее украинским националистическим формированиям присоединились польские вооруженные

¹ Родин А.Ю. Идеология и практика объединения украинских националистов: от создания до начала Великой Отечественной войны // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. № 1-2(6). С. 122.

² Баканов А.И. Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов (1929—1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 122.

³ История Великой Отечественной войны : очерки совместной истории. СПб.: Издательство Алетей, 2020. С. 128.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. док. / Федер. служба контрразведки Рос. Федерации. Акад. Федер. службы контрразведки Рос. Федерации. М.: Кн. и бизнес, 2008. С. 243.

отряды. В ходе проведения на присоединенных территориях национализации и аграрной реформы националистические формирования путем террора и запугивания пытались сорвать эти мероприятия. Оуновцы осуществляли попытки провести антисоветские выступления в различных районах Западной Украины, например, 18—19 декабря 1939 г. в с. Иванчаны, с. Черняховцы, г. Збараж Тернопольской области, в Станиславской области¹.

Для купирования антисоветской деятельности на территории Западной Украины проводилось выселение активных деятелей бандформирований и националистического подполья, антисоветски настроенных лиц из числа представителей имущих классов населения. Выселение членов семей ОУН было проведено на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР». Всего в мае 1941 г. из Западной Украины было выселено более 3 тыс. семей численностью более 11 тыс. чел². Не прибавило авторитета Советской власти и отселение пограничниками жителей из 800-метровой пограничной полосы с разрушением всех находившихся там построек. Мероприятие проводилось в интересах обеспечения надежности охраны государственной границы, но не было должным образом подготовлено. Вследствие плохой организации появились лица, недовольные действиями государственных органов. Выселение и отселение вместе с принуждением крестьян вступать в колхозы привело к неприятию

Советской власти значительным количеством сельского населения.

Начало Великой Отечественной войны и последующая оккупация территории Украины не позволили в полной мере вести политическую работу с населением до освобождения от немецкой оккупации, но это не значит, что ее не было. Важным элементом агитации было подчеркивание военной мощи СССР и безнадежности сопротивления советской власти³.

Несмотря на то, что в разгроме националистического вооруженного подполья принимали активное участие разнородные и разноведомственные силы и средства (части и подразделения Красной армии, истребительные батальоны, органы милиции, органы военной контрразведки и т. д.), основная тяжесть борьбы с ОУН в предвоенный период легла на органы и войска госбезопасности НКВД–НКГБ.

В соответствии с директивой НКВД от 15 сентября 1939 г. оперативные группы чекистов должны были продвигаться вместе с передовыми частями Красной армии, создавать в занятых нашими войсками местностях временные органы власти, а также во всех значительных населенных пунктах — аппарат НКВД⁴.

17 сентября 1939 г. советские войска перешли государственную границу и практически не встретили серьезного сопротивления. Агентурная сеть польской разведки в приграничной полосе была парализована в ходе реализации имевшихся чекистских оперативных игр и разрабо-

¹ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны : документы в 2 томах / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Архив Президента Российской Федерации, Управление регистрации и архивных фондов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Архив Службы внешней разведки Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Том 1. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2012. С. 426.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. док. / Федер. служба контрразведки Рос. Федерации. Акад. Федер. службы контрразведки Рос. Федерации. М.: Кн. и бизнес, 2008. С. 133.

³ Баканов А.И. Указ. соч. С. 389.

⁴ Климов А.А., Козлов А.В. Невидимый фронт: Красная Армия, пограничные и внутренние войска в борьбе с украинскими националистами (1939—1953 гг.). М.: ФГКУ «Редакция военно-публицистического и литературно-художественного журнала "На боевом посту" войск национальной гвардии Российской Федерации», 2018. С. 118.

ток. Оперативные группы НКВД находились в зоне действия передовых частей Красной армии¹.

С момента ввода на территорию западных областей Украины частей Красной армии органы госбезопасности в борьбе с распространением украинских националистических идей действовали в ряде случаев репрессивными методами, не всегда проявляли такт и терпение в отношении местного населения, лидеров политических партий и организаций, национальной интеллигенции, уважения местных традиций, культуры и обычаев². Поэтому часть населения Западной Украины отрицательно восприняла установление советской власти. Усугубила ситуацию насильственная коллективизация, отселение населения из приграничных районов.

В 1939—1941 гг. пограничные войска осуществляли деятельность по организации охраны новой западной границы. В директиве заместителя народного комиссара внутренних дел И.И. Масленникова 28 октября 1939 г. содержались указания: организовывать охрану государственной границы на основе тщательного изучения границы, местности, населения как в своей пограничной полосе, так и в полосе ближайшего закордона; устраивать простейшие инженерные заграждения на границе средствами и силами всех подразделений частей; высылать пограничные наряды усиленного состава и развертывания агентурной и войсковой разведки. Кроме того, в документе определялся порядок отношений с населением: соблюдать полное уважение к местным и национальным обычаям; помогать органам управления в налаживании хозяйственной, политической и культурной работы среди населения; въезд, передвижение и работу граждан в 500-метровой погранич-

ной полосе допускать только по разрешениям пограничных войск, не ущемляя при этом хозяйственных и бытовых интересов местного населения; о правилах пограничного режима широко оповестить местное население³.

Разъяснительная работа в селах была начата 8 апреля 1940 г. и направлена на доведение местным жителям решения о необходимости их переселения и отселения в интересах укрепления охраны госграницы и создания переселяемым и отселяемым лучших условий хозяйственной деятельности, не связанной с пограничным режимом. С 9 апреля начался выезд из населенных пунктов 800-метровой пограничной полосы в намеченные районы. Отселение было практически закончено к июлю 1940 г. При проведении отселения выявились организационные недостатки: недостаточность или отсутствие предварительной разъяснительной работы среди местного населения; несвоевременное предоставление транспорта для перевозки личных вещей и переселенцев; несвоевременное вручение готовым к выезду хозяйствам денежных пособий; отсутствие точного учета свободных земель и построек на новых местах поселений, в результате значительное количество хозяйств возвращалось в свои села⁴.

В ряде случаев после неудачных попыток работы районных представителей, вызывавших нездоровые реагирования населения, пограничники путем разъяснения восстанавливали порядок, и после этого происходил организованный выезд жителей. В отдельных селах крестьяне заявляли: «Позовите сюда пограничников, мы их будем слушать, т.к. они всегда говорят по делу и только правду». В целом же переезд на новые места воспринимался негативно, особенно зажиточными кре-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 201.

² Бастрыкин А.И. Расследование преступлений Вооруженных сил Украины и украинских националистов // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка : лекции / Под редакцией А.И. Бастрыкина. М.: Проспект, 2023. С. 17.

³ Осташевский А.В. Идеология украинского национализма: истоки и эволюция // Социально-гуманитарный Вестник : Всероссийский сборник научных трудов. Выпуск 17. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2015. С. 45.

⁴ Баканов А.И. Указ. соч. С. 209.

ствиями. Сталкиваясь с трудностями, переселенцы винили в неустроенности и трудностях государственную власть, этим пользовались националистические организации, пополнявшие за счет недовольных свои ряды.

С выходом на новые государственные границы начинаются столкновения пограничных войск с ОУН. Например, в декабре 1939 г. на участке 91-го пограничного отряда в с. Подземыш был ликвидирован вооруженный переправочный пункт ОУН, возглавлявшийся местным жителем, при ликвидации изъято 6 польских винтовок. 15 февраля 1940 г. при задержании на участке 93-го пограничного отряда четырех оуновцев, пытавшихся нарушить границу, выявлен вооруженный переправочный пункт ОУН возглавляемый жителем с. Бандрув¹. Подобные случаи были не редкостью в тот период, и это послужило причиной очистки пограничной полосы от местного населения и построек. Кроме того, на участках пограничных отрядов были вскрыты действующие организации ОУН, имеющие ячейки в различных селах. В директиве командования погранвойск об итогах службы по охране государственной границы за апрель – ноябрь 1940 г. от 27 ноября 1940 г. отмечалось, что германская разведка в своей деятельности наиболее широко использует актив ОУН².

Таким образом, деятельность партийно-государственных органов в борьбе с оуновским движением в ходе присоединения западных областей Украины к СССР включала в себя комплекс заблаговременных политических, оперативно-боевых и режимных мероприятий, проводимых по единому плану разнородными силами и средствами. Несмотря на ряд отрицательных фактов в этой деятельности в целом она осуществлялась достаточно эффективно, что позволило в кратчайшие

сроки провести советизацию присоединенных территорий и в основном разгромить националистическое подполье на Западной Украине.

По нашему мнению, учет исторического опыта крайне необходим для достижения целей по демилитаризации Украины в современных условиях. Как показывает практика, учет таких особенностей позволяет не допускать ранее совершенных неточностей и ошибок, что позволяет эффективно и быстро решать поставленные задачи.

Список источников

1. Баканов А.И. Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов (1929—1945 гг.) : дис. ... канд. ист. Наук. Москва, 2012. 443 с.
2. Бастрыкин А.И. Расследование преступлений Вооруженных сил Украины и украинских националистов // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка : Лекции / Под ред. А.И. Бастрыкина. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектива», 2023. С. 16—25.
3. История Великой Отечественной войны : очерки совместной истории. Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2020. 850 с.
4. Камышанский Д.Ю. Факторы, влияющие на формирование, развитие и реализацию угроз безопасности Российской Федерации, связанные с проведением специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2025. № 2. С. 9—14.
5. Климов А.А., Козлов А.В. Невидимый фронт: Красная Армия, пограничные и внутренние войска в борьбе с украинскими националистами (1939—1953 гг.). Москва: Федеральное государственное казенное учреждение «Редакция военно-публицистического и литературно-художественного журнала "На боевом посту" войск национальной гвардии Российской Федерации», 2018. 208 с.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. док. / Федер. служба контрразведки Рос. Федерации. Акад. Федер. службы контрразведки Рос. Федерации. Москва : Кн. и бизнес, 2008. 809 с.
7. Осташевский А.В. Идеология украинского национализма: истоки и эволюция // Социально-гуманитарный Вестник : Всероссийский сборник научных трудов / Краснодарский центр научно-технической информации (ЦНТИ) — Филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, Краснодарское

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 641.

² Соловьев В.С. Опыт уголовно-правовой квалификации преступлений, совершаемых украин-

скими националистами // Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности : Сборник научных трудов. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 67.

отделение Российского общества интеллектуальной истории, Краснодарское региональное отделение Российского Философского общества. Том Выпуск 17. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2015. С. 44—50.

8. Родин А.Ю. Идеология и практика объединения украинских националистов: от создания до начала Великой Отечественной войны // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. № 1-2(6). С. 121—123.

9. Соловьев В.С. Опыт уголовно-правовой квалификации преступлений, совершаемых украинскими националистами // Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности : Сборник

научных трудов. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 65—70.

10. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны : документы в 2 томах / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Архив Президента Российской Федерации, Управление регистрации и архивных фондов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Архив Службы внешней разведки Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Том 1. Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2012. 877 с.

The activities of soviet party and state bodies in combating the organization of Ukrainian nationalists during the annexation of Western Ukraine to the USSR (1939-1941)

© Kamyshansky D.Yu.,

member of the Expert Advisory Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, senior Lecturer, Faculty of Law, Moscow University named after A.S. Griboyerov,

© Aksenov A.N.,

senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines Moscow University named after A.S. Griboyedov,

Abstract. An analysis of the modern practice of law enforcement agencies and military formations of the Russian Federation, due to the conduct of a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine, indicates some correlations between the SVR and the period of the annexation of Western Ukraine to the USSR (1939-1941), which can contribute to the achievement of modern denazification goals. In this regard, the scientific article examines the activities of party and state bodies in carrying out political, operational, military and regime measures in the fight against Ukrainian nationalists in the historical period from 1939 to 1941. In addition, the authors have attempted to present the positive and negative aspects of these activities.

Keywords: party and state bodies, USSR, Western Ukraine, Ukrainian nationalism, organization of Ukrainian nationalists, OUN.

For citation: Kamyshansky D.Yu., Aksenov A.N. The Activities of Soviet Party and state Bodies in Combating the Organization of Ukrainian Nationalists during the Annexation of Western Ukraine to the USSR (1939-1941) // Military Law. 2025. No. 4. pp. 15-20.

The article was received by the editorial office on May 19, 2025.

Особенности законодательства военного времени (опыт Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.)

© Тарадонов Сергей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
государства и права ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье на основе теоретико-правового и историко-правового подходов предпринимается попытка определить особенности нормативного регулирования в период Великой Отечественной войны. Формулируются предложения по развитию законодательства военного времени на современном этапе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военное положение, военное время, военное законодательство, законодательство военного времени.

Для цитирования: Тарадонов С.В. Особенности законодательства военного времени (опыт Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) // Военное право. 2025. № 4. С. 21—30.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

На рубеже 2021—2022 гг. кризис взаимоотношений между Россией и странами НАТО достиг своего апогея. Пришло осознание, что иного решения, помимо реального вооруженного противоборства — нет.

Российское государство столкнулось с беспрецедентным количеством проблем в разных сферах политической, экономической, технологической, правовой и иных. Практически сразу стало очевидно, что без введения чрезвычайного законодательства¹ не обойтись. Потребовалось законодательство, предусматривающее необходимые правовые механизмы, регламентирующие деятельность всей военной организации государства.

Следует признать, что законодательство, принимаемое на первоначальном этапе проведения СВО, зачастую было противоречивым и во многом несовершенным.

Именно поэтому ретроспективное исследование эволюции правовых средств управления в период кризисных этапов

функционирования российского государства представляет научный и практический интерес, позволяет выявлять существенные закономерности государственного и военного строительства.

В законодательстве и научном обороте на различных этапах российской государственности используются различные подходы к понятиям и видам особых (чрезвычайных) правовых режимов. К наиболее устоявшимся можно отнести режимы военного положения, исключительного положения, чрезвычайного положения, осадного положения, режим осадного положения «город-фронт» в блокадном Ленинграде, контртеррористической операции. Особое место среди особых правовых режимов занимает состояние военного времени. Исследованию чрезвычайного законодательства действующего на различных этапах российской государственности, составной частью которого является военное законодательство военного времени, научное сообщество уделяет значительное внимание².

¹ По сути, в части, это и есть законодательство военного времени.

² Александров О.Г. Чрезвычайное законодательство в России во второй половине XIX — начале

XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000; Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941—1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения

Бесспорно, что одним из гигантских катаклизмов, в котором Советское государство оказалось способно максимально сконцентрировать людские, материальные, правовые и другие ресурсы и направить их на решение стоящей задачи, является период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Перестройка всех сфер государственной деятельности на военный лад, подчинение их интересам фронта и разгрома врага потребовали новых методов управления. Встала задача перестройки механизма Советского государства применительно к условиям военного времени.

Еще в начале 1918 г., когда в деятельности всех звеньев Советского государства на первое место выдвинулась задача защиты социалистической революции, главное направление определялось ленинским выводом о том, что «... раз дело дошло до войны ... вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне»¹. Идея законов военного времени, как особых государственно-правовых актов, призванных регулировать и охранять общественные отношения в вооруженной борьбе за социалистическое отечество трудящихся, впервые была выдвинута В.И. Лениным сразу же после Октябрьской социалистической революции, и затем неоднократно подчеркивалась им в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции².

Суть этой ленинской идеи состоит в том, что в военное время действуют, наряду с общими законами, чрезвычайные законы, предъявляющие к организациям и населению повышенные требования и предусматривающие более суровые наказания за правонарушения. «За нерадение или недостаток энергии, — требовал В.И. Ленин, — ответственность, по законам военного времени»³.

Изменения во внутренней и внешней политике, вызванные войной, потребовали соответствующих изменений и в области советского права, обусловили введение в действие и применение законов военного времени.

Эти изменения касались не только введения в действие законов военного времени, наряду с сохранением силы основных законов мирного времени. Производилось перераспределение компетенции между государственными органами, видоизменялись методы и формы борьбы за законность и правопорядок в тылу и на фронте.

Однако в СССР имеющийся правовой опыт по разработке нормативных актов для применения в чрезвычайных условиях использован не был. Поэтому, как верно отмечает А.А. Дерюгин, значительные пробелы в советском законодательстве, не отвечавшем предвоенным реалиям, пришлось устранять в ходе войны при огромном дефиците времени⁴.

безопасности фронта и тыла северо-запада): монография. СПб.: Агентство «РДК-принт», 2001; Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (теоретический и историко-правовой аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001; Кучма Ю.Н. Законодательство военного времени — средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ): дис. ... канд. юр. наук. М.: ВУ, 1995; Максимов Р.А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014; Никонов Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006; Ухов В.Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; Фомин А.А. Чрезвычайное

законодательство в Российском государстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014 и др.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 117.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 256, 278; Т. 27, С. 14—15.

³ Кравцов Б.П. Особенности законов военного времени (опыт Великой Отечественной Войны 1941—1945 г.г.) // Труды Академии. № 24. М.: ВПА, 1958. С. 66.

⁴ Дерюгин А.А. Чрезвычайные правовые режимы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 13, № 36. С. 46—49.

Перестройка механизма социалистического государства на военный лад, в частности, образование Государственного Комитета Обороны и местных комитетов обороны в прифронтовых районах, создание органов военной власти в местностях, объявленных на военном положении, изменения в системе органов отраслевого государственного управления — образование министерств и управлений, связанных с производством вооружения и государственным обеспечением военнослужащих и их семей, — ознаменовались группой государственно-правовых актов военного времени, оформлявших эти изменения и регулировавших деятельность указанных органов.

При создании всей системы правового регулирования в период войны, формировании советского законодательства военного времени учитывались следующие объективно складывающиеся факторы:

1. Все сферы государственной и общественной жизни были подчинены единой основополагающей цели — обеспечению победы над врагом.

2. Возникновение, изменение и прекращение правоотношений во время войны характеризовалось тем, что появились новые виды юридических фактов и расширилась их классификация. Правомерные действия граждан и акты органов государственной власти в связи с ведением войны дополнили систему юридических фактов мирного времени, а с другой стороны война вызвала к жизни ряд противоправных фактов, наказуемых законами о воинских преступлениях, особенно совершенных в районе военных действий, в боевой обстановке, что нашло отражений в законодательстве¹.

3. Несколько изменилась практика установления и оформления правовых последствий, фактов, имеющих юридиче-

скую значимость: особый порядок признания умершими безвестно отсутствующих; определение инвалидности в связи с ранениями и увечьями, полученными на фронте; взыскание алиментов с лиц находящихся на фронте, на содержание детей; удостоверение доверенностей и завещаний военнослужащих; приобретение и утрата права на имущество в связи с военными, действиями и т. п.

4. В советское законодательство военного времени вынуждено вводились некоторые изъятия из норм законодательства мирного времени в части ограничения прав и свобод граждан. Без введения этих ограничений добиться победы в войне было бы практически невозможным. Еще такой классик европейской философской и государственной мысли как Ш. Монтескье, отмечал, что «в государствах, где наиболее дорожат свободой, существуют законы, позволяющие нарушать свободу одного, дабы сохранить ее для всех. ... Опыт народов самых свободных, какие когда-либо существовали на земле, заставляет признать, что бывают обстоятельства, когда необходимо на некоторое время набросить покров на свободу, как некогда его набрасывали на статуи богов»². Например, были временно отменены отпуска для рабочих и служащих; ограничены свободы передвижения граждан; предусматривалась передача государству для использования в военных целях отдельных объектов личной собственности (мотоциклов, радиоприемников, биноклей) и т.п.

5. Система правового регулирования в период войны складывалась в условиях введенного на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. особого правового режима в виде военного положения. Исследованию института военного положения военно-правовая наука ранее уже уделяла пристальное внимание³.

¹ См. Уголовный кодекс РСФСР, ст. ст. 193.20, 193.21, 193.22, 193.27, 193.28.

² Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 330—331.

³ Артамонов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву: дис. ... канд. юр. наук. М.:

ВЮА, 1951; Зиборов О.В. Административно-правовая концепция военного положения: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016; Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.:

Интересно, что в рассматриваемый исторический период (30—50 годы XX в.) представители военно-юридической науки выделяли две разновидности военного положения: реальное и фиктивное. Реальное военное положение отличается от фиктивного военного положения тем, что первое имеет место тогда, когда государство находится в опасности целиком и исключительно в силу военного нападения извне (при международном военном конфликте). Фиктивное военное положение имеет место тогда, когда существование данного общественного и государственного строя находится в опасности в силу резко обострившейся классовой борьбы внутри государства, борьбы, переходящей или уже перешедшей в гражданскую войну (при внутреннем вооруженном конфликте).

Очевидно, что в истории советского государственного и военного права никогда не было момента, когда бы военное положение приобрело столь чистую форму так называемого реального военного положения, каким мы его видели в условиях Великой Отечественной войны¹.

6. Советское законодательство во время войны и государственно-правовая практика целенаправленно поддерживали ту сторону идеологической жизни, которая была тесно связана с защитой социалистического отечества: поощрение массового военного героизма, культивирование патриотизма, поддержка норм семейной морали, обеспечение непримиримого отношения к дезорганизаторам тыла и фронта, создание необходимой основы для повышения у советских людей гражданского долга и чувства законности.

7. В тех случаях, когда по обстоятельствам военного времени, как, например, в городах, объявленных на осадном положении, в быстро изменяющейся фронтовой обстановке, в партизанских краях во

временно оккупированных врагом районах, отдельные нормы действующего законодательства оказывались недостаточными либо непосредственно неприменимыми, роль источника права играло советское социалистическое правосознание; оно восполняло отдельные пробелы в законодательстве, являлось непосредственным регулятором общественных отношений. В отдельных случаях нормы советского права применялись по аналогии. Как справедливо указывал советский учёный-правовед профессор М.Д. Шаргородский, наряду с аналогией закона в исключительных случаях и в отличие от мирного времени имела место и аналогия права: в партизанских краях, ввиду отсутствия законодательных актов применялись общие принципы советского права².

8. Наряду со способами и методами обеспечения законности и поддержания порядка в стране, используемыми в мирное время, практиковались способы и методы обеспечения законности и поддержания порядка применительно к условиям войны: контроль военных властей за законностью в области обороны, общественного порядка и государственной безопасности; чрезвычайные полномочия военного командования в районах военных действий; комендантская и патрульная служба в местностях, объявленных на военном положении; расширение судебных функций военных трибуналов и надзорной функции военных прокуратур; введение исключительных мер усиленной охраны в городах, объявленных на осадном положении, и др.

9. При обеспечении законности и правопорядка в условиях войны в случае отдельных коллизий законов мирного и военного времени предпочтение отдавалось законам военного времени. Требовалось, чтобы нормативные правила, изда-

ВУ, 1998; Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РАГС, 2006; Федоров В.А. Правовой институт исключительного (военного и чрезвычайного) положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

¹ Берцинский С.М. Военное положение по советскому праву // Труды Академии. М.: ВЮА, 1948. № VII. С. 65.

² Шаргородский М.Д. Вопросы общей части уголовного права в условиях военного времени // Ученые записки МГУ. М., 1945. Вып. 76, кн. 6. С. 100—108.

ваемые местными органами власти, находились в соответствии с правилами, введенными в действие военными властями в местностях, объявленных на военном положении¹.

10. Система социалистического права в период Великой Отечественной войны получила в связи с действием законов военного времени дальнейшее развитие по отраслям и по отдельным институтам. Видоизменились в значительной мере методы правового регулирования общественных отношений, в частности, возросла роль приказа, особенно военного, как одного из методов правового регулирования. При организации социалистического хозяйствования, изменилось соотношение между планом и договором: договорно-правовые обязательства в период войны были несколько сужены, а непосредственные плановые задания государства предприятиям и хозорганам, особенно в области военного хозяйства — расширены².

11. Военно-правовые нормы вклинивались в содержание других отраслей советского социалистического права. Нормы трудового права, административного права, финансового права, гражданского права, судебного права, уголовного права дополнялись и видоизменялись, получали поправки в соответствии с военными надобностями. Эти отрасли советского права пополнились рядом институтов и норм чисто военного характера, а также норм, сходных в ряде отношений с нормами военного законодательства. Достаточно сослаться на институты трудовой военной мобилизации и всеобщего военного обучения населения, военного налога, военных орденов и медалей, военной поставки, территориальных военных судов; на военизацию отдельных мер уголовного наказания — штрафные роты и батальоны.

Данные особенности функционирования механизма правового регулирования в военное время наглядно иллюстрируют

своеобразие проявлений служебной роли права в осуществлении функций Советского государства и деятельности его Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны.

Обозначенные выше и иные обстоятельства обусловили формирование законов военного времени на основе следующих принципов и приемов юридической техники:

1. Конституция СССР оставалась на всем протяжении Великой Отечественной войны политико-юридической базой всего текущего и чрезвычайного законодательства и государственно-правовой практики. В целом конституционные принципы советского права в период Отечественной войны были незыблемы.

На основе конституционных положений и норм объявлялось военное положение, проводилась массовая мобилизация военнообязанных³. Руководствуясь конституционными нормами, государственные органы осуществляли управление делом строительства и использования Советских Вооруженных Сил, проводили в жизнь закон о всеобщей воинской обязанности, регулировали порядок прохождения гражданами военной службы в условиях войны.

Вместе с этим, в условиях войны отдельные конституционные нормы советского права претерпели необходимые изменения. В связи с временной оккупацией немецко-фашистскими захватчиками ряда областей и районов Советского Союза практическое применение юридических норм в этих местностях не осуществлялось до изгнания врага. По обстоятельствам военного времени было видоизменено либо частично приостановлено до окончания войны действие некоторых положений Конституции, касающихся периодичности выборов в Советы и регулярного созыва их сессий. Для граждан были введены ограничительные условия и более строгий порядок пользования правами

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», ст. 4—6.

² Советское право в период Великой Отечественной Войны. М., 1948. С. 94—107.

³ Артамонов Д.Н. Указ. соч.

и несения обязанностей в области труда, отдыха, образования и иных сферах.

2. Во время войны, действие части законов, правовых норм и институтов, применявшихся в мирное время, была приостановлена, как не относящихся к задачам ведения войны или имевших чрезвычайно отдаленное к этому отношение. Взамен их были введены в действие законы (нормы и институты) военного времени, обусловленные чрезвычайной обстановкой, признанные действовать только в годы войны и рассчитанные всецело на победу в войне.

Эта часть норм советского права, имевшая целью обеспечить осуществление функций государства по военной защите социалистического отечества, была представлена как законами, принятыми еще в мирные годы, но введенными в действие в связи с войной (например, нормы права, разрешавшие вопросы военной мобилизации, развертывания армии по штатам военного времени, регулирования взаимоотношений людей в тылу и на фронте), так и законами, указами, правительственными постановлениями, изданными в начале и в последующие периоды войны: указ о военном положении, правительственное постановление о всеобщем военном обучении, административно-правовые акты по вопросам противовоздушной обороны и т.п.

3. Во время войны были расширены источники советского социалистического права как по их кругу, так и по содержанию. Особенностью юридической техники советских законов военного времени являлось то, что общие нормы права и индивидуальные административные распоряжения часто объединялись в одном акте.

4. В системе источников советского социалистического права военного времени большое распространение получили указы, особенно указы Президиума Верховного Совета СССР¹. Президиум Верховного Совета СССР широко выполнял в

военное время функции верховного, постоянно действующего органа государственной власти, что вытекало из Конституции, предусматривающей такую практику в случае состояния войны и введения военного положения в стране. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» И.В. Сталин назвал законом об охране тыла Красной Армии. Изданные во время войны указы, содержащие нормы общего характера, не вносились, в отличие от практики мирного времени, на утверждение законодательной власти.

5. Особое место среди источников права занимали постановления Совета ГКО, которые издавались по вопросам военной защиты страны и строительства вооруженных сил. Условия чрезвычайной обстановки Великой Отечественной войны вызвали необходимость создания чрезвычайных государственных органов, призванных выполнять особые функции. Важнейшим из них являлся Государственный Комитет Обороны.

На местах в ряде городов прифронтовой полосы были образованы местные комитеты обороны. Был учрежден институт уполномоченных Государственного Комитета Обороны, действовавших в союзных и автономных республиках, в краях и областях. Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. о создании ГКО явилось одним из важнейших законов военного времени. Этим актом была установлена новая юридическая норма военного времени, равнозначная конституционной, согласно которой в руках ГКО сосредотачивалась вся полнота власти в государстве. На всех граждан и на все органы возлагалась обязанность беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО.

6. Важное нормативное значение имели постановления Совета Народных Комиссаров СССР, особенно по вопросам

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1945. С. 97—153, 233, 247—250, 260—336.

хозяйственного и социально-культурного строительства военного времени.

7. Особое значение среди источников советского социалистического права во время войны имели постановления и приказы, издаваемые военными властями, т.е. военными советами округов, фронтов и армий в местностях, объявленных на военном положении. Это вызвало новое соотношение между приказами и инструкциями министерств и ведомств и решениями местных органов государственной власти, так как все эти акты в условиях войны издавались по несколько суженному кругу отношений в связи с передачей ряда вопросов в ведение военных властей.

8. Во время войны возросла роль судебной практики в советском праве. По сути дела, судебная практика играла роль вспомогательного средства к источникам права военного времени. Толкование и определение порядка применения советских правовых актов, особенно законов военного времени, восполнение пробелов в праве нередко осуществлялось дачей руководящих указаний Верховным Судом СССР¹. Своеобразно встал вопрос в условиях военного времени о правовом прецеденте. В частности, правовая практика в партизанских краях и районах, объявленных на осадном положении, знала факты применения правового прецедента к случаям, совершенно не предусмотренным советским законодательством и вызванным исключительными условиями войны. Роль обязательного образца играли решения Военной коллегии Верховного Суда СССР, которые принимались ею по отдельным сложным делам. Равным образом Советское государство использовало правовой прецедент в международных делах, возникших в связи с войной, например, при регулировании конвоирования торговых судов союзников с военными грузами.

Таким образом, изменения в советском законодательстве о государственном

аппарате, вызванные условиями войны, показывает, что оно было нацелено на решение задач военного времени. Очевидно также, что назначение законодательства в условиях Великой Отечественной войны существенно изменилось в сравнении с его ролью в мирное время. Правовые нормы законов военного времени в области государственного права были призваны регулировать и обеспечивать общественные отношения, вызванные военной обстановкой.

Административное право пополнилось комплексом норм, действие которых специально предназначалось на военное время. Значительно изменился порядок применения норм государственного и административного права. Акты военно-административного характера, издаваемые высшими органами государственной власти и органами государственного управления, местными органами государственной власти и военными властями, заняли большое место среди советских правовых актов военного времени. В этом нельзя не видеть дальнейшего развития советского права в целом, ряд норм которого, как и порядок его применения, являлись важным не только для военного времени, но и сохранили определенное значение в условиях послевоенного мирного строительства.

Законы военного времени имели приоритет перед законами мирного времени и отличались более строгими и суровыми санкциями, применяемыми к правонарушителям. Наказания по законам военного времени определялись в порядке военной, административной и судебной юрисдикции. Процедура определения, вынесения и применения наказания по законам военного времени осуществлялась ускоренно; допускалось упрощение некоторых юридических формальностей и исключалось в определенных случаях обжалование судебных и административных решений².

Вместе с тем, опыт Великой Отечественной войны показывает, что наряду с

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1952. С. 121—125, 153—155, 312.

² Кравцов Б.П. Роль права в осуществлении функций Советского государства по военной защите

преобладающими положительными моментами в действии и применении законов военного времени имели место и недостатки. Для их преодоления требуется заблаговременная подготовка ряда законопроектов, аналогичных законам военного времени периода Отечественной войны, на случай новых военных испытаний.

Это должна быть комплексная, всеобъемлющая работа. Между тем в статьях по юриспруденции периода войны и послевоенных лет затрагивались преимущественно те или иные конкретные законы военного времени и характеризовались установленные ими специальные правовые институты. Проблема же законов военного времени в целом ни тогда, ни в настоящее время, не получила до сих пор глубокой общетеоретической разработки. Поэтому изучение системы советских законов военного времени и практики их применения в период Великой Отечественной войны, как и разработка теоретических и практических вопросов дальнейшего развития российского законодательства в связи с особенностями современных войн, в условиях проведения СВО, является для нас неотложной необходимостью, на что ранее в научных публикациях неоднократно обращалось внимание¹.

Соглашаясь с мнениями А.А. Дерюгина и Д.А. Никонова, отметим, что нормативные акты, регламентирующие дея-

тельность общества и государства в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени, как составная часть чрезвычайного военного законодательства, должны носить «страховой» характер, то есть разрабатываться, приниматься и вступать в юридическую силу, как правило, в мирное время и действовать бессрочно в связи с тем, что они регулируют общественные отношения, которые могут как возникнуть, так и не возникнуть в будущем. Начало реализации указанных актов должно быть связано с введением дополнительным правовым актом самого режима военного положения, объявлением состояния войны (наступлением военного времени) или военной мобилизации. Кроме того, согласно п. «к» и «м» ст. 71 и ч. 3 ст. 55 Конституции России соответствующие правовые акты могут быть приняты только на федеральном уровне².

Список источников

1. Александров О.Г. Чрезвычайное законодательство в России во второй половине XIX — начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2000. 161 с.
2. Артамонов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. Москва: ВЮА, 1951. 347 с.
3. Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941—1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада) : монография. Санкт-Петербург: Агентство «РДК-принт», 2001. 320 с.
4. Берцинский С.М. Военное положение по советскому праву // Труды Академии. Москва: ВЮА, 1948. № VII. С. 65—80.
5. Дерюгин А.А., Никонов Д.А. История учит: некоторые аспекты применения правовых

страны в период Великой Отечественной Войны // Труды Академии. № 22. М.: ВПА, 1958. С. 179.

¹ Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики : монография / под общ. ред. С.В. Тарадонова и Д.И. Самодурова. М.: ВУ, 2024; Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025; Тарадонов С.В. Законодательство военного времени или законодательство о военных конфликтах: соотношение понятий, проблемы терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 9(326). С. 118—124; Тарадонов С.В. Боевые действия, военные действия, военное время, законодательство военного времени: соотношение

понятий, проблемы терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 12(317). С. 15—23; Тарадонов С.В., Норенко И.В. К вопросу о понятии «законодательство военного времени» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 2—8; Тарадонов С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование // Военное право. 2022. № 5(75). С. 21—34.

² Дерюгин А.А., Никонов Д.А. История учит: некоторые аспекты применения правовых режимов военного и осадного положения в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 29.

режимов военного и осадного положения в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 22—32.

6. Дерюгин А.А. Чрезвычайные правовые режимы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 13, № 36. С. 46—49. EDN JTMLOE.

7. Зиборов О.В. Административно-правовая концепция военного положения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. Краснодар, 2016. 401 с.

8. Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (теоретический и историко-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 163 с.

9. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики : монография / под общ. ред. С.В. Тарадонова и Д.И. Самодурова. Москва: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2024. 370 с. EDN: PZGHGR

10. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. EDN KYVIBT

11. Кравцов Б.П. Особенности законов военного времени (опыт Великой Отечественной войны 1941—1945 г.г.) // Труды Академии. № 24. Москва: ВПА, 1958. С. 65—115.

12. Кравцов Б.П. Роль права в осуществлении функций Советского государства по военной защите страны в период Великой Отечественной Войны // Труды Академии. № 22. Москва: ВПА, 1958. С. 172—209.

13. Кучма Ю.Н. Законодательство военного времени — средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03. Москва: ВУ, 1995. 191 с.

14. Максимов Р.А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов: СГЮА, 2014. 207 с.

15. Никонов Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 206 с.

16. Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.01, 12.00.02. Москва: РАГС, 2006. 545 с.

17. Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03. Москва: ВУ. 1998. 234 с.

18. Тарадонов С.В. Боевые действия, военные действия, военное время, законодательство военного времени: соотношение понятий, проблемы терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 12(317). С. 15—23. EDN WXAIOU

19. Тарадонов С.В. Законодательство военного времени или законодательство о военных конфликтах: соотношение понятий, проблемы терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 9(326). С. 118—124. EDN DVEPDJ

20. Тарадонов С.В., Норенко И.В. К вопросу о понятии «законодательство военного времени» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 2—8. EDN CEABEU

21. Тарадонов С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование // Военное право. 2022. № 5(75). С. 21—34. EDN GBYROW

22. Ухов В.Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. Москва: ВНИИ МВД РФ, 2007. 416 с.

23. Федоров В.А. Правовой институт исключительного (военного и чрезвычайного) положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03. Москва, 2003. 231 с.

24. Фомин А.А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. Саратов, 2001. 204 с.;

25. Шаргородский М.Д. Вопросы общей части уголовного права в условиях военного времени // Ученые записки МГУ. 1945. Вып. 76, кн. 6. С. 100—108.

26. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Барнаул, 2014. 191 с.

Features of Wartime Legislation (based on the experience of the Great Patriotic War of 1941-1945)

© Taradonov S.V.,

Sc. Law, docent, the professor of the Theory and History of State and Law Department of the Military University

Annotation. Based on the theoretical and historical legal approaches, the article attempts to identify the features of regulation during the Great Patriotic War. Proposals are formulated for the development of wartime legislation at the current stage.

Key words: Great Patriotic War, martial law, wartime, military legislation, wartime legislation.

For citation: Taradonov S.V. Features of Wartime Legislation (the Experience of the Great Patriotic War of 1941-1945) // Military Law. 2025. No. 4. pp. 21-30.

The article was received by the editorial office on June 30, 2025.

Военно-административное право**Особенности правового регулирования оформления
(ведения, хранения, предоставления копий)
медицинской документации при проведении военно-
врачебной (врачебно-летней) экспертизы**

© Наумов Петр Юрьевич,

кандидат педагогических наук, помощник
начальника ФГКУЗ «Главный военный
клинический госпиталь войск национальной
гвардии Российской Федерации» по правовой
работе — начальник отделения правового
обеспечения

Аннотация. Осуществление медицинской деятельности непосредственно связано с использованием сведений конфиденциального характера, которые составляют врачебную тайну или относятся к иной охраняемой законом тайне (персональные данные, тайна семейной жизни, служебная тайна в области обороны и т.д.). При осуществлении медицинской деятельности сведения, связанные с обращением за медицинской помощью, профилактикой, диагностикой, лечением и медицинским освидетельствованием отражаются в соответствующей медицинской документации. Правильность ведения медицинской документации служит залогом успеха обследования и лечения пациентов, а также выступает одним из средств защиты медицинского персонала от необоснованных претензий получателей медицинских услуг. При производстве медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и медицинских экспертиз медицинским персоналом также ведется соответствующая медицинская документация, установленная для оформления процедуры и результатов проведенных мероприятий. Одним из видов медицинских экспертиз, проводимых в Российской Федерации, является военно-врачебная экспертиза, проводимая в целях определения категории годности к военной и приравненной к ней службе, установления (определения) причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний с исполнением обязанностей военной службы (служебных обязанностей) или прохождением военной службы (службы), а также для решения иных вопросов, предусмотренных законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными правовыми документами. При проведении военно-врачебной экспертизы оформляется и ведется большое количество документов, которые относятся к медицинской документации, а также оформляются документы, не относящиеся напрямую к медицинской документации (служебные и докладные записки, ответы на обращения граждан), но фиксирующие информацию в области результатов или процедуры проведения военно-врачебной экспертизы либо отсутствия таковых. При этом специальному военно-правовому исследованию порядок оформления и особенности нормативного правового регулирования ведения медицинской документации при производстве военно-врачебными комиссиями военно-врачебной экспертизы не подвергались. Данная научная работа данное противоречие разрешает, в ней представлены результаты познания сущности и особенностей правового регулирования оформления (ведения) медицинской документации при проведении военно-врачебной экспертизы в различных федеральных органах исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба. Основные научные результаты исследования можно использовать в научно-исследовательской деятельности по познанию современных военно-правовых проблем и образовательной практике по специальностям юридического и медицинского профилей.

Ключевые слова: медицинская помощь; медицинская экспертиза; военно-врачебная экспертиза; военно-врачебная (врачебно-летняя) комиссия; медицинская документация; врачебно-экспертный исход; врачебная тайна; заключения военно-врачебной комиссии; медицинское обеспечение военнослужащих; определение категории годности; установление причинной связи.

Для цитирования: Наумов П.Ю. Особенности правового регулирования оформления (ведения, хранения, предоставления копий) медицинской документации при проведении военно-врачебной (врачебно-летней) экспертизы // Военное право. 2025. № 4. С. 31—43.

Статья поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Статьей 79 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» на медицинские организации любой организационно-правовой формы возложены различные обязанности, в том числе: соблюдать врачебную тайну, конфиденциальность персональных данных, используемых в медицинских информационных системах (п. 4 ч. 1 ст. 79); вести медицинскую документацию в установленном порядке с учетом особенностей ведения и использования медицинской документации, содержащей сведения об оказании лицу психиатрической помощи в недобровольном порядке, предусмотренные законодательством Российской Федерации о психиатрической помощи, и представлять отчетность по видам, формам, в сроки и в объеме, которые установлены уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (п. 11 ч. 1 ст. 79); обеспечивать учет и хранение медицинской документации, в том числе бланков строгой отчетности, с учетом особенностей хранения медицинской документации, содержащей сведения об оказании лицу психиатрической помощи в недобровольном порядке, предусмотренные законодательством Российской Федерации о психиатрической помощи (п. 12 ч. 1 ст. 79).

Обязательность ведения медицинской документации и отражения в ней биографических, медицинских и юридически значимых обстоятельств при оказании пациентам психиатрической помощи установлены и Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Аналогичные требования по необходимости фиксации в медицинской документации различных заболеваний (состояний) пациентов при

оказании им медицинской помощи или результатов их медицинского освидетельствования содержат в себе Федеральные законы от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

Своевременность, полнота и правильность ведения медицинской документации при оказании медицинской помощи пациентам в амбулаторных и стационарных условиях является важнейшим критерием качества оказания медицинской помощи в соответствии с приказом Минздрава России от 10 мая 2017 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» и приказом Минздрава России от 19 февраля 2021 г. № 117н «Об утверждении требований к организации и выполнению работ (услуг) по экспертизе качества медицинской помощи».

Оценка показателей ведения медицинской документации, полноты и своевременности внесения в неё необходимых сведений предусмотрена также при организации и осуществлении плановых и внеплановых (целевых), проверок в рамках внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности в соответствии с приказом Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» (п. 16, подп. 3, 5, 17, 20, 21 и 30 п. 17 Требований).

Указанные обязанности в полной мере распространяются на военно-медицинские организации (военно-медицинские подразделения) Вооруженных Сил Российской Федерации, медицинские организации (подразделения) войск национальной гвардии Российской Федерации и иные медицинские организации федеральных органов исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба¹.

В отношении медицинских подразделений, военно-медицинских организаций и должностных лиц медицинской службы обязанности по ведению медицинской документации при оказании военным служащим медицинской помощи, проведении диспансеризаций, медицинских осмотров и освидетельствований, а также организации медицинского обеспечения военным служащим конкретизированы ст. 342.1, 362 и 363 УВС ВС РФ.

Согласно п. 5 Правил организации медицинской помощи военным служащим Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских формирований и органов, гражданам, призванным на военные сборы, и гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил за пределами территории Российской Феде-

рации, в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил, воинских формирований и органов в местах их постоянной дислокации и в военно-медицинских частях и организациях² при оказании военным служащим, гражданам, призванным на военные сборы, и гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, медицинской помощи в соответствующих военно-медицинских организациях ведется учетно-отчетная медицинская документация.

В период вооруженных (военных) конфликтов обязанность по ведению медицинской документации в военно-медицинских подразделениях и военно-медицинских организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск, воинских формирований и органов возложена на должностных лиц пунктами 10, 14 и 32 Случаев и Порядка оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов След-

¹ Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумова Л.Ю. [и др.]. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1(270). С. 83—89; Наумова Л.Ю., Наумов П.Ю., Пятилышнова О.М., Гибизов А.С. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военным служащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. №

10(267). С. 77—82. Далее — «военно-медицинские организации».

² Правила утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 1980 «Об утверждении Правил организации медицинской помощи военным служащим Вооруженных Сил, воинских формирований и органов, гражданам, призванным на военные сборы, и гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил, воинских формирований и органов в местах их постоянной дислокации и в военно-медицинских частях и организациях».

ственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации вне мест постоянной дислокации этих организаций, частей и подразделений при выполнении военными служащими задач в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны¹. Требованиями названного нормативного правового документа установлено, что при оказании военными служащими и иным лицам медицинской помощи ведется учетно-отчетная медицинская документация, в том числе составляются, заполняются, хранятся и выдаются первичная медицинская карточка и ведомость эвакуируемых раненых и больных.

Эти документы (первичная медицинская карточка и ведомость эвакуируемых раненых и больных) часто являются ключевыми доказательствами получения военными служащими увечий (ранений, травм,

контузий) в ходе ведения боевых действий (участия в них) и оцениваются (подлежат изучению и оценке) при проведении медицинского освидетельствования военно-врачебными комиссиями, а также при принятии решений о предоставлении дополнительных социальных гарантий и компенсаций в связи с участием в боевых действиях².

Вопросы ведения и хранения медицинской документации в учреждениях здравоохранения, военно-медицинских организациях и подразделениях, оценки ведения медицинской документации при контроле качества оказания медицинской помощи, изучении медицинских документов как доказательств в различных видах судопроизводства являются исследованными в научной литературе (М.А. Асташкина³, Т.В. Воронина⁴, А.С. Дворников⁵, М.В. Еругина⁶, И.В. Ившин⁷, З.М. Измайлова⁸, Н.А. Муравьева⁹, Б.А. Окишев¹⁰,

¹ Утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 23 декабря 2020 г. № 715 «Об установлении случаев и порядка оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил, войск национальной гвардии, спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Службы внешней разведки, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета, Главного управления специальных программ вне мест постоянной дислокации этих организаций, частей и подразделений при выполнении военными служащими задач в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны».

² Холиков И.В., Наумов П.Ю. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 40—46.

³ Асташкина, М.А. Оценка судом качества медицинской помощи при ошибках в диагностике и заполнении медицинской документации // Via Scientiarum — Дорога знаний. 2023. № 2. С. 9—14.

⁴ Воронина Т.В. Нормативно-правовая база работы с медицинской документацией в условиях информатизации отрасли // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 298—310.

⁵ Пашиян А.Г., Дворников А.С., Арутюнян Г.Б. [и др.]. Медицинская документация-основной юридический документ в гражданском судопроизводстве // Вестник дерматологии и венерологии. 2011. № 1. С. 8—10.

⁶ Еругина М.В. Необходимость оптимизации оформления первичной медицинской документации // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2008. № 10. С. 17—20.

⁷ Ившин И.В., Тараскина З.И., Шкаева И.И. К вопросу о правовой роли медицинской документации // Заместитель главного врача. 2011. № 7(62). С. 64—68.

⁸ Измайлова З.М., Вагнер В.Д., Кузин А.В. Анализ медицинской документации как элемент контроля качества и безопасности медицинской деятельности // Стоматология. 2022. Т. 101, № 2. С. 100—105.

⁹ Муравьева, Н.А. Определение состава и сроков хранения медицинской документации // Вестник ВНИИДАД. 2021. № 1. С. 92—107.

¹⁰ Окишев Б.А. Реализация охраны персональных данных в сфере медицины // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4(92). С. 120—126.

В.В. Расулова¹, Ю.Д. Сергеев²,
И.Ф. Серегина³ и другие авторы⁴).

При этом специальному военно-правовому исследованию порядок оформления и особенности нормативного правового регулирования ведения (оформления, хранения) медицинской документации, образующейся при производстве военно-врачебными комиссиями военно-врачебной экспертизы, подвергались лишь отчасти (О.В. Дамаскин⁵, О.М. Землина⁶, А.Н. Кононов⁷, М.В. Поддубный⁸, А.А. Согийнен⁹).

Это актуализирует военно-правовое познание сущности и особенностей право-

вого регулирования оформления (ведения, хранения, предоставления копий) медицинской документации при проведении военно-врачебной экспертизы в различных федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации, где законом предусмотренная военная служба (В.С. Вовкодав¹⁰, А.Н. Гребенюк¹¹, И.В. Холиков¹², А.Л. Чаплюк¹³).

Настоящая работа является продолжением цикла военно-правовых и медико-правовых авторских разработок в области познания сущностных признаков, структуры, функций и особенностей концепции нормативного правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы

¹ Дадабаев В.К., Расулова В.В. Судебно-медицинские аспекты ведения медицинской документации во врачебной деятельности // Тверской медицинский журнал. 2024. № 2. С. 78—83.

² Сергеев Ю.Д., Бисюк Ю.В., Голева И.В. Медико-правовое значение медицинской документации // Медицинское право. 2020. № 2. С. 3—12.

³ Серегина И.Ф., Колоколов А.В., Сон И.М., Руголь Л.В. О правовом значении качества ведения медицинской документации в медицинских организациях // Вестник Росздравнадзора. 2019. № 5.

⁴ Суриков, А.Н. Доказательственное значение медицинской документации и свидетельских показаний при рассмотрении споров о качестве медицинских услуг // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 4(12). С. 84—89; Чухренко И.Ю., Шикина И.Б., Вечорко В.И. Законодательное регулирование доступа пациента и его законных представителей к медицинской документации // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2017. № 4. С. 189—199; Ястремский И.А. К вопросу отнесения медицинской документации к медицинской услуге в правоприменительной практике судов общей юрисдикции // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 187—188.

⁵ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3. С. 10—13.

⁶ Леонов Т.М., Землина О.М. Правовое регулирование контроля (надзора) за качеством и безопасностью медицинской деятельности на транспорте // Мир транспорта. 2023. Т. 21, № 2(105). С. 95—100.

⁷ Большакова, В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2(66). С. 210—217.

⁸ Поддубный М.В. Когда в России появилась официальная «история болезни»? // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2012. № S1. С. 129—131.

⁹ Согийнен А.А. Особенности обращения с информацией, составляющей врачебную тайну // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 3(236). С. 26—32.

¹⁰ Холиков И.В., Вовкодав В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в государственной авиации // Военное право. 2022. № 2(72). С. 154—158.

¹¹ Власов, А.Ю., Гребенюк А.Н., Холиков И.В. Второй Европейский конгресс по военной медицине // Военно-медицинский журнал. 2012. Т. 333, № 10. С. 93—96.

¹² Холиков И.В. Международно-правовые основы взаимодействия военно-медицинских служб в современных условиях // Актуальные вопросы взаимодействия медицинской службы вооруженных сил в условиях современных вызовов и угроз: Тезисы докладов международной научно-практической конференции, Светлогорск, 29 июня — 3 июля 2009 г. Светлогорск: Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко, 2009. С. 11—12; Холиков, И.В. Основные итоги 38-го Всемирного конгресса по военной медицине // Военно-медицинский журнал. 2010. Т. 331, № 1. С. 90—91; Холиков И.В., Наумов П.Ю. Правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными // Военное право. 2024. № 6(88). С. 74—81.

¹³ Чаплюк А.Л., Бровкин С.Г., Кальманов А.С., Булавин В.В. Проблемы военно-врачебной экспертизы военнослужащих, страдающих хронической обструктивной болезнью легких // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336, № 2. С. 15—21.

в Российской Федерации в отношении военнослужащих¹.

Следует отметить, что своевременность, полнота и правильность ведения медицинской документации служит залогом успеха обследования и лечения пациентов, а также выступает одним из средств защиты медицинского персонала от необоснованных претензий получателей медицинской помощи (медицинских услуг)². При производстве медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и медицинских экспертиз медицинским персоналом также ведется соответствующая медицинская документация, установленная для оформления процедуры и результатов проведенных мероприятий.

Одним из видов медицинских экспертиз, проводимых в Российской Федерации, является военно-врачебная экспертиза, проводимая в целях определения категории годности к военной и приравненной к ней службе, установления (определения) причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний с исполнением обязанностей военной службы (служебных обязанностей) или прохождением военной службы (службы), а также для решения иных вопросов, предусмотренных законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными правовыми документами.

При проведении военно-врачебной экспертизы оформляется и ведется большее количество документов, которые относятся к медицинской документации, а также оформляются документы, не относящиеся напрямую к медицинской документации (служебные и докладные записки, ответы на обращения граждан), но фиксирующие информацию в области результатов или процедуры проведения военно-врачебной экспертизы либо отсутствия таковых.

Военно-врачебная экспертиза — самостоятельный вид медицинской экспертизы, проводимой очно (в отдельных, только законодательно определенных, случаях — заочно) в мирное и военное время в Вооруженных Силах России (иных войсках, воинских формированиях и органах) военно-врачебными (врачебно-летными) комиссиями в отношении военнослужащих, сотрудников и иных лиц с целью определения категории годности к военной службе (службе), установления причинной связи и разрешения иных вопросов в соответствии с возложенными на военно-врачебные (врачебно-летные) комиссии задачами, предполагающий проведение медицинского обследования и освидетельствования при определившемся врачебно-экспертном исходе (для категории годности) с вынесением пись-

¹ Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493; Наумов П.Ю., Холиков И.В., Утюганов А.А. Правовые вопросы соблюдения врачебной тайны при проведении военно-врачебной (врачебно-летней) экспертизы // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. 2024. Т. 58, № 6. С. 108—116; Наумов П.Ю. Правовое регулирование заочного медицинского освидетельствования в рамках проведения военно-врачебной экспертизы // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2025. № 1(330). С. 53—62; Наумов П.Ю. Сущность правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в отношении лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание

полицей // *Военное право*. 2025. № 2(90). С. 130—140.

² Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10, № 12-1. С. 49—56; Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 4(285). С. 30—38.

менного заключения по форме, установленной уполномоченными государственными органами¹.

В п. 4 Положения о военно-врачебной экспертизе² имеется отдельный абзац, посвященный ведению и оформлению медицинской документации, необходимой в деятельности военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий при проведении медицинского обследования и медицинского освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы.

В соответствии с абз. восьмым п. 4 Положения о военно-врачебной экспертизе, формы документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимые для деятельности военно-врачебных комиссий (врачебно-летных комиссий), правила их заполнения, а также порядок оформления заключений военно-врачебных комиссий (врачебно-летных комиссий) определяются соответствующими федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба). Данный абзац введен в Положение о военно-врачебной экспертизе постановлением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2015 г. № 478, а постановлением Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 207 «О внесении изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе» в данный абзац внесены изменения и дополнения в части установления порядка оформления заключений военно-врачебных комиссий (врачебно-летных комиссий), и он приобрел нынешний вид (редакцию).

Рассмотрение требований нормативно-правовых документов, регулирующих составление, оформление, ведение и хранение медицинской документации в военно-медицинских организациях для фиксации состояния здоровья и развития

заболеваний (увечий) при проведении военно-врачебной экспертизы продолжим с конкретными примерами и перечнем составляемых (ведущихся) документов.

Перечень медицинской документации, которая ведется при организации и осуществлении медицинского обследования и освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы, помимо унифицированных форм медицинской документации (см. приказ Минздрава России от 15 декабря 2014 г. № 834н «Об утверждении унифицированных форм медицинской документации, используемых в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, и порядков по их заполнению», приказ Минздрава России от 5 августа 2022 г. № 530н «Об утверждении унифицированных форм медицинской документации, используемых в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях, в условиях дневного стационара и порядков их ведения»), в Вооруженных Силах Российской Федерации установлен приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 января 2021 г. № 21 «Об определении форм документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в Вооруженных Силах Российской Федерации, правил их заполнения, а также порядка оформления заключений военно-врачебных комиссий, созданных в Вооруженных Силах Российской Федерации».

К документам, установленным для проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации в соответствии с названным нормативным правовым актом, относятся: служебная характеристика на военнослужащего, направляемого на медицинское освидетельствование (форма № 1); меди-

¹ Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445.

² Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе».

цинская характеристика на военнотружашего, направляемого на медицинское освидетельствование (форма № 2); представление на военно-врачебную комиссию (форма № 3); справка на военнотружашего, направляемого на медицинское освидетельствование о состоянии здоровья гражданина, выезжающего в иностранное государство (в том числе в иностранное государство с неблагоприятным жарким климатом) (форма № 4); карта медицинского освидетельствования гражданина, поступающего в военную профессиональную образовательную организацию (военную образовательную организацию высшего образования) (форма № 5); карта медицинского освидетельствования гражданина, поступающего в военный учебный центр при федеральной государственной образовательной организации высшего образования (форма № 6); карта медицинского освидетельствования гражданина, поступающего в военную профессиональную образовательную организацию (военную образовательную организацию высшего образования) (форма № 7); карта медицинского освидетельствования гражданина, пребывающего в запасе (форма № 8); лист медицинского освидетельствования (форма № 9); справка военно-врачебной комиссии (форма № 10); свидетельство о болезни (форма № 11); заключение военно-врачебной комиссии (форма № 12); заключение военно-врачебной комиссии (форма № 13); заключение военно-врачебной комиссии по заочному медицинскому освидетельствованию в целях определения годности к военной службе на момент призыва на военную службу гражданина, досрочно уволенного с военной службы (форма № 14); протокол заседания военно-врачебной комиссии по очному медицинскому освидетельствованию (форма № 15); протокол заседания военно-врачебной комиссии по заочному медицинскому

освидетельствованию граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку, и (или) определению причинной связи увечий, заболеваний военнотружаших, граждан, призванных на военные сборы, граждан, проходивших военную службу, военные сборы (форма № 16); протокол заседания военно-врачебной комиссии по заочному медицинскому освидетельствованию в целях определения годности к военной службе на момент призыва на военную службу гражданина, досрочно уволенного с военной службы (форма № 17); алфавитная книга учета граждан, освидетельствованных военно-врачебной комиссией при очном (заочном) медицинском освидетельствовании (форма № 18); направление на медицинское освидетельствование гражданина, пребывающего в добровольческом формировании (форма № 19); справка военно-врачебной комиссии (форма № 20); свидетельство о болезни (форма № 21); заключение военно-врачебной комиссии (форма № 22); заключение военно-врачебной комиссии (форма № 23); протокол заседания военно-врачебной комиссии по заочному медицинскому освидетельствованию гражданина, пребывавшего в добровольческом формировании (форма № 24). Приказом Минобороны России от 18 января 2021 г. № 21, кроме того, утверждены Правила заполнения форм документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в Вооруженных Силах Российской Федерации, и Порядок оформления заключений военно-врачебных комиссий, созданных в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В МЧС России утверждены следующие формы медицинских документов¹, которые образуются в деятельности во-

¹ Приказ МЧС России от 30 августа 2018 г. № 356 «О требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы, и сотрудников федеральной про-

тивопожарной службы Государственной противопожарной службы, перечнях дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования граждан, поступающих на службу в федеральную противопожарную службу Государственной

енно-врачебных комиссий при проведении военно-врачебной экспертизы: направление на медицинское освидетельствование (форма № 1); медицинская характеристика (форма № 2); акт медицинского освидетельствования (форма № 3); карта медицинского освидетельствования (форма № 4); направление на дополнительное обследование (форма № 5); свидетельство о болезни (форма № 6); справка (форма № 7); справка (форма № 8); протокол заседания военно-врачебной комиссии по определению степени тяжести увечья, (ранения, травмы, контузии) (форма № 9); справка (форма № 10); протокол заседания военно-врачебной комиссии по определению/пересмотру причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний (в том числе, приведших к смерти) с прохождением службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (форма № 11); справка (форма № 12); протокол заседания военно-врачебной комиссии по определению/пересмотру категории годности к службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы на момент увольнения со службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (форма № 13); справка (форма № 14); книга учета заседаний военно-врачебной комиссии (форма № 15); алфавитная карточка (форма № 16).

В войсках национальной гвардии Российской Федерации в отношении военнослужащих и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции (членов их семей), а также в отношении граждан, поступающих (призываемых) на военную службу (службу) в войска национальной гвардии, и лиц, пребывающих в добровольческих формированиях, ведутся следующие документы: направление на медицинское освидетель-

ствование (форма № 1); служебная характеристика (форма № 2); медицинская характеристика (форма № 3); акт медицинского освидетельствования (форма № 4); карта медицинского освидетельствования (форма № 5); направление на дополнительное обследование (форма № 6); свидетельство о болезни (форма № 7); справка военно-врачебной комиссии (форма № 8); заключение военно-врачебной комиссии о состоянии здоровья члена семьи военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии Российской Федерации (форма № 9); протокол заседания военно-врачебной комиссии по определению степени тяжести увечья (ранения, травмы, контузии) (форма № 10); справка военно-врачебной комиссии о тяжести увечья (ранения, травмы, контузии) (форма № 11); справка (форма № 12); протокол заседания военно-врачебной комиссии по определению (пересмотру) причинной связи увечья (травмы, ранения, контузии), заболевания, в том числе приведшего к смерти, с прохождением военной службы (службы) (форма № 13); заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, в том числе приведшего к смерти, с прохождением военной службы (службы) (форма № 14); протокол заседания военно-врачебной комиссии по определению (пересмотру) категории годности к военной службе (службе) на момент увольнения с военной службы (службы) (форма № 15); заключение военно-врачебной комиссии о категории годности к военной службе (службе) на момент увольнения с военной службы (службы) (форма № 16); книга учета заседаний военно-врачебной комиссии (форма № 17); заключение военно-врачебной комиссии (форма № 18); запрос на гражданина, поступающего на военную службу (службу) по контракту (форма № 19); запрос на гражданина, поступающего на военную службу

противопожарной службы, и сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, порядке проведения контрольного обследования и повторного

освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы и формах документации, необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий в системе МЧС России».

(службу) по контракту (форма № 20). Данный перечень документации установлен приказом Росгвардии от 20 мая 2019 г. № 166 «Об утверждении форм документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Также в деятельности военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий федеральных органов исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба, могут образовываться различные служебные документы (письма, справки, докладные записки, планы, планы-конспекты)¹, но они непосредственного отношения к проведению медицинского обследования и медицинского освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы не имеют².

При составлении документов, не предусмотренных вышеприведенными перечнями, должностные лица военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий используют унифицированные формы медицинской документации, определенные Минздравом России, или руководствуются приказом Минздрава России от 14 сентября 2020 г. № 972н «Об утверждении Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений».

Для организации работы по выдаче оригиналов, копий, выписок или дубликатов медицинской документации, образующейся в деятельности военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий, их должностные лица руководствуются Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», ст. 13 и 22

Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», гл 6 ДУ ВС РФ, Положением о военно-врачебной экспертизе, Положением о независимой военно-врачебной экспертизе³, а также Порядком ознакомления пациента либо его законного представителя с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья пациента, утвержденным приказом Минздрава России от 12 ноября 2021 г. № 1050н, Порядком и сроками предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них, утвержденными приказом Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 789н.

Изучение порядка ведения, правил заполнения утвержденных перечней и форм медицинской документации, которая образуется в деятельности военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий, позволяет отметить, что в разных федеральных органах исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба, примерный набор медицинских документов аналогичен.

Основными юридически значимыми документами, образуемыми при производстве военно-врачебной (врачебно-летней) экспертизы, являются свидетельства о болезни, справки, заключения и протоколы заседаний военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий, поскольку именно в них определяются (устанавливаются, фиксируются, хранятся) сведения о категории годности к военной службе, причинной связи увечий (ранений, травм, контузий) и заболеваний, тяжести полученных увечий, необходимости предоставления отпуска по болезни и освобождения от исполнения обязанностей, а также ход и итоги заседаний военно-вра-

¹ См., например, приказ Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации», Приказ Росгвардии от 30 июня 2022 г. № 212 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

² Наумов П.Ю. Содержательно-функциональное обобщение основ правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 5(334). С. 69—80.

³ Утверждено и введено в действие постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 574 «Об утверждении Положения о независимой военно-врачебной экспертизе».

чебных (врачебно-летных) комиссий. Сведения, содержащиеся в медицинской документации, образуемой при производстве (проведении) военно-врачебной (врачебно-летней) экспертизы, охраняются врачебной и иной тайной.

Медицинская документация, образуемая при производстве (проведении) военно-врачебной (врачебно-летней) экспертизы, выполняет информационные, знаниевые, фиксационные, охранительные, накопительно-кумулятивные, социальные, классификационные, организационные и ориентирующие функции.

Список источников

1. Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумова Л.Ю. [и др.]. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2020. № 1(270). С. 83—89. EDN CWLJIG.
2. Асташкина М.А. Оценка судом качества медицинской помощи при ошибках в диагностике и заполнении медицинской документации // *Via Scientiarum* — Дорога знаний. 2023. № 2. С. 9—14. — EDN FWRXUD.
3. Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10, № 12-1. С. 49—56. DOI 10.34670/AR.2020.80.63.016. EDN JHAAPB.
4. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2021. № 4(285). С. 30—38. EDN IOTBZK.
5. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // *Военное право*. 2021. № 2(66). С. 210—217.
6. Власов А.Ю., Гребенюк А.Н., Холиков И.В. Второй Европейский конгресс по военной медицине // *Военно-медицинский журнал*. 2012. Т. 333, № 10. С. 93—96. EDN RBPUL.
7. Воронина Т.В. Нормативно-правовая база работы с медицинской документацией в условиях информатизации отрасли // *Вестник архивиста*. 2016. № 2. С. 298—310. EDN XRYMDZ.
8. Дадабаев В.К., Расулова В.В. Судебно-медицинские аспекты ведения медицинской документации во врачебной деятельности // *Тверской медицинский журнал*. 2024. № 2. С. 78—83. EDN RXFCXN.
9. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в России // *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2018. № 3. С. 10—13.
10. Еругина М.В. Необходимость оптимизации оформления первичной медицинской документации // *Проблемы стандартизации в здравоохранении*. 2008. № 10. С. 17—20. EDN JWBEWL.
11. Ившин И.В., Тараскина З.И., Шкаева И.И. К вопросу о правовой роли медицинской документации // *Заместитель главного врача*. 2011. № 7(62). С. 64—68. EDN QBJXBT.
12. Измайлова З.М., Вагнер В.Д., Кузин А.В. Анализ медицинской документации как элемент контроля качества и безопасности медицинской деятельности // *Стоматология*. 2022. Т. 101, № 2. С. 100—105. DOI 10.17116/stomat2022101021100. — EDN VYATKD.
13. Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2022. № 8(301). С. 28—32. EDN: RJERPA.
14. Леонов Т.М., Землина О.М. Правовое регулирование контроля (надзора) за качеством и безопасностью медицинской деятельности на транспорте // *Мир транспорта*. 2023. Т. 21, № 2(105). С. 95—100. DOI 10.30932/1992-3252-2023-21-2-11.
15. Муравьева, Н.А. Определение состава и сроков хранения медицинской документации // *Вестник ВНИИДАД*. 2021. № 1. С. 92—107. EDN ACNNGX.
16. Наумов П.Ю. Правовое регулирование заочного медицинского освидетельствования в рамках проведения военно-врачебной экспертизы // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 53—62.
17. Наумов П.Ю. Содержательно-функциональное обобщение основ правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2025. № 5(334). С. 69—80. EDN URYOMQ.
18. Наумов П.Ю. Сущность правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в отношении лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции // *Военное право*. 2025. № 2(90). С. 130—140. — EDN RVXGSS.
19. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии

Российской Федерации // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493.

20. Наумов, П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071.

21. Наумов, П.Ю., Холиков И.В., Утюганов А.А. Правовые вопросы соблюдения врачебной тайны при проведении военно-врачебной (врачебно-лётной) экспертизы // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. 2024. Т. 58, № 6. С. 108—116. DOI 10.21687/0233-528X-2024-58-6-108-116.

22. Наумова Л.Ю., Наумов П.Ю., Пятилышнова О.М., Гибизова А.С. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2019. № 10(267). С. 77—82. EDN EDKCWK.

23. Окишев Б.А. Реализация охраны персональных данных в сфере медицины // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 4(92). С. 120—126. DOI 10.17803/2311-5998.2022.92.4.120-126. EDN MKVNTV.

24. Пашиян А.Г., Дворников А.С., Арутюнян Г.Б. [и др.]. Медицинская документация-основной юридический документ в гражданском судопроизводстве // *Вестник дерматологии и венерологии*. 2011. № 1. С. 8—10. EDN NUONSB.

25. Поддубный М.В. Когда в России появилась официальная «история болезни»? // *Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья*. 2012. № S1. С. 129—131. EDN PJAYCJ.

26. Сергеев Ю.Д., Бисюк Ю.В., Голева И.В. Медико-правовое значение медицинской документации // *Медицинское право*. 2020. № 2. С. 3—12. EDN SRQUYD.

27. Серегина И.Ф., Колоколов А.В., Сон И.М., Руголь Л.В. О правовом значении качества ведения медицинской документации в медицинских организациях // *Вестник Росздравнадзора*. 2019. № 5. EDN: XXOBTJ.

28. Согиайнен, А.А. Особенности обращения с информацией, составляющей врачебную тайну // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2017. № 3(236). С. 26—32. EDN YGWFQB.23.

29. Суриков А.Н. Доказательственное значение медицинской документации и свидетельских показаний при рассмотрении споров о качестве медицинских услуг // *Цивилистика: право и процесс*. 2020. № 4(12). С. 84—89. EDN YRWLWR.

30. Холиков И.В., Вовкодав В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в государственной авиации // *Военное право*. 2022. № 2(72). С. 154—158.

31. Холиков И.В. Международно-правовые основы взаимодействия военно-медицинских служб в современных условиях // *Актуальные вопросы взаимодействия медицинской службы вооруженных сил в условиях современных вызовов и угроз: Тезисы докладов международной научно-практической конференции, Светлогорск, 29 июня — 3 июля 2009 г. Светлогорск: Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко, 2009. С. 11—12. EDN RCPAQF.*

32. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными // *Военное право*. 2024. № 6(88). С. 74—81.

33. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции // *Вестник военного права*. 2024. № 2. С. 40—46. EDN NFRNBT.

34. Холиков И.В. Основные итоги 38-го Всемирного конгресса по военной медицине // *Военно-медицинский журнал*. 2010. Т. 331, № 1. С. 90—91. EDN RNPEAZ.

35. Чаплык А.Л., Бровкин С.Г., Кальманов А.С., Булавин В.В. Проблемы военно-врачебной экспертизы военнослужащих, страдающих хронической обструктивной болезнью легких // *Военно-медицинский журнал*. 2015. Т. 336, № 2. С. 15—21.

35. Чухренко И.Ю., Шикина И.Б., Вечорко В.И. Законодательное регулирование доступа пациента и его законных представителей к медицинской документации // *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2017. № 4. С. 189—199. EDN ZQQLSN.

36. Ястремский И.А. К вопросу отнесения медицинской документации к медицинской услуге в правоприменительной практике судов общей юрисдикции // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 3(178). С. 187—188. DOI 10.46320/2073-4506-2023-3-178-187-188. EDN HSIJBZ.

Peculiarities of legal regulation of the execution (maintenance, storage, provision of copies) of medical documentation during military medical examination

© Naumov P.Y.,

PhD in Pedagogical Sciences, Assistant to the Head of the Federal State Healthcare Institution «Main Military Clinical Hospital of the Troops of the National Guard of the Russian Federation» for legal work — Head of the Legal Support Department

Abstract. Carrying out medical activities is directly related to the use of confidential information that constitutes a medical secret or relates to another secret protected by law (personal data, family secrets, official secrets in the field of defense, etc.). When carrying out medical activities, information related to seeking medical care, prevention, diagnosis, treatment and medical examination are reflected in the relevant medical documentation. Correct maintenance of medical documentation is the key to the success of examination and treatment of patients, and is also one of the means of protecting medical personnel from unfounded claims of recipients of medical services. When conducting medical examinations, medical examinations and medical expertise, medical personnel also maintain relevant medical documentation established for the registration of the procedure and the results of the activities carried out. One of the types of medical examinations conducted in the Russian Federation is a military medical examination conducted to determine the category of fitness for military and equivalent service, to establish (determine) the causal relationship of injuries (wounds, traumas, contusions), diseases with the performance of military service duties (official duties) or military service (service), as well as to resolve other issues provided for by the legislation of the Russian Federation and departmental regulatory legal documents. When conducting a military medical examination, a large number of documents are drawn up and maintained that relate to medical documentation, as well as documents that are not directly related to medical documentation (service notes and reports, responses to citizens' appeals), but record information in the area of the results or procedure for conducting a military medical examination or the absence thereof. At the same time, the procedure for drawing up and the specifics of the normative legal regulation of maintaining medical documentation in the production of military medical examination by military medical commissions were not subject to special military legal research. The presented scientific work resolves this contradiction; it presents the results of knowledge of the essence and features of legal regulation of the execution (maintenance) of medical documentation during military medical examination in various federal executive bodies, where military service is provided by law. The main scientific results of the conducted study can be used in research activities to understand modern military legal problems and educational practice in the specialties of legal and medical profiles.

Keywords: medical care; medical examination; military medical examination; military medical (medical-flight) commission; medical documentation; medical-expert outcome; medical confidentiality; conclusions of the military medical commission; medical care of military personnel; determination of fitness category; establishment of causal relationship.

For citation: Naumov P.Y. Peculiarities of Legal regulation of registration (maintenance, storage, provision of copies) of medical documentation during military medical (medical flight) examination // Military Law. 2025. No. 4. pp. 31-43.

The article was received by the editorial office on May 2, 2025.

Основные требования нормативно-правовых актов к подготовке военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации к действиям в экстремальных боевых ситуациях

© Овсянников Сергей Юрьевич,
докторант Военного университета имени
князя Александра Невского

Аннотация. В статье проводится анализ нормативно-правового регулирования подготовки военнослужащих войск национальной гвардии к действиям в экстремальных боевых ситуациях. Автором рассматриваются основные требования к подготовке войск, а также приводятся выдержки из нормативно-правовых документов в части, касающейся подготовки военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях с целью выявления характера данного процесса, его сильных и слабых сторон.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, боевая подготовка, психологическая готовность, обучение, военнослужащие, экстремальные боевые ситуации.

Для цитирования: Овсянников С.Ю. Основные требования нормативно-правовых актов к подготовке военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации к действиям в экстремальных боевых ситуациях // Военное право. 2025. № 4. С. 44—52.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2025 г.

На современном этапе развития войск национальной гвардии Российской Федерации актуализировались вопросы подготовки военнослужащих войск к действиям в экстремальных боевых ситуациях. Этому послужило как участие военнослужащих войск в специальной военной операции, так и активность диверсионных групп и завербованных граждан Российской Федерации на территории России с целью совершения террористических актов дестабилизации общественной обстановки.

Разнообразие и нестандартность действий вражеских формирований и отдельных преступных элементов актуализирует вопросы активного сбора и интеграции в учебный процесс боевого опыта действий военнослужащих в нестандартных экстремальных боевых ситуациях. К сожалению, изменения в характере и видах тактических действий настолько стремительны, что не всегда имеется возможность оперативного внедрения опыта боевых действий наших военнослужащих в тематику и учебные вопросы занятий по дисципли-

нам боевой подготовки и учебно-методические комплексы военных институтов Росгвардии.

Порядок подготовки военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации регулируется федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и приказами Директора войск национальной гвардии Российской Федерации.

В частности, подготовка военнослужащих войск национальной гвардии к действиям в экстремальных боевых ситуациях регламентируется Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и приказом Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности».

В Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» определяется, что подготовка кадров для войск национальной гвардии осуществляется путем:

1) обучения в соответствии с федеральным законом по образовательным программам:

а) основного общего и среднего общего образования, интегрированным с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе;

б) среднего профессионального образования;

в) высшего образования;

г) дополнительного профессионального образования;

д) профессионального обучения;

2) профессионально-должностной, командирской и боевой подготовки военнослужащих;

3) профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников.

В свою очередь в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) определяются требования к структуре, объему, форме обучения, а также условия реализации и планирующиеся результаты освоения образовательных программ.

На основе ФГОС структурными подразделениями центрального аппарата Росгвардии разрабатываются квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников, в чьих интересах осуществляется подготовка кадров (заказчики подготовки кадров), и согласовываются со структурным подразделением центрального аппарата Росгвардии, осуществляющим организационно-методическое руководство и контроль деятельности военными образовательными организациями высшего образования.

Орган управления Росгвардии направляет разработанные квалификационные требования в высшие военные образовательные организации — военные институты, для разработки ими основных профессиональных образовательных программ (ОПОП). ОПОП представлена в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей),

иных компонентов, оценочных и методических материалов, а также в виде рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы, форм аттестации.

В учебных планах военных институтов указываются наименование изучаемых дисциплин, порядок и объем их изучения, наименование и количество практик, а также порядок сдачи промежуточных и итоговых контролей по дисциплинам. Учебные планы разрабатываются группой разработчиков под руководством заместителя начальника военного института по учебной работе, они являются основой для разработки кафедрами и подразделениями рабочих программ и тематических планов. В рабочих планах учебных дисциплин конкретизируются формируемые компетенции в процессе их изучения с учетом наименования тем и изучаемых вопросов.

Вопросы подготовки военнослужащих к экстремальным боевым ситуациям отражены во ФГОС — специалитет, по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности.

В частности, в разделе 3 «Требования к результатам освоения программы специалитета» ФГОС указываются следующие универсальные компетенции:

— в категории системное и критическое мышление (УК-1): способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий; в категории безопасность жизнедеятельности;

— УК-8: способен создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов.

Также согласно требованиям ФГОС к программе специалитета выпускники должны быть способными применять методы психической регуляции для оптимизации профессиональной деятельности и

психического состояния, в том числе в сложных и экстремальных условиях, применять психологические методы, приемы и средства профессионального общения, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности, обеспечивать решение профессиональных задач психологическими методами, средствами и приемами (ОПК-8).

Стоит отметить, что при определении профессиональных компетенций на основе профессиональных стандартов организация осуществляет выбор из реестра профессиональных стандартов, размещенного на специализированном сайте Минтруда России «Профессиональные стандарты» (<http://profstandart.rosmintrud.ru>)¹.

При отсутствии профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, профессиональные компетенции могут определяться органом управления Росгвардии самостоятельно на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с заказчиками и развития военной и научной мысли.

В частности, в требованиях к результатам освоения программы специалитета указывается, что выпускник должен обладать следующей военно-профессионально ориентированной профессиональной компетенцией: П.ПК-1: способен управлять подразделением при выполнении служебно-боевых задач в различных условиях обстановки, что конкретизируется в индикаторах достижения профессиональной компетенции:

— ИД-2 ВП.ПК-1 «Уметь организовать подготовку подразделения к выполнению служебно-боевых задач в различных условиях обстановки»;

— ИД-3 ВП.ПК-1 «Уметь разрабатывать и оформлять боевые (боевые графические) документы при подготовке и в ходе выполнения служебно-боевых задач в различных условиях обстановки»;

— ИД-4 ВП.ПК-1 «Владеть навыками управления подразделением при выполнении служебно-боевых задач деятельности в различных условиях обстановки»;

— ИД-5 ВП.ПК-1 «Владеть навыками эксплуатации ВВСТ в ходе выполнении служебно-боевых задач в различных условиях обстановки» (см. табл. 1).

Таблица 1

Перечень военно-профессионально ориентированных профессиональных компетенций

Задача военно-профессиональной деятельности	Код и наименование профессиональной компетенции	Код и наименование индикатора достижения профессиональной компетенции
Командный тип задач военно-профессиональной деятельности		
Управление подразделением при выполнении служебно-боевых задач в различных условиях обстановки	ВП.ПК-1 Способен управлять подразделением при выполнении служебно-боевых задач в различных условиях обстановки	ИД-1. ПК-1 Знать нормы законодательства Российской Федерации, нормативно-правовых актов Росгвардии, регламентирующие служебно-боевую деятельность войск в различных условиях обстановки. ИД-2 ВП.ПК-1 Уметь организовать подготовку подразделения к выполнению служебно-боевых задач в различных условиях обстановки; ИД-3 ВП.ПК-1 Уметь разрабатывать и оформлять боевые (боевые графические) документы при подготовке и в ходе выполнения служебно-боевых задач в различных условиях обстановки.

¹ П. 1 приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667н «О реестре профессиональных

стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)».

		ИД-4 ВП.ПК-1 Владеть навыками управления подразделением при выполнении служебно-боевых задач деятельности в различных условиях обстановки; ИД-5 ВП.ПК-1 Владеть навыками эксплуатации ВВСТ в ходе выполнении служебно-боевых задач в различных условиях обстановки.
Управление повседневной деятельностью подразделения	ВП.ПК-2 Способен управлять повседневной деятельностью подразделения	ИД-1 ВП.ПК-2 Знать нормы законодательства Российской Федерации, нормативно-правовых актов Росгвардии регламентирующие
Воинское обучение и воспитание, боевая подготовка подразделения	ВП.ПК-3 Способен организовать воинское обучение и воспитание, боевую подготовку подразделения	ИД-1 ВП.ПК-3 Знать требования нормативных правовых актов Росгвардии регламентирующих воинское обучение и воспитание, боевую подготовку. ИД-2 ВП.ПК-3 Уметь организовать боевую подготовку в подразделении. ИД-3 ВП.ПК-3 Владеть навыками проведения занятий.
Организация различных видов обеспечения.	ВП.ПК-4 Способен организовывать различные виды обеспечения	ИД-1 ВП.ПК-4 Знать требования нормативных правовых актов Росгвардии регламентирующих организацию видов обеспечения. ИД-2 ВП.ПК-4 Уметь организовывать различные виды обеспечения.

В перечне и структуре военно-профессиональных дисциплин для формирования основной профессиональной образовательной программы подготовка к экстремальным боевым ситуациям конкретизируется в Блоке 1. Дисциплины (модули).

Далее перечислим дисциплины и проектируемые результаты их освоения в части, касающейся подготовки военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях. (см. табл. 2)

Таблица 2

Перечень и структура военно-профессиональных дисциплин, практик, ГИА для формирования основной профессиональной образовательной программы (в части касающейся подготовки военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях)

Код структурного элемента ОПОП	Наименование учебных дисциплин (модулей), практик, ГИА и проектируемые результаты их освоения	Объем в з.е.
Б.1.2.2	Тактика служебно-боевого применения подразделений Знать: — формы применения и способы действий подразделений войск национальной гвардии при выполнении возложенных на них задач по обеспечению правовых режимов (ЧП, ВП, КТО), при участии в специальных операциях ведении боевых действий, передвижении и расположении в районе Уметь: — принимать целесообразное решение, в ходе подготовки и выполнении задач подразделениями (войсковыми нарядами) по обеспечению правовых режимов (ЧП, ВП, КТО), при участии в специальных операциях, ведении боевых действий, передвижении и расположении в районе; — действовать в составе подразделений (войсковых нарядов, элементах боевого порядка) при выполнении служебно-боевых задач по обеспечению правовых режимов (ЧП, ВП, КТО), при участии в специальных операциях, ведении боевых действий Владеть: — навыками организации действий и руководства подразделениями (войсковыми нарядами) в ходе подготовки и при выполнении задач по обеспечению правовых режимов (ЧП, ВП, КТО), при участии в специальных операциях, ведении боевых действий, передвижении и расположении в районе;	24

	— навыками в управлении подразделениями при выполнении служебно-боевых задач в условиях военного времени и при обеспечении особых правовых режимов (ЧП, ВП, КТО)	
Б.1.2.5	Огневая подготовка Знать: — основы, правила и приёмы стрельбы из стрелкового оружия, гранатомётов, вооружения боевых машин, порядок подготовки исходных данных для стрельбы в различных условиях обстановки Уметь: — управлять огнем взвода, роты, войсковых нарядов, приданных и поддерживающих огневых средств Владеть: — навыками подготовки к боевому применению и стрельбы из штатного вооружения подразделений	26
Б. 1.2.7	Разведка Знать: — основы применения сил и средств разведки; последовательность и содержание работы командира подразделения по организации разведки и по управлению подразделением в ходе выполнения разведывательных задач Уметь: — управлять силами и средствами разведывательного подразделения при выполнении служебно-боевых задач в обычных условиях, при обеспечении правового режима чрезвычайного положения, военного положения и контртеррористической операции Владеть: — навыками организации и ведения разведки при выполнении служебно-боевых задач.	5
Б.1.2.10	Радиационная, химическая и биологическая защита Знать: — средства применения и поражающие факторы ядерного, химического, биологического и зажигательного оружия, способы защиты от них, признаки поражения и меры первой помощи при поражении; — порядок действий личного состава подразделения в условиях радиоактивного, химического и биологического заражения местности, вооружения и военной техники Уметь: — организовывать радиационную, химическую и биологическую защиту личного состава подразделений; — действовать в условиях применения оружия массового поражения, аварий (разрушения) на радиационно, химически и биологически опасных объектах	5
Б. 1.2.11	Морально-психологическое обеспечение: Знать: — методику прогнозирования психогенных потерь Уметь: — проводить в различных условиях обстановки мероприятия морально-психологического обеспечения с военнослужащими подразделения, направленные на сплочение воинского коллектива, предупреждение нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, уклонений от военной службы, профилактику преступлений, происшествий и других правонарушений Владеть: — навыками проведения мероприятий психологической подготовки	5
Б.1.2.12	Эксплуатация бронетанковой техники: Уметь: — применять специальное оборудование, инструменты и приспособления при транспортировании и эвакуации бронетанкового вооружения и техники и при преодолении трудных участков местности Владеть: — навыками безопасного вождения бронетанковой техники в различных дорожных условиях при различной обстановке дорожного движения	8
Б.1.2.14	Медицинское обеспечение	3

	Знать: — клинические проявления основных видов особо опасных заболеваний и способы защиты от них Уметь: — оказывать первую медицинскую помощь при ранениях, кровотечениях, отравлениях, ожогах и отморожениях, поражениях электрическим током и травмах, владеть техникой проведения реанимационных мероприятий Владеть: — навыками использования индивидуальных средств медицинской защиты	
Б.1.1.22	Психология и педагогика Знать: — особенности психических состояний военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и по контракту; — особенности психологических состояний и признаки боевой психической травмы; — методы и приемы эффективной коммуникации; — педагогические и психологические основы отклоняющегося поведения военнослужащих; Уметь: — работать с острыми стрессовыми реакциями в условиях выполнения служебно-боевых задач; — распознавать и противодействовать негативному информационно-психологическому воздействию. Владеть: навыками проведения психодиагностики и изучения психических состояний военнослужащих.	6
Б. 1.1.27	Физическая подготовка Знать: — способы определения функционального состояния организма Владеть: — навыками передвижения по пересеченной местности в пешем порядке и на лыжах в обмундировании с оружием (снаряжением); — навыками совершения марш-бросков по пересеченной местности, в населенных пунктах; — навыками преодоления высотных препятствий, естественных препятствий полевого и городского типа, завалов (в том числе с ограниченной видимостью); — навыками метания гранат на точность и дальность; — способами плавания в обмундировании с оружием, преодоления водных преград в обмундировании с оружием, действий на воде и под водой; — навыками применения боевых приемов на различной местности в различных условиях, в том числе в ограниченном пространстве, с вооруженным и численно превосходящим противником.	11

Задачами военно-профессиональной деятельности выпускников являются:

- управление подразделением при выполнении служебно-боевых задач в различных условиях обстановки;
- управление повседневной деятельностью подразделения;
- воинское обучение и воспитание, боевая подготовка подразделения;
- организация различных видов обеспечения.

Подготовка офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации осуществляется на базе четырех высших

военных образовательных учебных заведений: Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации и Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Подготовка военнослужащих в подразделениях войск национальной гвардии Российской Федерации осуществляется на основе квалификационных требований к подготовке кадров, определяемых управлениями центрального аппарата Росгвардии и утверждаемых директором Росгвардии.

Квалификационные требования определяются управлениями центрального командования Росгвардии на основе программы подготовки войск национальной гвардии Российской Федерации, включающей в себя 21 книгу, предназначенных для подготовки: подразделений оперативного назначения — Книга 1; подразделений по охране важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях — Книга 2; патрульных подразделений — Книга 3; артиллерийских подразделений — Книга 4; подразделений специального назначения — Книга 5; разведывательных подразделений — Книга 6; подразделений связи — Книга 7; инженерных подразделений — Книга 8; кинологических подразделений — Книга 9; подразделений радиационной, химической и биологической защиты — Книга 10; морских подразделений — Книга 11; подразделений технического обеспечения — Книга 12; подразделений тыла — Книга 13; медицинских подразделений — Книга 14; комендантских подразделений и подразделений охраны — Книга 15; подразделений учебных центров (войсковых стрельбищ) — Книга 16; подразделений вневедомственной пожарной охраны — Книга 17; военных оркестров — Книга 18; ансамблей песни и пляски — Книга 19; спортивных команд — Книга 20; учебно-научной роты — Книга 21.

Программа подготовки определяет содержание боевой подготовки и предназначена для подготовки подразделений обеспечения территориальных органов Росгвардии, подразделений соединений, воинских частей (организаций) войск национальной гвардии Российской Федерации, укомплектованных военнослужащими, проходящими военную службу по

контракту, военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, и смешанного комплектования, к выполнению специальных боевых задач по предназначению в любых условиях обстановки и с учетом особенностей регионов дислокации.

Подготовка военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях преимущественно осуществляется в процессе занятий по боевой подготовке, при проведении инструктивных занятий, а также в ходе несения службы путем подачи учебных вводных. Боевая подготовка в войсках определяется соответствующими приказами и распоряжениями.

В частности, организация боевой подготовки проводится согласно методическим рекомендациям по организации боевой, профессиональной, служебной и физической подготовки в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденных начальником Главного управления по подготовке войск (сил) Росгвардии (ГУПВ Росгвардии) 1 ноября 2019 г.; Курса стрельб из стрелкового оружия, гранатометов, огнеметов, переносных противотанковых комплексов, боевых машин и танков войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом начальника ГУПВ Росгвардии от 19 сентября 2023 г. № 16; Наставления по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом начальника ГУПВ Росгвардии от 18 марта 2018 г. № 100.

Организация психологической подготовки с военнослужащими определяется приказом Росгвардии от 29 апреля 2021 г. № 132 «Об утверждении Наставления по организации в войсках национальной гвардии Российской Федерации военно-политической (политической) работы».

Кроме того, при подготовке военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях обращается внимание на психологическую готовность военнослужащих. Психологическая подготовка военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях проводится на

основе методических рекомендаций по организации военно-политической (политической) работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации (распоряжение первого заместителя директора Росгвардии от 24 мая 2021 г. № 1/4413.

Наиболее детально подготовка военнослужащих Росгвардии к действиям в экстремальных боевых ситуациях рассматривается в научно-исследовательской работе, выполненной на базе Санкт-Петербургского военного института Росгвардии в 2019 г. «Организация психологической подготовки военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации».

В частности, в работе поднимаются такие вопросы, как: негативные факторы служебно-боевой деятельности военнослужащих, психические состояния военнослужащих в ходе выполнения служебно-боевых задач, психологическая подготовка военнослужащих в ходе мероприятий боевой подготовки и др.

Также психологическая подготовка военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях проводится на основе рекомендаций младшим командирам по проведению психологической работы с военнослужащим». В частности, в них рассматриваются вопросы предупреждения конфликтов в воинских коллективах, профилактики отклоняющегося поведения у военнослужащих, а также вопросы психологической помощи и саморегуляции в экстремальных ситуациях.

В методическом пособии, разработанном Главным управлением по военно-политической работе «Некоторые психологические аспекты действий войск национальной гвардии при обеспечении массовых мероприятий» рассматриваются психологические особенности действий военнослужащих и сотрудников войск при

обеспечении общественной безопасности на массовых мероприятиях и при пресечении массовых беспорядков, а также приемы оказания первой психологической помощи военнослужащим, получившим психическую травму в результате воздействия экстремальных факторов.

Таким образом, проведя анализ нормативно-правового регулирования подготовки военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях, представляется возможным сделать вывод о том, что данная подготовка преимущественно осуществляется в процессе учебных занятий и мероприятий профессионально-должностной, командирской и боевой подготовки в виде отдельных вопросов и подвопросов учебных занятий.

Как правило, вопросам подготовки военнослужащих к действиям в экстремальных боевых ситуациях уделяются отдельные вопросы учебных занятий или проведение инструктажей перед заступлением на боевую службу или перед выполнением боевых задач.

Данные выводы говорят о целесообразности введения в учебный процесс военных образовательных учреждений высшего образования Росгвардии и в программы подготовки войск специализированного предмета «Действия военнослужащих в экстремальных боевых ситуациях» по аналогии с Вооруженными Силами Российской Федерации. Реализация данного предложения позволила бы повысить качество подготовки военнослужащих, а также оперативно систематизировать и интегрировать боевой опыт участия войск национальной гвардии в специальной военной операции в учебный процесс и в дальнейшем подойти к изучению данных вопросов комплексно.

The main requirements of regulatory legal acts for the training of military personnel of the National Guard of the Russian Federation to act in extreme combat situations

© Ovsyannikov S.Yu.,

doctoral student at Prince Alexander Nevsky
Military University

Annotation. The article analyzes the legal regulation of the training of National Guard troops for operations in extreme combat situations. The author examines the basic requirements for the training of troops, as well as provides excerpts from regulatory documents regarding the ongoing training of military personnel for action in extreme combat situations in order to identify the nature of this process, its strengths and weaknesses.

Keywords: national Guard troops, combat training, psychological readiness, training, military personnel, extreme combat situations.

For citation: Ovsyannikov S.Y. Basic Requirements of Regulatory Legal Acts for the Training of Military Personnel of the National Guard of the Russian Federation for Operations in Extreme Combat Situations // Military law. 2025. No. 4. pp. 44-52.

The article was received by the editorial office on May 13, 2025.

Эффективность использования бюджетных средств по выполнению государственного оборонного заказа в контексте законодательных изменений

© Осипенко Светлана Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник, Военный университет
имени князя Александра Невского
Минобороны России

Аннотация. эффективность исполнения бюджета государства является одним из важнейших показателей внедрения новых моделей финансового контроля в систему государственного стратегического управления. В статье представлен теоретико-методологический анализ инструментов и механизмов использования бюджетных средств, факторов, влияющих на их применение в государственных органах на всех уровнях власти в контексте законодательных изменений; уделено внимание совершенствованию процесса контроля, внутреннего учета, взаимодействию подразделений, повышению производительности труда, мониторинга за расходованием бюджетных средств. Анализ правоприменительной практики позволил выявить наиболее значимые критерии использования бюджетных средств: правовые, экспертные, социальные, прагматические, с целью создания эффективного механизма оценки достижения надлежащих целей бюджетных программ, а, именно, установленных показателей всего процесса от расчетов финансирования до показателей экономической целесообразности.

Ключевые слова: бюджетное правонарушение, государственный оборонный заказ, целевые программы, проектное планирование, расходы федерального бюджета, концепция, эффективность, бюджетные средства.

Для цитирования: Осипенко С.В. Эффективность использования бюджетных средств по выполнению государственного оборонного заказа в контексте законодательных изменений // Военное право. 2025. № 4. С. 53—61.

Статья поступила в редакцию 19 июня 2025 г.

Вопрос эффективности бюджетных расходов актуализирует тему ответственности за нарушения исполнения бюджета. Необходимость решения круга задач, сформулированных в Указе Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в качестве приоритетного определяет вопрос внедрения инновационных механизмов реализации системы мер по повышению показателя эффективности бюджетных расходов, с учетом ограниченности финансовых ресурсов. На основании этого реализация от-

дельных мероприятий национальных проектов 2023 и 2024 гг.¹ предусматривает финансирование за счет средств федерального бюджета 2025—2027 гг. (зарезервированы бюджетные ассигнования в объеме до 497,9 млрд. руб., для дальнейшего распределения по усмотрению Правительства Российской Федерации)².

Согласно заключению Счётной палаты Российской Федерации суммарная доля расходов на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность составит 5,8 %

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 года № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019—2024 годах».

² Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

ВВП в среднем на 2023—2025 гг.¹, с учетом изменений в функциональной структуре расходов².

Использование изменений как дополнительных возможностей по обоснованию цен с учетом сложившейся практики требует от предприятий ОПК погружения не только в вопросы работы с военными представительствами и органами военного управления, но и необходимости проработки вопросов внутреннего учета, взаимодействия подразделений, повышения производительности труда на предприятиях ОПК, в связи с дефицитом специалистов, как инженеров, так и непосредственно высококвалифицированных рабочих в производственной сфере.

Бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих отношения, которые возникают между правонарушителем и государством в лице уполномоченного органа и обязанность правонарушителя претерпеть неблагоприятные последствия, связанные с ограничениями имущественного характера и применяемые в установленном законом порядке к нарушителям бюджетно-правовых норм за противоправное действие или бездействие, квалифицируемое законом как бюджетное правонарушение. В Российской Федерации ответственность публично-правовых образований сводится к норме об ответственности казны, что недостаточно для надлежащего регулирования бюджетных правоотношений.

Вопрос о правовой природе юридической ответственности в бюджетной сфере состоит «в разрешении проблем сущности бюджетного правонарушения, квалификации, мер государственного принуждения в бюджетной деятельности государства, а также соотношения санкций, установленных Бюджетным кодексом Российской

Федерации (БК РФ), с мерами административного наказания согласно КоАП РФ»³. Между тем, не для каждого из установленных в ст. 283 БК РФ оснований в тексте части четвертой БК РФ законодателем предусмотрена корреспондирующая ему статья устанавливающая конкретные формы ответственности за бюджетное правонарушение.

Понятие «эффективного» и «неэффективного» использования бюджетных средств в действующем законодательстве Российской Федерации не имеет четкого определения и нет критериев, на основании которых можно судить о «качестве» исполнения бюджета. Создан огромный массив методических рекомендаций в различных отраслях, но по сравнению с европейской или советской моделью отсутствует системообразующая основа, ориентированная на достижение эффективности расходования бюджетных средств путем проведения многоуровневого аналитического обоснования финансово-экономической целесообразности.

В ст. 34 БК РФ сформулирован принцип эффективности использования бюджетных средств, согласно которому участники бюджетного процесса обеспечивают: достижение заданного результата с использованием наименьшего объема средств (экономность); получение наилучшего результата с использованием определенного объема средств (результативность). Факт неэффективного расходования бюджетных средств в соответствии с п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» следует доказать уполномоченному органу, а именно: поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема

¹ Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Счетная палата Российской Федерации URL: <https://ach.gov.ru/audit/project-2023>

² Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

³ Саттарова Н.А. О части четвертой Бюджетного кодекса Российской Федерации // Финансовое право. 2008. № 3. С. 57.

средств; используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата¹. Следует обратить внимание, что указанные нормы распространяются исключительно на участников бюджетного процесса, перечень которых установлен п. 1 ст. 152 БК РФ².

Согласно положениям п. 1 ст. 306.4 БК РФ нецелевым использованием бюджетных средств признаются направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо правовым актом, являющимся основанием для предоставления указанных средств. Т.е. нецелевое использование бюджетных средств, на практике сопровождавшееся неправомерными действиями, квалифицируется лишь как «недостижение». И далее, в соответствии с п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23, оценивая соблюдение участниками бюджетного процесса принципа эффективности использования бюджетных средств, установленного ст. 34 БК РФ, судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции. Следовательно, конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных

средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата. Что касается нарушений, связанных с несоблюдением установленного порядка получения и расходования бюджетных средств, то сами по себе такие факты, в соответствии с судебным определением нецелевым использованием не являются.

Несмотря на интерес к бюджетно-правовой ответственности в отечественной юридической науке исследования, в основном, проводятся в рамках российского правового пространства с использованием традиционного формально-юридического метода, при этом зарубежному опыту уделяется недостаточное внимание (руководствуясь профессиональными компетенциями, а не идеологическими в контексте санкционных ограничений и запретов)³.

Постоянные законодательные инициативы в решении обозначенных ранее вопросов не позволяют прийти к системному определению (например: ответственность за неэффективное расходование бюджетных средств), требуется более тщательная их проработка, так как проблемность регулирования бюджетно-правовых отношений способствует количественному росту правонарушений в процессе реализации.

В 2020 г. должностными лицами Федерального казначейства при осуществлении полномочий, закрепленных в ст. 23.7

¹ Письмо Минфина России от 7 июня 2021 г. № 02-09-08/44537; от 17 марта 2020 г. № 02-09-09/20248; от 26 ноября 2020 г. № 02-09-07/103225.

² Автономные и бюджетные учреждения не являются участниками бюджетного процесса, соответственно положения ст. 34 БК РФ на них не распространяются.

³ Разработка отдельных вопросов теории финансово-правовой и бюджетно-правовой ответственности представлена в работах А.З. Арсланбековой, О.В. Болтиновой, С.В. Галицкой, О.Н. Горбуновой, Е.Ю. Грачевой, А.С. Емельянова, С.В. Запольского, М.В. Карасевой, А.Н. Козырина, Ю.А. Крохиной, Н.А. Саттаровой, Г.П. Толстопятенко, Н.И. Химичевой и др.

КоАП РФ, рассмотрено 93 дела об административных правонарушениях¹. Привлеченным к административной ответственности назначено административных штрафов на общую сумму 878 453,70 руб., а также вынесено 2 предупреждения.

В качестве мер по повышению эффективности финансового контроля можно рассмотреть установление единого подхода к ведению раздельного учета результатов при осуществлении банковского и казначейского сопровождения. Данный подход способствовал принятию Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019—2024 гг.², нормы которой направлены на развитие современных технологий исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в том числе, посредством развития системы казначейских платежей. Переход к полноценному функционированию механизма единого казначейского счета позволит исключить дублирование операций на казначейских и банковских счетах, повысит оперативность денежных транзакций, а также осуществлять органам государственной власти постоянный мониторинг хода выполнения бюджетных обязательств. На данный момент казначейское сопровождение распространяется на государственные контракты таких государственных органов как Минпромторг России, МЧС России, Росгвардия, МВД России, ФСИН России и др.). Данная мера позволяет контролировать использование средств, выделенных на выполнение государственного контракта, контракта в форме авансовых платежей и исключить их нецелевое использование и сократить дебиторскую задолженность. В перспективе внедрение казначейского сопровождения позволит повысить эффективность исполнения бюджетов всех уровней за счет повышения прозрачности движения денежных средств.

Генеральной прокуратурой в 2020 г. при проверке исполнения бюджетных программ выявлено свыше 45 тыс. нарушений закона, по итогам рассмотрения которых возбуждено около 500 уголовных дел. Основная часть нарушений связана с регистрацией национальных проектов, большинство из которых составляют нарушения бюджетного законодательства и законодательства о контрактной системе; пресечены картельные сговоры при расходовании бюджетных средств в размере 7 млрд. руб.; приняты меры к расторжению государственных контрактов с недобросовестными исполнителями на сумму более 9 млрд. руб.

Территориальными и военными прокурорами в целях укрепления законности в оборонно-промышленном комплексе (авиа- и судостроение, ядерное вооружение, радиоэлектроника) проверена деятельность 11 федеральных органов власти и ключевых корпораций, крупнейших предприятий — исполнителей заданий оборонно-промышленного заказа. В результате проверок выявлено и пресечено свыше 51 тысячи нарушений закона, касающихся надлежащего выполнения контрактных обязательств, программ импортозамещения, ценообразования.

Прокурорами в рамках проведения мероприятий по противодействию коррупции установлено четверть миллиона нарушений антикоррупционного законодательства, в том числе 90 тыс. фактов несоблюдения государственными служащими установленных запретов и ограничений; по представлениям прокуратуры привлечены к дисциплинарной ответственности 35 тыс. чиновников, 507 уволены по причине утраты доверия. Возмещен ущерб от действий коррупционного характера, предъявлено исков на сумму более 84 млрд. руб., из них 74 млрд. руб. — в рамках мер по изъятию имущества

¹ Статистическая информация по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2020 г. 16 апреля 2021: <https://roskazna.gov.ru/novosti-i-soobshheniya/novosti/1495503/>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 г. № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019—2024 годах».

должностных лиц, которые не смогли подтвердить законность его приобретения. Более 3 тыс. материалов проверок прокуратуры стали основанием для возбуждения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности¹.

Вполне уместно в данном контексте использовать информацию о выполнении расходных обязательств Российской Федерации, связанных с реализацией федеральных целевых программ, как приоритетной составляющей бюджета:

— наблюдается отрицательная динамика бюджетного финансирования ФЦП «Объемы бюджетного финансирования ФЦП в 2015—2022 гг., млрд. руб.» (рис. 1);

— уровень законтрактованных обязательств и кассовых расходов является недостаточным «Динамика финансирования ФЦП в 2020—2022 гг., млн. руб.» (рис. 2)².

Одним из ключевых факторов, оказывающих негативное влияние на эффективность целевых программ, является низкое качество управления реализацией. В качестве основных практических недостатков специалисты Межведомственного аналитического центра и Счетной палаты России с 2015 г. отмечают:

1) цели, задачи, мероприятия и показатели ФЦП не всегда увязаны со стратегическими приоритетами национального развития;

2) ориентированность на освоение ресурсов, достижение прямых (объемных)

показателей по мероприятиям, а не на решение задач программы в целом, достижение конечных показателей результативности и эффективности;

3) недостаточная ориентированность на достижение синергетического эффекта от реализации комплекса связанных мероприятий;

4) краткосрочность, инерционность и пассивность управленческих решений;

5) низкая эффективность работы по привлечению к реализации программ потенциальных инвесторов;

6) фрагментарность управления, отсутствие обратной связи о результативности и эффективности программ, недостаточный уровень адаптируемости решений к изменению внешних условий;

7) размытость полномочий и ответственности по реализации программ, ограниченность мотиваций к их успешной реализации;

8) не отражена оценка рисков, в том числе по вероятности наступления, их влиянию на результаты реализации ФЦП, возможности управления рисками. Отсутствует комплекс мер по минимизации прежде всего наиболее существенных рисков и преодолению их последствий; оценка уровня совокупного риска как по госпрограммам, так и ФЦП и др.;

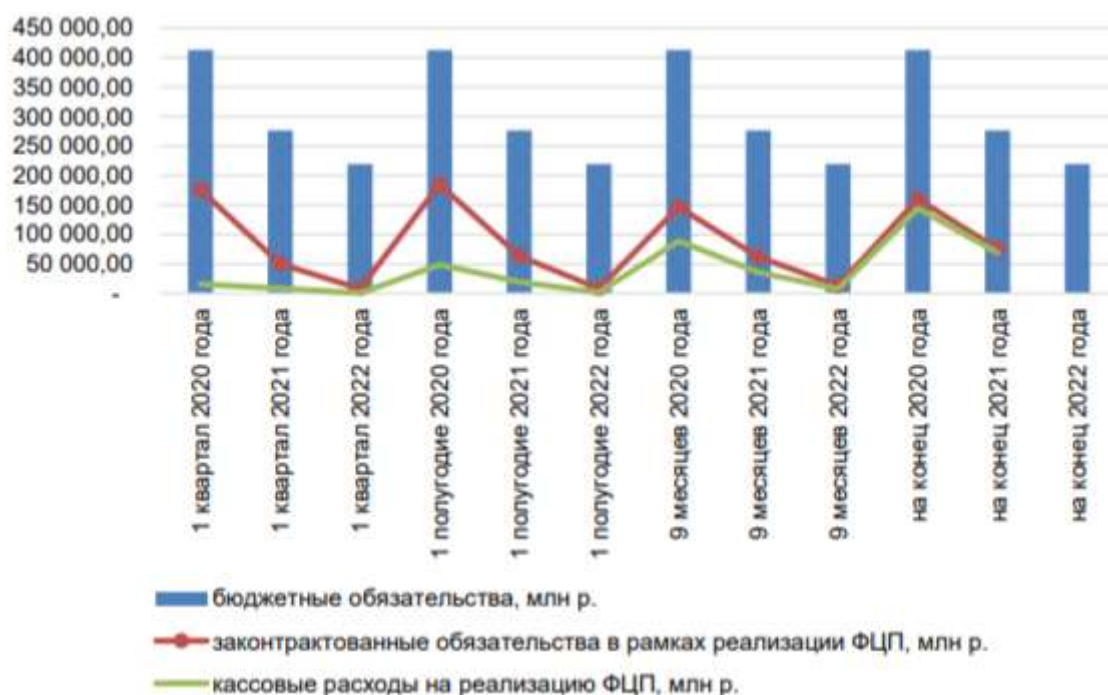
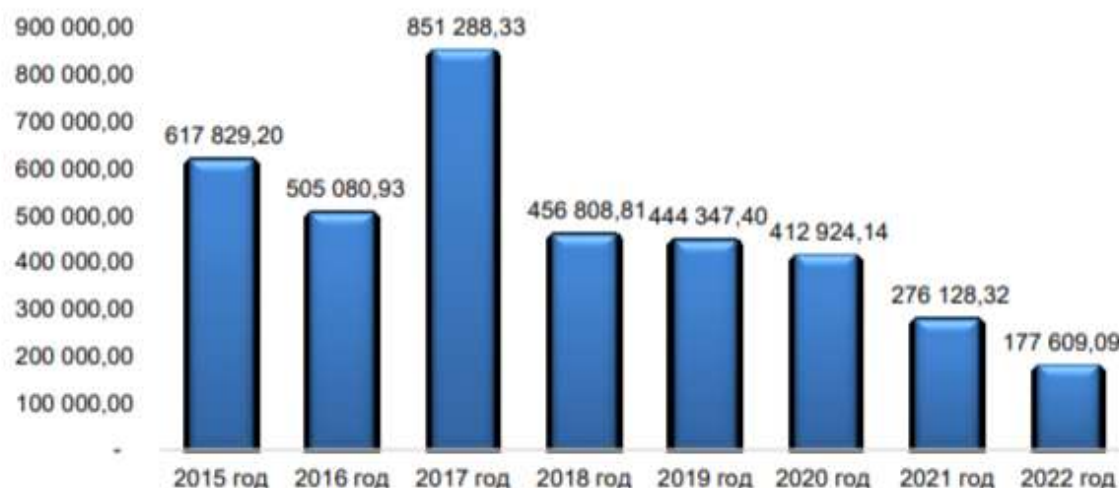
9) непрозрачность процедур принятия решений и достигнутых результатов по реализации программы для общества и хозяйствующих субъектов³.

¹ Заседание коллегии Генпрокуратуры. Игорь Викторович Краснов // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165>

² Ефремова Т.А., Аверина О.И. К вопросу об оценке эффективности исполнения федеральных целевых программ как формы государственных

расходов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 125—132.

³ Кузык А., Симачев Ю., Чулок А. Федеральные целевые программы: проблемы управления и потенциал применения в качестве инструмента бюджетирования по результатам // <http://www.iacenter.ru/publications/>

К недостаткам, перечисленным выше, необходимо добавить, что государственные и федеральные целевые программы не учитывают региональный аспект.

Счетная палата обращает внимание на необходимость своевременного исполнения расходов на реализацию ФЦП, выполнения контрольных событий ответственными исполнителями, соисполнителями и участниками в целях минимизации

рисков их неисполнения и недостижения целевых показателей (индикаторов) госпрограмм¹.

В условиях санкционных ограничений последовательно введение государством послабления в действующее законодательство способствовали изменению статистики преступлений совершаемых в области государственных закупок и смежных с ними сферах (товаров и услуг,

¹

<https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1749471285&tl d=ru&lang=ru&name=6zc dsjod0l8dilj3mxf0fqv9l3s8>

0zic.pdf&text=эффективность%20исполнения%20оборонзаказа%202024-2025%20статистика

направленных на нужды СВО и другие федеральные проекты), увеличению количества экономических преступлений коррупционной направленности.

В этой связи Президент Российской Федерации предлагает меры по ужесточению персональной ответственности в сфере государственных финансов и об ответственности органов власти. Но прежде всего следует продолжать работу по изменению самих принципов, идеологии бюджетного процесса, мотивировать все уровни власти на экономически обоснованное расходование бюджетных средств с целью выполнения государственного заказа. Речь, в первую очередь, идет об обоснованности всех расходов на стадии подготовки бюджета. В основу планирования государственных и муниципальных финансов следует ввести бюджетные нормативы, которые отражали бы наилучшее соотношение бюджетных затрат и итогового результата, учитывали наиболее успешный опыт регионов и их специфику.

Как мы видим, анализ правоприменительной практики позволяет выявить наиболее значимые критерии использования бюджетных средств: правовые, экспертные, социальные, прагматические, а также создать эффективный механизм оценки достижения надлежащих целей бюджетных программ, а, именно, установленных показателей всего процесса от расчетов финансирования до показателей экономической целесообразности. Следует обратить внимание на опыт западных стран (Германии, Британии, США) в определении, регулировании и контроле государственных ресурсов.

В 2021 г. вступил в силу пакет изменений в БК РФ, нацеленных на продолжение реформы государственных учреждений, осуществляющих финансовый контроль за госрасходами.

Рассмотрим некоторые из них.

Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации»

совершенствует механизм регулирования процедуры администрирования доходов бюджетов в 2021—2024 гг.; в частности: Правительство Российской Федерации утверждает перечни главных администраторов доходов (главных администраторов источников финансирования дефицита) федерального бюджета, бюджета государственного внебюджетного фонда Российской Федерации, являющихся федеральными органами исполнительной власти, государственными корпорациями, Банком России, органами управления государственным внебюджетным фондом; урегулированы вопросы уточнения невыясненных поступлений; установлены на постоянной основе нормативы зачисления платы за публичный сервитут. Отдельные положения бюджетного законодательства приведены в соответствие с отраслевым законодательством Российской Федерации.

1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Закон определяет в приоритете профилактику и предупреждение нарушений с целью снижения административного давления, а именно: уточняет процессуальные основы осуществления государственного и муниципального контроля; акцентирует внимание на профилактических мероприятиях; предусматривает новую модель управления рисками; дополняет перечень контрольно-надзорных мероприятий; предполагает цифровизацию контроля.

Закон вводит поправки, затрагивающие более ста законов¹, в части установления видов федерального, регионального и муниципального государственного контроля (надзора), согласно которым, для каждого вида контроля устанавливается его наименование с указанием отнесения к федеральному, региональному или муниципальному контролю, а по каждому виду — его предмет.

¹ Закон о защите прав потребителей; Закон об алкогольном регулировании; Закон о рекламе; Закон о персональных данных; Закон об обращении ле-

карств; Закон об основах охраны здоровья граждан; Закон об аудиторской деятельности, Закон о лицензировании и т.д.

В 2022 г. были утверждены положения о видах регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля (п. 4 ст. 98 Закона о контроле). С 1 июля 2021 г. началось формирование единого реестра видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля. Реестр введен в эксплуатацию с 1 января 2022 г. (п. 5 ст. 98 Закона о контроле).

Для реализации положений Федерального закона № 248-ФЗ Министерством экономического развития Российской Федерации разработан проект «закона-спутника», который направлен на приведение отраслевого регулирования в соответствие положениям Федерального закона № 248-ФЗ, что позволит внедрить в жизнь новую модель государственного контроля (надзора).

В целях повышения эффективности расходов, по мнению специалистов, следует разработать и внедрить систему ежегодного анализа эффективности расходов по каждому направлению, в том числе, анализа динамики показателей эффективности.

С переходом на программно-целевой бюджет целесообразно разработать систему оценки эффективности расходования бюджетных средств применительно к программной структуре бюджета, которая будет оценивать эффективность расходов на реализацию государственных программ, подпрограмм и оценку мероприятий¹. Опыт экономически развитых стран,

в которых отдельные социальные и экономические вопросы решаются посредством государственных программ, свидетельствует о перспективности внедрения программно-целевого метода при решении ряда долгосрочных социально-экономических задач. Программно-ориентированное планирование бюджета обеспечивает преемственность бюджетной и экономической политики в среднесрочной перспективе, а, следовательно, и качество реализации средств², повышение привлекательности предпринимательского и инвестиционного климата.

Список источников

1. Ефремова Т.А., Аверина О.И. К вопросу об оценке эффективности исполнения федеральных целевых программ как формы государственных расходов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 125—132. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.15>
2. Кузык А., Симачев Ю., Чулок А. Федеральные целевые программы: проблемы управления и потенциал применения в качестве инструмента бюджетирования по результатам // <http://www.iacenter.ru/publications/>
3. Пономарева К.А. Бюджетно-правовая ответственность в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии (сравнительно-правовое исследование) // Финансовое право. 2010. № 11. С. 8—11.
4. Саттарова Н.А. О части четвертой Бюджетного кодекса Российской Федерации // Финансовое право. 2008. № 3. С. 8—10.
5. Осипенко С.В. Актуальные вопросы правового регулирования бюджетного контроля в Российской Федерации // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики / XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): в 3 частях. Часть 3. Москва, 2018. С. 196—200.

¹ Пономарева К.А. Бюджетно-правовая ответственность в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии (сравнительно-правовое исследование) // Финансовое право. 2010. № 11. С. 8—11.

² Осипенко С.В. Актуальные вопросы правового регулирования бюджетного контроля в Российской Федерации // XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): в 3-х частях. 2018. С. 196—200.

The effectiveness of using budget funds to fulfill the state defense order in the context of legislative changes

© Osipenko S.V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Abstract. The effectiveness of state budget execution is one of the most important indicators of the introduction of new models of financial control into the system of state strategic management. The article presents a theoretical and methodological analysis of tools and mechanisms for the use of budgetary funds, factors influencing their use in government agencies at all levels of government in the context of legislative changes; attention is paid to improving the control process, internal accounting, interaction of departments, increasing labor productivity, monitoring budget spending. The analysis of law enforcement practice made it possible to identify the most significant criteria for the use of budgetary funds: legal, expert, social, pragmatic, in order to create an effective mechanism for assessing the achievement of appropriate goals of budget programs, namely, the established indicators of the entire process from financing calculations to indicators of economic feasibility.

Keywords: budget violation, state defense order, targeted programs, project planning, federal budget expenditures, concept, efficiency, budget funds.

For citation: Osipenko S.V. Efficiency of Using Budget Funds to Fulfill the State Defense Order in the Context of Legislative Changes // Military law. 2025. No. 4. pp. 53-61.

The article was received by the editorial office on June 19, 2025.

Полномочия высших органов государственной власти по управлению оборонно-промышленным комплексом

© Сморчкова Лариса Николаевна,
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и
административного процесса Института
государства и права Российской академии
наук

Аннотация. В статье рассматривается понятие оборонно-промышленного комплекса, обуславливающее особенности в формировании структуры и системы управления в этой сфере на уровне высших органов государственной власти. Автор приходит к выводу, что отсутствие строгой вертикали с административным подчинением в управлении ОПК продиктовано необходимостью учета не только государственных, но и частных интересов организаций ОПК. В то же время достижение политических и экономических целей государства оправдывает возможность принятия властных решений в отношении организаций, выразивших готовность участвовать в выполнении государственного оборонного заказа или по иным критериям входить в оборонно-промышленный комплекс.

Ключевые слова: оборона и безопасность, оборонно-промышленный комплекс, государственно-частное партнерство, органы высшей государственной власти, правовое регулирование.

Для цитирования: Сморчкова Л.Н. Полномочия высших органов государственной власти по управлению оборонно-промышленным комплексом // Военное право. 2025. № 4. С. 62—68.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, обеспечение национальной безопасности осуществляется посредством реализации органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности (подп. 4 п. 5). Одним из инструментов такого взаимодействия является так называемый оборонно-промышленный комплекс.

Термин «оборонно-промышленный комплекс» широко используется не

только в публицистической и научной литературе, но и в правовых документах. В то же время, что именно подразумевается под оборонно-промышленным комплексом (ОПК), легитимно не определено. Обычно под ОПК понимается специфический сектор экономики, состоящий отраслей, предприятий и организаций, деятельность которых связана с разработкой, производством, хранением, поставками вооружения, военной и специальной техники, другого имущества военного назначения¹ для целей государства в области обороны и обеспечения безопасности государства.

В.Д. Морозова понимает ОПК как целостную организационно-экономическую систему, объединяющую предприятия и

¹ Подробнее см.: Сморчкова Л.Н. Государственно-частное партнерство в системе ОПК: проблемы правового регулирования // Военное право. 2025. № 2. С. 99—100; Сморчкова Л.Н. К вопросу о со-

отношении понятий «имущество военной организации», «военное имущество», «имущество военного назначения» // Военное право. 2020. № 6. С. 81—87.

организации различных форм собственности и организационно-правового статуса, предназначенные для выполнения исследований, разработок, производства, ремонта и утилизации товаров оборонного назначения¹.

А.В. Кудашкин и Е.А. Свиных определяют ОПК через совокупность юридических лиц (организаций ОПК), осуществляющих деятельность в сфере разработки, производства, ремонта и утилизации вооружения, военной и специальной техники, иного военного имущества; при этом под организациями ОПК предлагается понимать организации, осуществляющие разработку, производство, ремонт и утилизацию вооружения, военной и специальной техники, производство определенных видов вещевоего имущества, организации, владеющие контрольными пакетами их акций, а также головные организации интегрированных структур ОПК².

Между приведенными определениями нет противоречий: функциональное назначение (способность осуществлять деятельность в интересах обороны и обеспечения безопасности государства) и фактическая причастность к выполнению государственного оборонного заказа являются критериями возможности отнесения той или иной организации к ОПК, независимо от ее организационно-правовой формы и формы собственности. Более того, посредством ОПК не только решаются вопросы в сфере обеспечения обороны и безопасности государства, но это еще и наиболее качественный, высокотехнологичный сектор экономики, в котором сосредоточена наибольшая часть российского потенциала³.

При этом необходимо отметить, что наряду с термином «оборонно-промышленный комплекс» встречается понятие «военно-промышленный комплекс» (ВПК). Применение и использование этого термина также не регламентировано никакими документами. Поэтому, с одной стороны, применение указанных терминов в том или ином случае не будет ошибочным. С другой стороны, в военной науке присутствует мнение, что специалисты должны делать между ними различия и применять их корректно: о ВПК следует говорить, когда рассматривается промышленно-экономический, военный, государственно-политический компоненты, а ОПК употреблять в случаях рассмотрения экономической, производственной, социальной и иных сфер, связанных с оборонной отраслью, за исключением военной составляющей⁴.

Другие ученые считают, что эти термины соотносятся иначе — понятие ВПК шире, чем ОПК, для ВПК характерно существенное расширение сфер правового регулирования, субъектного состава участников отношений, иная функциональная предназначенность в деятельности составляющих комплекс организаций⁵. По мнению автора статьи, в настоящее время в условиях проведения специальной военной операции, других международных конфликтов достаточно непросто разделить чисто оборонную и военную составляющие, а потому, говоря о полномочиях высших органов государственной власти в этой сфере управления, в отсутствие легитимных определений предполагается контекстное толкование.

¹ Морозова В.Д. Оборонно-промышленный комплекс России в рыночных условиях. СПб., 2000. С. 5.

² Кудашкин А.В., Свиных Е.А. Оборонно-промышленный комплекс: понятие, структура, правовые основы деятельности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 11. С. 38—39.

³ Мысляева И.Н. Государственное регулирование оборонно-промышленного комплекса России // Вестник Московского университета. Серия 21.

Управление (государство и общество). 2007. № 1. С. 87.

⁴ Хонькин С.Н., Хонькин Н.С., Шумилов А.Н. Термины "военно-промышленный комплекс" и "оборонно-промышленный комплекс" в отечественной историографии // Наукосфера. 2023. № 3-1. С. 4—5.

⁵ Кудашкин А.В., Потапов А.В. К вопросу о соотношении понятий "оборонно-промышленный комплекс" и "военно-промышленный комплекс" // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 121.

Понимание содержания термина ОПК важно при исследовании управленческих полномочий высших органов государственной власти в отношении него, поскольку это не одноведомственная структура, административно подчиняющаяся определенному федеральному органу исполнительной власти, а совокупность организаций в определенной степени разрозненных, в том числе по ведомственной принадлежности или при отсутствии таковой, при этом как государственных, так и муниципальных или частных.

Принадлежность к ОПК определяется с содержательной стороны функционалом, которым владеет организация, а с формальной — вхождением в сводный реестр организаций ОПК. Критериями включения организации в сводный реестр является: а) наличие у организации на праве собственности или ином законном основании обособленного имущества, включая оборудование и производственные площади, и квалифицированных кадров для разработки, производства, ремонта и утилизации вооружения, военной и специальной техники, а также для производства определенного вещевого имущества; б) вхождение в состав активов организации контрольных пакетов акций таких организаций; в) участие организации в выполнении заданий государственного оборонного заказа, и (или) обеспечение их выполнения с соблюдением режима использования отдельного счета в соответствии с Федеральным законом «О государственном оборонном заказе», и (или) наличие мобилизационного задания¹. При этом для включения в сводный реестр достаточно соответствия хотя бы одному условию.

По сути, ОПК имеет состав и структуру, находящиеся в постоянной динамике, обусловленной тактическими задачами государства в сфере обороны и обеспечения безопасности, а также социально-экономическими факторами — нуждаемостью в определенной продукции или услугах военного (оборонного) назначения и

способностью осуществлять соответствующую потребностям деятельность. Именно это определяет специфику в управлении ОПК, требующую учета в комплексе как государственных, так и частных интересов.

Президент Российской Федерации, являясь Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, обладает наиболее широкими полномочиями в области обороны, в том числе в отношении стратегического управления ОПК. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике» Президентом Российской Федерации на десятилетний период и дальнейшую перспективу утверждаются основы государственной политики в области развития ОПК, в которых определяются цели, задачи и приоритетные направления, определяющие формирование и реализацию промышленной политики в ОПК.

Действующие в настоящее время Основы государственной политики в области развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу были утверждены Указом Президента Российской Федерации от 23 февраля 2017 г. № 91. Кроме того, решения Президента Российской Федерации, наряду с утвержденными им программными документами и планами в области обороны и безопасности, являются основой для формирования государственного оборонного заказа в соответствии с п. 7 ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». А государственный оборонный заказ является одним из критериев включения организации в сводный реестр организаций ОПК.

Президент Российской Федерации своими указами формирует подзаконное правовое регулирование отношений в сфере ОПК, требующих управленческих решений. Так, например, в соответствии

¹ П. 2 Положения о ведении сводного реестра организаций оборонно-промышленного комплекса,

утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 г. № 96.

Указом Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 г. № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» было определено, что в компаниях, срывающих гособоронзаказ, может быть введено внешнее управление.

Также Президент Российской Федерации правомочен создавать организации в интересах успешного функционирования ОПК (например, Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2019 г. № 504 «О создании публично-правовой компании "Военно-строительная компания"»), иными способами стимулировать работу ОПК (Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 2023 г. № 604 «Об установлении почетного звания "Заслуженный работник оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации"»).

Осуществляя свою регулярную управленческую деятельность, Президент Российской Федерации не только ставит задачи перед ОПК¹, но и проводит регулярные совещания с представителями и руководителями предприятий ОПК², оценивает работу комплекса³.

Указом от 12 июня 2024 г. № 482 образовано Управление Президента Российской Федерации по государственной политике в сфере оборонно-промышленного комплекса в составе Администрации Президента Российской Федерации. Управление предназначено для решения ряда задач, связанных с обеспечением формирования и реализации Президентом Российской Федерации государственной политики в сфере ОПК; содействием Президенту Российской Федерации в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов

государственной власти, иных федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций в сфере ОПК; подготовкой и участием в подготовке предложений по вопросам, касающимся формирования и реализации государственной политики в сфере ОПК и других.

Высшая законодательная власть Российской Федерации оказывает регулятивное воздействие на деятельность ОПК посредством формирования и совершенствования законодательства Российской Федерации в области обороны. В этих целях при Совете Федерации в качестве экспертно-консультативного органа действует Совет по законодательному обеспечению оборонно-промышленного комплекса и военно-технического сотрудничества, который правомочен давать свои рекомендации Комитету Совета Федерации по обороне и безопасности; Правительству Российской Федерации; Счетной палате, Генеральной прокуратуре, Центральному банку Российской Федерации межведомственным рабочим группам; государственным корпорациям и интегрированным структурам ОПК.

В соответствии с п. 6.1 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Государственную программу развития оборонно-промышленного комплекса утверждает Правительство Российской Федерации, оно же и организует ее выполнение. Действующая Государственная программа развития оборонно-промышленного комплекса утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2016 г. № 425-8.

В соответствии с ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О промышленной политике» Правительство Российской Федерации

¹ Путин: ОПК нужно обеспечить поставки средств поражения в войска // Вести. 20.09.2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/2950307>

² Путин поручил нарастить производство оборонных предприятий и изучить трофейную технику // Коммерсант. 20.09.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5571073>; Путин встретился с руководителями предприятий ОПК:

главное // Ведомости. 25.05.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/25/1039517-putin-vstretilsya-s>

³ Президент: предприятия ОПК выполнили гособоронзаказ в полном объеме // Коммерсант. 23.04.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7676378>

уполномочено определять порядок формирования сводного реестра организаций ОПК. Соответствующее Положение утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 г. № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса» (с последующими изменениями и дополнениями).

Кроме того, Правительство Российской Федерации выполняет поручения Президента Российской Федерации в отношении развития ОПК (например, такие поручения были даны Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 603 «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса»), рекомендации Совета по законодательному обеспечению оборонно-промышленного комплекса и военно-технического сотрудничества при Совете Федерации.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2014 г. № 627 «О Военно-промышленной комиссии Российской Федерации», принятом в целях реализации государственной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса, военно-технического обеспечения обороны страны, безопасности государства и правоохранительной деятельности, действовавшая ранее при Правительстве Российской Федерации Военно-промышленная комиссия была упразднена, а образована новая Военно-промышленная комиссия как самостоятельный орган управления ОПК, председателем которой является Президент Российской Федерации. Одновременно при Правительстве Российской Федерации в качестве постоянно действующего органа была образована коллегия Военно-промышленной комиссии Российской Федерации для решения текущих вопросов ее деятельности.

Коллегия Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации осуществляет координацию

деятельности федеральных органов исполнительной власти вопросам, связанным с реализацией государственной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса, развитием науки и технологий в интересах военно-технического обеспечения обороны страны и безопасности государства, формированием государственного оборонного заказа и прочими. Положение о коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации было утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1151.

На следующей ступени исполнительной власти полномочия по управлению ОПК осуществляет ряд федеральных органов исполнительной власти. Прежде всего, это Министерство обороны Российской Федерации как уполномоченное осуществлять функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, а также Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, которое является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере промышленного и оборонно-промышленного комплексов. В частности, именно на Минпромторг России возложены функции по ведению сводного реестра организаций ОПК.

Также в решении профильных вопросов в сфере ОПК участвуют Министерство финансов Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба, Центральный банк Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации. Их представители, наряду с представителями из Минобороны России и Минпромторга России, участвуют в составе специально создаваемых межведомственных групп для решения отдельных вопросов в сфере управления ОПК.

Таким образом, оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации

представляет собой не отдельную административно-сформированную структуру, а специфический сектор экономики, состоящий отраслей, предприятий и организаций, который предназначен для удовлетворения оборонных и военных потребностей государства и посредством которого реализуется государственно-частное партнерство в данной крайне важной для государства сфере общественных отношений. Этот факт и предопределяет специфическое построение системы управления ОПК.

На уровне высших органов государственной власти функции по управлению ОПК разделены преимущественно между Президентом Российской Федерации как стратегом, определяющим политику государства в данной сфере, и Правительством Российской Федерации, тактически осуществляющим организацию реализации этой политики. Однако в зависимости от политической ситуации и задач, возникающих перед ОПК, Президент Российской Федерации вправе брать на себя оперативное управление при решении отдельных вопросов. В целом, можно отметить, что эти органы работают в самом тесном взаимодействии¹.

Для системы управления ОПК на высшем государственном уровне характерно образование «вторичных» органов, имеющих коллегиальный характер и созданных специально для обеспечения решения специальных задач и координации вопросов в сфере ОПК. Таковыми являются: Управление Президента Российской Федерации по государственной политике в сфере оборонно-промышленного комплекса; Совет по законодательному обеспечению оборонно-промышленного комплекса и военно-технического сотрудничества при Совете Федерации; Коллегия Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации.

Отсутствие строгой вертикали с административным подчинением в управлении ОПК обусловлено необходимостью учета не только государственных, но и частных интересов организаций ОПК, но в то же время, достижение политических и экономических целей оправдывает возможность принятия властных решений в отношении организаций, выразивших готовность участвовать в выполнении государственного оборонного заказа или по иным критериям входить в оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации.

Список источников

1. Кудашкин А.В., Потапов А.В. К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 115—122.
2. Кудашкин А.В., Свиных Е.А. Оборонно-промышленный комплекс: понятие, структура, правовые основы деятельности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 11. С. 37—47.
3. Морозова В.Д. Оборонно-промышленный комплекс России в рыночных условиях. Санкт-Петербург, 2000. — 51 с.
4. Мысляева И.Н. Государственное регулирование оборонно-промышленного комплекса России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2007. № 1. С. 87—119.
5. Смorchкова Л.Н. Государственно-частное партнерство в системе ОПК: проблемы правового регулирования // Военное право. 2025. № 2. С. 99—105.
6. Смorchкова Л.Н. К вопросу о соотношении понятий «имущество военной организации», «военное имущество», «имущество военного назначения» // Военное право. 2020. № 6. С. 81—87.
7. Хонькин С.Н., Хонькин Н.С., Шумилов А.Н. Термины "военно-промышленный комплекс" и "оборонно-промышленный комплекс" в отечественной историографии // Наукосфера. 2023. № 3-1. С. 1—5.

¹ Например, перечень стратегических предприятий и организаций ОПК был утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 января 2004 г. № 22-р, а в последующем этот перечень был уточнен посредством Указа Президента Российской Федерации от 4 августа 2004 г.

№ 1009 «Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ», в него и вносятся оперативные изменения и дополнения.

The powers of the highest state authorities for the management of the military-industrial complex

© Smorchkova L.N.,

Doctor of Juridical Science, Associate Professor,
Lead Researcher of the Sector of Administrative
Law and Process of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the concept of the military-industrial complex, which determines the features in the formation of the structure and management system in this area at the level of the highest bodies of state power. The author comes to the conclusion that the absence of a strict vertical with administrative subordination in the management of the military-industrial complex is dictated by the need to take into account not only state, but also private interests of defense industry organizations. At the same time, achieving the political and economic goals of the state justifies the possibility of making government decisions regarding organizations that have expressed their willingness to participate in the implementation of the state defense order or, according to other criteria, to enter the military-industrial complex.

Key words: defense and security, defense-industrial complex, public-private partnership, supreme government bodies, legal regulation.

For citation: Smorchkova L.N. Powers of the Highest state Authorities for the Management of the Military-Industrial Complex // Military law. 2025. No. 4. pp. 62-68.

The article was received by the editorial office on June 30, 2025.

Организация правовой работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации

© Сурков Сергей Анатольевич,
слушатель Академии управления МВД
России

Аннотация. Рассматривая тему, связанную с различными видами обеспечения военной организации (например, тылового, финансового и др.), необходимо указать, что виды обеспечения имеют важное значение для нормального ее функционирования. Немаловажную роль в системе такого обеспечения играет правовое обеспечение, которое не просто формальность, а важный и необходимый элемент, способствующий стабильности и законности деятельности организации. В настоящей статье рассматривается вопрос организации правовой работы в войсках национальной гвардии, ее основные направления и задачи, решаемые в процессе осуществления данного вида обеспечения.

Ключевые слова: военная служба, служба, правовое обеспечение, правовая работа, войска национальной гвардии.

Для цитирования: Сурков С.А. Организация правовой работы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2025. № 4. С. 69—74.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2025 г.

Правовое обеспечение организаций представляет собой важный и ключевой аспект их успешного функционирования и развития. Оно включает в себя соблюдение законодательства, защиту прав и интересов организаций, а также управление возможными рисками. Благодаря надлежащей организации правового обеспечения деятельности юридические лица могут эффективно выполнять свои задачи, заключать и исполнять договоры, минимизируя при этом вероятность возникновения юридических споров и санкций. Также правовое обеспечение способствует созданию условий для эффективного корпоративного управления,

позволяя организациям соблюдать требования к отчетности и прозрачности. В случае возникновения конфликтных ситуаций наличие четкой правовой базы позволит быстро и эффективно разрешить различные споры.

Таким образом, правовое обеспечение организаций — это не просто формальность, а важный и необходимый элемент, способствующий их стабильности, репутации и долгосрочному успеху.

Несмотря на широкое рассмотрение затронутой темы в научных публикациях, ее актуальность не снижается¹.

Правовое обеспечение деятельности военной организации государства является одной из важнейших составляющих

¹ См. напр.: Землин А.И., Корякин В.М., Землина О.М., Козлов В.В. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум. М., 2019; Кудашкин А.В. Проблемы правового положения военной организации государства // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 125—129; Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025; Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными ор-

ганами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 19—22; Кириченко Н.С. вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 115—118; Харитонов С.С. Выездные заседания военных судов в расположении воинских частей: вопросы правового регулирования процедур применительно к необходимости их совершенствования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 8. С. 41—49.

ее боеспособности и эффективности деятельности, в связи с чем вопросы, касающиеся порядка осуществления такого правового обеспечения, его субъектного состава и статуса, играют крайне важную роль¹.

Кроме этого, одним из обязательных и основных признаков правового государства является господство закона, к построению которого устремлены многие государства, в том числе и Россия. В основе данного признака лежит принцип законности, пронизывающий все сферы деятельности государства и который закреплён в основном законе страны — Конституции Российской Федерации, в п. 2 ст. 15 которой установлено, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Огромную роль в решении этих важных государственных задач занимают юридические службы, которые созданы для укрепления законности и проведения правовой работы в соответствующем органе государственной власти².

Соответствующие правовые подразделения, непосредственно выполняющие правовую работу, существуют и в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Росгвардии от 8 декабря 2017 г. № 524, правовая работа в войсках национальной гвардии Российской Федерации это комплекс мер правового характера, осуществляемых органами управления (должностными лицами), направленных на правовое обеспечение сферы деятельности войск национальной гвардии, сферы оборота оружия, сферы частной охранной и частной

детективной деятельности и сферы вневедомственной охраны, а также на создание достаточных правовых условий для выполнения войсками возложенных на них законом задач. При этом под органами управления в применительно к Наставлению понимается Росгвардия, управления оперативно-территориальных объединений войск национальной гвардии, территориальные органы Росгвардии, управления соединений, воинские части, военные образовательные организации высшего образования и иные организации войск национальной гвардии.

Основными направлениями (видами) правовой работы в войсках национальной гвардии являются:

- организационно-правовая работа;
- правовой контроль;
- нормотворческая деятельность;
- судебная и административная работа;
- информационно-правовое обеспечение.

Договорно-правовой департамент Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (ДПД Росгвардии), правовые подразделения (лица, занимающие воинские должности (замещающие должности) по юридической специальности структурных подразделений Росгвардии, управлений оперативно-территориальных объединений войск национальной гвардии, территориальных органов Росгвардии, управлений соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии образуют юридическую службу войск национальной гвардии.

Организация правовой работы и ответственность за ее соответствие установленным в войсках национальной гвардии требованиям возлагается на руководителей (начальников) структурных

¹ Зайков Д.Е. Положение о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации: новое правовое регулирование // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 7. С. 8—15.

² Землин А.И., Рошин С.Р. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1(59). С. 37—44.

подразделений Росгвардии, командующих округами войск национальной гвардии, начальников территориальных органов Росгвардии, командиров (начальников) соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии.

К полномочиям правовых подразделений относятся:

- проверка соответствия законодательным и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, нормативным правовым актам Росгвардии представляемых на подпись руководителям (командирам, начальникам) проектов правовых актов, а также гражданско-правовых договоров (государственных контрактов), иных документов, предусмотренных Наставлением;

- представление в соответствии с положением о правовом подразделении или по поручению руководителей (командиров, начальников) интересов воинских частей (организаций) в судах и обеспечение их защиты правовыми средствами, а также по поручению ДПД Росгвардии представление интересов Российской Федерации, Росгвардии, других воинских частей (организаций);

- координация правовой работы в структурном подразделении Росгвардии, воинской части (организации), контроль за деятельностью правовых подразделений нижестоящих органов управления, оказание им методической и практической помощи;

- организация и проведение совещаний с личным составом правовых подразделений, в том числе по обмену опытом работы, а также мероприятий по повышению его квалификации;

- сбор и обобщение сведений о состоянии правовой работы, анализ и учет ее результатов, направление отчетности по ней в вышестоящий орган управления;

- разработка мер по совершенствованию правовой работы в структурном подразделении Росгвардии, воинской части (организации);

- методическое руководство деятельностью внештатных дознавателей в войсках национальной гвардии;

- осуществление правового консультирования граждан, военнослужащих, лиц, имеющих специальные звания полиции, федеральных государственных гражданских служащих и работников по вопросам нормативно-правового регулирования в сфере деятельности войск национальной гвардии, сфере оборота оружия, сфере частной охранной и частной детективной деятельности и сфере вневедомственной охраны.

Важно отметить, что в период вооруженных конфликтов военнослужащие правовых подразделений исполняют обязанности юридических советников руководителей (командиров, начальников).

Теперь более подробно рассмотрим основные направления (виды) правовой работы.

1. Организационно-правовая работа.

Данное направление представляет собой деятельность органов управления (должностных лиц) в пределах своего функционального предназначения (специальных, должностных, служебных обязанностей), направленную на создание условий для организации и выполнения мероприятий правовой работы. Правовые подразделения являются самостоятельными структурными подразделениями, непосредственно подчиняющимися руководителям (командирам, начальникам), организационно-штатное построение и должностной состав которых определяются исходя из необходимости выполнения задач правовой работы.

2. Организация правового контроля.

Правовой контроль в войсках национальной гвардии осуществляется в целях обеспечения законности принимаемых правовых актов и соблюдения законодательства Российской Федерации при правоприменительной деятельности. Основными направлениями правового контроля являются:

- осуществление правовой экспертизы проектов правовых актов и иных документов;

— оценка законности принятых ведомственных правовых актов;

— контроль за соблюдением законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов Росгвардии, регулирующих деятельность войск национальной гвардии.

3. Организация нормотворческой деятельности.

Нормотворческая деятельность занимает значимое место в деятельности правовых подразделений, особенно в различных федеральных органах исполнительной власти¹.

Нормотворческая деятельность в войсках национальной гвардии направлена на разработку, изменение, признание утратившими силу или отмену правовых актов (норм права). Она строится на основе планирования, выполнения решений (поручений) и в инициативном порядке.

Основными направлениями нормотворческой деятельности являются:

— выявление потребностей в правовой регламентации сферы деятельности войск национальной гвардии, сферы оборота оружия, сферы частной охранной и частной детективной деятельности и сферы вневедомственной охраны, а также деятельности воинских частей (организаций);

— разработка проектов правовых актов;

— издание в пределах компетенции правовых актов;

— подготовка либо участие в подготовке проектов правовых актов, регулирующих деятельность войск национальной гвардии, принятие которых входит в компетенцию иных органов государственной власти;

— подготовка отзывов, заключений и поправок на проекты правовых актов, поступивших из других органов государственной власти;

— сопровождение проектов правовых актов при их рассмотрении в соответствующих инстанциях.

4. Организация судебно-исковой работы.

Организация судебно-исковой работы в Росгвардии, воинских частях (организациях) осуществляется в порядке, определенном нормативными правовыми актами Росгвардии.

Следует отметить, что судебно-исковая работа направлена на защиту и восстановление нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов Росгвардии, воинских частей (организаций) в судах. Спектр дел, рассматриваемых в судах с участием представителей воинских частей (организаций) очень широкий, от споров, связанных с различными видами обеспечения, привлечением к ответственности, так и различные арбитражные дела².

5. Организация информационно-правового обеспечения.

Информационно-правовое обеспечение осуществляется в целях своевременного доведения и разъяснения гражданам и личному составу войск национальной

¹ См. напр.: Корякин В.М., Сандырева Е.В. Некоторые выводы из арбитражно-судебной практики по делам, связанным с участием военных организаций в аутсорсинговых отношениях // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 173—184; Кириченко Н.С. О правовых основах деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1 (234). С. 9—13; Харитонов С.С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 5 (143). С. 95—96.

² См. напр.: Кириченко Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 113—119; Харитонов С.С. О некоторых теоретико-правовых аспектах договорной работы с участием воинских частей // Военное право. 2018. № 1 (47). С. 109—112; Азовцев А.А., Корякин В.М. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 16—23.

гвардии требований правовых актов, регулирующих сферу деятельности войск национальной гвардии, сферу оборота оружия, сферу частной охранной и частной детективной деятельности и сферу вневедомственной охраны.

Основными направлениями информационно-правового обеспечения являются:

— ведение систематизированного учета правовых актов, внедрение автоматизированных информационных систем правового назначения;

— консультирование граждан и личного состава войск национальной гвардии по правовым вопросам.

Следует отметить, что должностные лица правовых подразделений войск национальной гвардии находятся в прямом подчинении командиров (начальников) воинских частей (организаций), в которых они проходят военную службу (службу). Учитывая это, на наш взгляд, заслуживает внимания вопрос об их переподчинении на уровень Росгвардии в целях исключения указанной служебной зависимости, что будет способствовать повышению качества осуществления правовой работы.

Список источников

1. Азовцев А.А., Корякин В.М. Особенности дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях, совершаемых военнослужащими // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 16—23.
2. Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 19—22.
3. Зайков Д.Е. Положение о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации: новое правовое регулирование // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2018. № 7. С. 8—15.
4. Землин А.И., Корякин В.М., Землина О.М., Козлов В.В. *Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум*. Москва: Юрайт, 2019. 197 с. EDN: AVALAX
5. Землин А.И., Рошин С.Р. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации // *Военное право*. 2020. № 1(59). С. 37—44.
6. Кириченко Н.С. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 115—118.
7. Кириченко Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих // *Военное право*. 2022. № 5 (75). С. 113—119.
8. Кириченко Н.С. О правовых основах деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2017. № 1 (234). С. 9—13.
9. Корякин В.М. *Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права*. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT
10. Корякин В.М., Сандырева Е.В. Некоторые выводы из арбитражно-судебной практики по делам, связанным с участием военных организаций в аутсорсинговых отношениях // *Военное право*. 2022. № 1 (71). С. 173—184.
11. Кудашкин А.В. Проблемы правового положения военной организации государства // *Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке*. Москва: За права военнослужащих, 2007. С. 125—129.
12. Харитонов С.С. Выездные заседания военных судов в расположении воинских частей: вопросы правового регулирования процедур применительно к необходимости их совершенствования // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2018. № 8. С. 41—49.
13. Харитонов С.С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2009. № 5 (143). С. 95—96.
14. Харитонов С.С. О некоторых теоретико-правовых аспектах договорной работы с участием воинских частей // *Военное право*. 2018. № 1 (47). С. 109—112.

Organization of Legal Work in the National Guard Troops of the Russian Federation

© Surkov S.A.,

student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract. When considering the topic related to various types of support for a military organization (such as logistical support, financial support, etc.), it is important to note that these types of support are essential for the organization's proper functioning. Legal support plays a significant role in this system, as it is not just a formality but an important and necessary element that contributes to the stability of the organization. The National Guard Troops of the Russian Federation are also considered military organizations. In this article, we will explore the organization of legal work in the military, its main areas, and the tasks that are addressed during this type of support.

Keywords: military service, service, legal support, legal work, National Guard troops.

For citation: Surkov S.A. Organization of Legal Work in the Troops of the National Guard of the Russian Federation // Military law. 2025. No. 4. Articles 69-74.

The article was received by the editorial office on June 26, 2025.

Военная служба. Статус военнослужащих

Объективность против служебной зависимости при вынесении решения военными коллегиальными органами

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется возможность влияния командиров воинских частей и учреждений на деятельность коллегиальных органов в возглавляемых ими воинских формированиях. Автор приходит к выводу о высокой степени зависимости членов различного рода комиссий и советов от руководителей воинских формирований и, как следствие, о вынесении ими нужных данному командиру (начальнику) решений. Тем самым утрачиваются объективность и коллегиальность при принятии ими решений, повышается опасность субъективизма при принятии судьбоносных для аттестуемых решений. Вносятся предложения о включении в состав аттестационных комиссий лиц, не состоящих в штате данной военной организации.

Ключевые слова: орган военного управления, субъективизм, единоначалие, аттестационная комиссия, конформизм, коллегиальные органы, профессиональная деформация, притягательность власти, пробелы правового регулирования.

Для цитирования: Глухов Е.А. Объективность против служебной зависимости при вынесении решения военными коллегиальными органами // Военное право. 2025. № 4. С. 75—84.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2025 г.

Многие способны выдержать удары судьбы, но,
если вы хотите в самом деле испытать характер че-
ловека, дайте ему власть

Авраам Линкольн

Предметом настоящей статьи являются нормы права и сложившаяся правоприменительная практика, касающиеся процесса вынесения решений различными коллегиальными органами воинских формирований. Речь в данном случае идет об аттестационных комиссиях, ученых советах, офицерских собраниях и подобных им коллегиальных органах, создаваемых приказами руководителя воинского формирования и ему подотчетных.

Так, создать аттестационные комиссии в каждой воинской части от отдельного батальона, равных ему и выше предписано п. 1 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы¹. В каждом военном вузе функционируют ученые советы. Существуют конкурсные комиссии, офицерские собрания и иные коллегиальные органы, создаваемые для решения вопросов своей компетенции.

¹ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы».

Подобные создаваемые в воинских частях и учреждениях комиссии, советы, собрания являются нештатными коллегиальными органами, в их работе принимают участие несколько (как правило, не менее пяти) граждан (не обязательно военнослужащих и не обязательно из состава той военной организации, в которой данный коллективный орган функционирует). Периодически данные граждане собираются вместе и совместно обсуждают те вопросы, для решения которых и создан коллегиальный орган.

Функционирование большинства военных комиссий и советов сводится к установлению юридических фактов по рассматриваемому вопросу и на основе этих фактов и действующего законодательства вынесения либо подготовке проекта решения. Коллегиальные органы принимают решения по всем вопросам своей компетенции большинством голосов своих членов, причем голос председателя коллективного органа управления, его личное мнение не является главным и единственно верным при принятии решения¹.

Решения различного рода комиссий в сфере действия их компетенции оформляются письменно и представляются на утверждение руководителю военной организации, и только после его утверждения они обретают юридическую силу. Командир может не утвердить принятое его подчиненными решение², даже не объясняя причины своего решения подчиненным, тогда оно так и останется не вступившим в силу документом. Однако и для такого бездействия у командира все же должны быть некие аргументы, поскольку подобное бездействие может быть оспорено в суде заинтересованными лицами.

Таким образом, несмотря на рекомендательный характер решений коллегиальных органов, они являются основой для принятия воинским руководителем окончательного решения.

Более того, сам руководитель не может переиначить, переделывать представленное ему на утверждение решение, сделать противоположный вывод вместо коллегиального органа. Он может его либо утвердить (согласиться), либо не утвердить (не согласиться). Следовательно, для обретения силы решения коллегиального органа необходимо, чтобы мнение самого данного органа и возглавляющего военную организацию руководителя совпали.

На практике такое совпадение мнений происходит далеко не всегда.

Ниже рассмотрим разрешение такого рода конфликтов на примерах аттестационных комиссий.

В соответствии с п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы аттестация проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования. Решение указанных вопросов возложено на аттестационные комиссии воинских формирований.

Представим ситуацию, когда аттестационная комиссия вынесла решение о соответствии военнослужащего занимаемой должности, но с этим решением не согласен командир воинской части, который недоволен аттестуемым и субъективно считает того негодяем. Командир вправе не утвердить решение комиссии, обозначить недостатки при проведении аттестации, но не вправе вынести решение за аттестационную комиссию.

Поэтому опытный командир старается просто не допустить подобных ситуаций и при необходимости до заседания подчиненного коллегиального органа управления доведет до председателя комиссии свое мнение по рассматриваемому вопросу. При таком подходе коллегиальный

¹ Глухов Е.А. Коллегиальные органы управления в военных организациях: некоторые проблемы их статуса // Право в Вооруженных Силах — военнопредварное обозрение. 2013. № 4(190). С. 82—90.

² Харитонов С.С. Обеспечение законности в деятельности аттестационных комиссий при увольнении военнослужащих по несоблюдению условий контракта // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 50—54.

орган с огромной долей вероятности вынесет необходимое командиру решение, даже если члены коллегиального органа изначально считали иначе.

Каким образом это достигается? Военнослужащие в большинстве своем — не ангелы, не имеющие грехов, у всех есть свои недостатки и оплошности. Но в одном случае на каких-либо проступках можно не заострять внимание и не описывать их в тексте отзыва, в других случаях — концентрировать внимание именно на них. В первом случае можно не описывать в аттестационном листе имевший месяц — два месяца назад факт опоздания на службу, во втором — не только подробнейшим образом записать в аттестационном листе, но и долго и правильно рассуждать о вреде подобных явлений и их влиянии на боеготовность всей воинской части. А если перед аттестацией приложить некоторые усилия и пристальное внимание к потенциальной жертве, то наверняка можно будет обнаружить еще несколько поводов для негативного отзыва или привлечения к дисциплинарной ответственности такого военнослужащего.

Здесь же следует напомнить, что в ходе проведения самой аттестации члены аттестационной комиссии вправе задавать аттестуемому вопросы, в том числе и по знанию последним любых руководящих документов, своих обязанностей в мирное и военное время (наизусть), данные из программ предметов командирской подготовки и т.п. Нормативно закрепленных критериев оценки ответов аттестуемого правовыми актами федеральных органов власти не установлено¹. И при слабых неточных ответах аттестуемого нет также обязанности заносить такого рода негативную информацию в аттестационный лист, использовать ее для принятия нужного решения.

Характерным примером вышеизложенного является судебное дело, рассмотренное одним из гарнизонных военных судов. Из материалов дела следует, что истец-военнослужащий оспаривал свое увольнение (в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы) и решение аттестационной комиссии, согласно которому он был признан не соответствующим замещаемой должности.

Рассматривая юридические основания процесса увольнения, суд установил, что согласно подп. «е» п. 2 ст. 26 и подп. «ж» п. 3 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы дача заключения о рекомендации к увольнению с военной службы военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта относится к компетенции аттестационной комиссии. В силу п. 5 Порядка организации и проведения аттестации военнослужащих² аттестационные комиссии обязаны всесторонне изучить аттестационные листы, содержащие отзывы на военнослужащих, установить их соответствие деловым и личным качествам аттестуемых военнослужащих и дать заключения по ним.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в п. 41 Постановления от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», если военнослужащий по своим деловым и личным качествам не соответствует требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу (о чем может свидетельствовать, например, наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий), его досрочное увольнение с военной службы возможно только по результатам аттестации, в том числе внеочередной.

Рассматривая фактические обстоятельства, судом было установлено, что в

¹ Климкина Е.В. Правовое регулирование прав сотрудников органов внутренних дел в рамках процедуры аттестации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 98—101.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 «О порядке организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

отношении офицера С. одной и той же аттестационной комиссией было проведено 2 аттестации. По результатам первой аттестации аттестационная комиссия признала его соответствующим занимаемой должности, а спустя 19 дней та же аттестационная комиссия признала его не соответствующим занимаемой должности и сочла целесообразным его увольнение с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы. При этом за 19 дней (срок между проведением аттестаций в отношении С.) новых обстоятельств, негативно характеризующих С., установлено не было.

Суд счел, что заключение аттестационной комиссии воинской части о соответствии военнослужащего занимаемой должности и целесообразности оставления на военной службе может быть пересмотрено этой же аттестационной комиссией только в том случае, если будут выявлены новые обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии военнослужащего занимаемой должности. В противном случае это порождало бы неопределенность в признании правового статуса у военнослужащего и возможность командования без достаточных на то оснований пересматривать ранее принятые решения, проводя неограниченное количество внеочередных аттестаций с целью получения желаемого заключения¹.

Верховный Суд Российской Федерации также рассматривал спор, где в отношении одного и того же военнослужащего, не имеющего дисциплинарных взысканий, но со снятой судимостью, сначала было принято решение об увольнении его с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, а затем по решению командира — об увольнении его по негативному основанию².

Как видно, аттестационная комиссия может вынести противоположные решения по одному и тому же вопросу. Причем это касается не только вопроса соответствия / несоответствия военнослужащего занимаемой должности или его увольнения / неувольнения в связи с невыполнением условий контракта. Еще большая усмотренческая дискреция существует у аттестационной комиссии в вопросе увольнения военнослужащего по собственному желанию. Ведь согласно п. 6 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, по заключению аттестационной комиссии может быть уволен с военной службы досрочно по собственному желанию при наличии у него уважительных причин. Какие именно причины относятся в разряд уважительных — решает аттестационная комиссия по своему внутреннему убеждению. Ни одним нормативным правовым актом не установлен перечень уважительных причин для увольнения военнослужащего по собственному желанию.

Подобная свобода оценки обстоятельств и вынесения решений есть у аттестационной комиссии и в вопросе определения, достоин ли военнослужащий быть назначенным на высшую воинскую должность, направления на учебу, предложения меры ответственности за совершение коррупционных проступков и других важных для военнослужащего вопросов.

Однако, как было проиллюстрировано в приведенном выше судебном постановлении, каких-либо твердых критериев вынесения аттестационной комиссией определенных решений не существует. И командир воинской части под эгидой руководства ее деятельности и решения кадровых вопросов имеет возможность косвенно вмешиваться в деятельность органа,

¹ Решение Новосибирского гарнизонного военного суда от 08 декабря 2021 года по делу №2а-168/2021 // https://gvs--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=294946675&delo_id=41

&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.06.2025).

² Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 207-КГ15-1 // СПС Консультант Плюс.

который должен самостоятельно, объективно и беспристрастно вынести именно свое решение, основанное на личном взгляде членов этого органа.

Но решение аттестационной комиссии должно выноситься не на основании принципа единоначалия, не личным мнением командира, а исходя из принципа коллегиальности, большинством голосов.

Конечно же, любой из членов комиссии имеет полное право проигнорировать мнение командира воинской части и заявить свое собственное мнение, диаметрально отличное от мнения командира, и настаивать на его включении в протокол. Но даже если обозначенный член комиссии объективно прав, для такого поступка нужны смелость и принципиальность, а также готовность стерпеть возможные негативные последствия своей принципиальности. По мнению автора, подобные случаи являются редкостью, и еще более редки случаи, когда в пик командир выступает не один, а несколько членов коллегиального органа. Тем более, что голосование членами комиссии происходит открыто, и фамилии всех неконформистов будут представлены командиру воинской части.

Стоит напомнить о том, что состав комиссии или совета во многом зависит от субъективного мнения руководителя военной организации, именно он издает приказ, где закрепляется состав коллегиального органа. Часть членов коллегиальных органов входит в них по рангу, поскольку они занимают должности, предполагающие вхождение их в комиссии или советы. К примеру, в состав аттестационной комиссии в обязательном порядке входят заместитель командира по военно-политической работе, представители кадрового органа и юридического службы (п. 2 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы). Остальных же членов коллегиальных органов военного управления

руководители военных организаций включают в состав указанных органов своими приказами. Уже поэтому если человек в составе комиссии ведет себя «не правильно», командир воинской части легко может исключить его из состава данной комиссии. Подобную же точку зрения поддерживает и О.Ю. Петров, который считает, что поскольку командир воинской части единолично определяет приказом персональный состав аттестационной комиссии воинской части, вследствие чего будет логичным предположить, что результат аттестации будет носить прогнозируемый характер¹.

Важнейшим влияющим на конформизм членов коллегиальных органов факторов является огромная степень их зависимости от командира по самому широкому кругу вопросов. От руководителя воинской организации, в частности, зависит дотошность и частота уже последующих проверок самих членов коллегиальных органов (состояния дел в их подразделениях и курируемых ими направлениях деятельности), принципиальность проверяющих по предметам обучения, даты отпусков, графики нарядов, строгость и длительность возможных взысканий, вид возможного поощрения, частота и размер премирования, интенсивность служебной нагрузки, постановку последнему внезапных обременительных задач² и привлечение к внештатным обязанностям, а также многие иные вопросы социального обеспечения. А, учитывая принцип «своя рубашка ближе к телу», вполне естественно, что интерес члена комиссии честно, справедливо и законно выполнить свою обязанность, да еще в нештатную, отходит на второй план по сравнению с интересом не портить отношения с начальством.

В условиях жесткого единоначалия и строгой регламентации деятельности, получения многих социальных благ по усмотрению начальства вполне логичным следствием является желание угодить

¹ Петров О.Ю. О профилактике коррупции при аттестации военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 12. С. 24—35.

² Глухов Е.А. Право и неформальные регуляторы поведения в военной среде // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2(59). С. 32—37.

начальнику, и тем самым зарекомендовать себя с положительной стороны. Угодничество и nepoтизм служат инструментами подъёма по карьерной лестнице не менее, чем компетентность и трудолюбие¹.

Как указывают ряд исследователей, личностно-ролевая подстройка подчиненного под руководителя, желание ему угодить, завоевать его внимание лестью, услужливостью, стать лично полезным весьма распространено в любых иерархических структурах. Это своеобразная транзакция, дополнение деловых, рационально-бюрократических отношений личностными. Но речь идет не о профессиональной «услужливости», наилучшем исполнении служебной, профессиональной роли (для чего нужна компетентность, помноженная на большой труд), а о личностных отношениях по обслуживанию начальства и игре на потребностях, фобиях, желаниях руководителя, которые предугадываются, а то и формируются подчиненными².

Любая фраза начальника подчиненными идеализируется, а любое даже сомнительное пожелание неукоснительно исполняются. Нравственно-правовой конформизм чиновника в этом случае наблюдается в расчете на покровительство и защиту со стороны вышестоящих инстанций в случае того или иного проступка, уверенности в «праве на ошибку», неизбежности нарушений законности и безнаказанности собственных противоправных действий; в ориентации на некритичное подчинение любым требованиям, исходящим из вышестоящих инстанций и от влиятельных лиц, в податливости указаниям и давлению, которые расходятся с законами, ведомственными приказами, должностными инструкциями³.

Корпоративные правила поведения передаются вновь прибывшим членам коллектива. Любой человек или коллектив, изо дня в день действуя в рамках писанных и неписанных правил, вольно или невольно становятся носителем сущности такой системы⁴. В этом плане можно только подтвердить основополагающий принцип исторического материализма чётко сформулированный К. Марксом: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁵.

Профессиональная деформация происходит и в сознании воинского руководителя. Вместе с занимаемой высокой должностью человек может получить возможность влияния не только по служебным вопросам и не только в рамках должностной функции. Огромнейшая предоставленная военным законодательством власть командира по отношению к подчиненным вполне естественно развращает тех, кто не отличается высокими нравственными качествами. Авторитета прибавляет сама возможность создать для подчиненных проблемы.

В большинстве случаев жесткий, не терпящий возражений воинский начальник — не патологический садист, а чаще всего субъективно честный человек, но с сознанием, деформированным служебной обстановкой, корпоративным менталитетом и безграничной властью. Большинство руководителей на высоких должностях, даже некомпетентные, искренне убеждены, что их руководство приносит пользу, что они на своем месте. Вина в формировании такой психологической установки, прежде всего, их ближайший круг подчиненных, которые ради личных

¹ Ведяшкин С.В., Глухов Е.А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 35—57.

² Старостин А.М., Швеи Л.Г., Тованчова Е.Н. Девиации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1. С. 31—37.

³ Корякин В.М. «Командный» принцип военно-кадровой политики нуждается в правовой регламентации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 8. С. 28—29.

⁴ Глухов Е.А., Кудашкин А.В. Многописание при оформлении мелких травм военнослужащих, или бюрократизм при проведении дознания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 3(236). С. 99—108.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 13, М. 1959. С. 7.

интересов и карьерной конъюнктуры стараются донести боссу мысль об его замечательном руководстве (хотя объективно это далеко не так) и поддерживать любые не самые справедливые и эффективные решения.

Современная военная система управления формирует особые черты характера военных руководителей, норм морали и этики, которые во многом определяют алгоритм принятия ими решений. В их профессиональной деятельности складываются специфические отношения, свой язык общения, корпоративная мораль и этика, определенное отношение к обществу, к своим руководителям и подчиненным¹.

Во-первых, вместе с руководящей воинской должностью человек получает возможность поощрять и наказывать за любые несущественные мелочи. До тех пор, пока должностное лицо никому не мешает, не грозит проблемами, его не боятся, его мнение игнорируют. Если же он начинает создавать другим трудности, его мнение сразу растет в цене, с ним уже опасно спорить.

Кроме того, право на усмотренческое решение многих должностных лиц может существенно влиять на права и интересы как подчиненных, так и взаимодействующих субъектов, которые, в свою очередь, стараются выстраивать как можно более дружеские и неформальные отношения с таким влиятельным начальником.

Во-вторых, трудно требовать от военнослужащих сугубо официальных взаимоотношений, если в прошлом они, как говорится, «ели из одного котелка» или вместе участвовали в боевых действиях. Экстремальные ситуации и совместное прохождение трудностей, риск для жизни — все это сближает, особенно если товарищ показал себя с хорошей стороны. И впоследствии называть такого товарища на «вы»,

держат с ним дистанцию и общаться чисто на казенном языке вряд ли приемлемо обычному человеку. Но как раз этого и требуют Общевоинские уставы Вооруженных Сил и правила воинской субординации.

В-третьих, в ряде случаев занимаемая должность позволяет получить не только власть и возможность решать чужие судьбы (что уже само по себе приятно человеку), но и извлечь личную выгоду из занимаемой должности.

Совершенно верно заметил профессор Г.В. Атаманчук, что в российском общественном сознании давно существует некий «договор умолчания» о том, что же даёт человеку обладание властью, хотя бы небольшой, и почему немалое число людей «весьма активно нацелены на завоевание власти». А того, кто вкус власти хорошо распробовал, даже силой от неё не оторвёшь. Готовы сто раз в кого угодно переплотиться, лишь бы сохранить хоть какой-то объём власти. Власть позволяет легче, быстрее и на более высоком уровне удовлетворять материальные и социальные потребности, порой, и духовные, а иногда и интимные. Власть способна мгновенно решать личностные проблемы, на которые в иной ситуации человек тратит десятилетия упорнейшего труда. Кроме всего прочего, власть даёт человеку ощущение самоудовлетворения, своей нужности, реализацию амбиций. Руководителю зачастую не нужны ни истина, ни конструктив, он просто хочет самоутвердиться, почувствовать вкус власти и навязать свою точку зрения².

Причём наличие у руководителя необходимых для работы деловых качеств, знание законодательства отнюдь не компенсирует, скажем, личную нечестность или непорядочность должностного лица и не

¹ Глухов Е.А. Групповые (корпоративные) интересы в качестве мотивации противоправного поведения в системе военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8. С. 8—17.

² Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 2006.

исключает совершение им аморальных поступков, а скорее даже делает его более изощрённым и потому опасным¹.

С позиции социологии следует признать, что действующая система взаимоотношений в военной среде функционирует одновременно по разным правилам. С одной стороны, алгоритмы ее деятельности и взаимоотношений воинских должностных лиц регламентированы действующим законодательством и основаны на правилах формальной субординации, с другой — взаимоотношения в воинских коллективах подвержены личным симпатиям и антипатиям, сложной системе связей, выстроенных совсем не по официальным правилам.

В настоящей статье автор вовсе не пытается доказать, что командир воинской части всегда не прав, а в противовес ему члены комиссии более честные и справедливые. Вовсе нет. Но ошибаться могут и те, и другие. И командир, и подчиненные ему члены комиссии могут иметь личные симпатии и антипатии к аттестуемому сослуживцу, могут выносить различные решения по одной и той же ситуации. Но как бы то ни было, при желании командира воинской части в аттестации его подчиненного будет отражено именно командирское мнение, хоть и за подписями членов аттестационной комиссии.

Однако рассмотрение какого-либо вопроса на заседании коллегиального органа и было задумано для повышения объективности принятого решения. В юридической литературе отмечается, что коллегиальность способствует всестороннему обсуждению вопроса, анализу различных точек зрения, в процессе обсуждения которых принимаются наиболее правильные и авторитетные решения. В государственном управлении коллегиальность отличает больший демократизм, что исключает воз-

можность чрезмерной концентрации власти в руках одного должностного лица и незаконного ее присвоения. Это, в конечном итоге, не позволяет исполнительной власти трансформироваться в тоталитарную и авторитарную систему². Авторы учебника «Военная администрация» также отмечают, что аттестация является (должна являться) гарантией объективности принимаемых решений³.

В настоящее время в отличие от партийных собраний в Советской Армии и заседаний коллегиальных органов с участием представителей КПСС, современные коллегиальные органы управления в военных организациях не создают противовес командиру. В отличие от дворян-офицеров Российской императорской армии у современных командиров не столь высоконравственно представление о суде Божьем и дворянской чести. Поэтому на практике декларируемая коллегиальность и независимость решений комиссий все чаще и чаще подменяется волей одного командира (начальника), создается только видимость коллективного решения.

Подводя итог, вряд ли можно вести речь о реальной независимости коллегиальных органов воинских формирований и их участников от своих командиров и беспристрастного исполнения ими своих обязанностей.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений отметил, что объективность выводов аттестационной комиссии, равно как и соблюдение прав и законных интересов военнослужащего, подлежащего аттестации, обеспечивается, помимо прочего, предоставлением ему возможности ознакомиться с аттестационным листом, заявить в письменной форме о своем несогласии с отзывом о своей служебной деятельности, сообщить дополнительные сведения,

¹ Оболонский А.В. Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания) // Ответственные науки и современность. 2019. № 1. С. 87—98.

² Гончаров В.В. Коллегиальность и единоначалие как принципы формирования и функционирования

органов исполнительной власти в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 3. С. 54 — 59.

³ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация) : учебник. М.: За права военнослужащих, 2008.

лично участвовать в заседании аттестационной комиссии (в установленных случаях), обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему командиру, так и в суд, что позволяет избежать принятия произвольного, необоснованного решения о досрочном увольнении военнослужащего с военной службы¹. Полагаю, что в приведенном ракурсе речь скорее идет о возможности контроля за вынесенным решением, а не за возможностью воздействия на критерии его объективности.

Учитывая изложенное, полагаю целесообразным обсуждение и введение в жизнь механизма действительной коллегиальности и независимости коллегиальных органов воинских формирований от воздействия руководителей данных воинских формирований при вынесении ими решений. По аналогии с комиссиями по урегулированию конфликта интересов² полагаю целесообразным комплектовать аттестационные комиссии не менее, чем на четверть, лицами, не являющимися подчиненными руководителя данного воинского формирования (офицерами соседних воинских формирований, в том числе иных силовых ведомств). Заслуживает поддержки и ранее озвученное в юридической литературе мнение «узаконить практику тайного голосования и в работе аттестационных комиссий»³.

Список источников

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : курс лекций. Москва, 2006. 584 с.
2. Ведяшкин С.В., Глухов Е.А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 35—57.
3. Глухов Е.А. Групповые (корпоративные) интересы в качестве мотивации противоправного

поведения в системе военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8. С. 8—17.

4. Глухов Е.А. Коллегиальные органы управления в военных организациях: некоторые проблемы их статуса // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 4(190). С. 82—90.

5. Глухов Е.А., Кудашкин А.В. Многописание при оформлении мелких травм военнослужащих, или бюрократизм при проведении дознания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 3(236). С. 99—108.

6. Глухов Е.А. Право и неформальные регуляторы поведения в военной среде // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2(59). С. 32—37.

7. Гончаров В.В. Коллегиальность и единоначалие как принципы формирования и функционирования органов исполнительной власти в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 3. С. 54—59.

8. Горновский А.А., Корякин В.М. Аттестация граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 8. С. 2—8.

9. Корякин В.М. «Командный» принцип военно-кадровой политики нуждается в правовой регламентации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 8. С. 28—29.

10. Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация): учебник. М.: За права военнослужащих, 2008. 496 с.

11. Климкина Е.В. Правовое регулирование прав сотрудников органов внутренних дел в рамках процедуры аттестации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 98—101.

12. Оболонский А.В. Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания) // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 87—98.

13. Петров О.Ю. О профилактике коррупции при аттестации военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 12. С. 24—35.

14. Старостин А.М., Швец Л.Г., Тованцова Е.Н. Девиации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования

требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов».

³ Горновский А.А., Корякин В.М. Аттестация граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 8. С. 2—8.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта "в" пункта 2 статьи 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева».

² Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению

рования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1(92). С. 31—37.

15. Харитонов С.С. Обеспечение законности в деятельности аттестационных комиссий при увольнении военнослужащих по несоблюдению условий контракта // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 50—54.

Objectivity versus official dependence in the decision-making by military collegial bodies

© Glukhov E.A.,

PhD in Law, Associate Professor, North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article analyzes the possibility of the influence of commanders of military units and institutions on the activities of collegial bodies in the military formations headed by them. The author comes to the conclusion about the high degree of dependence of members of various commissions and councils on the heads of military formations, and as a result, they make the decisions necessary for this commander (chief). Thus, objectivity and collegiality in their decision-making are lost, and the danger of subjectivity increases when making fateful decisions for those being certified. Proposals are being made to include persons who are not on the staff of this military organization in the composition of attestation commissions.

Keywords: military administration body, subjectivism, unity of command, attestation commission, conformism, collegial bodies, professional deformation, attraction of power, gaps in legal regulation

For citation: Glukhov E.A. Objectivity vs. Official Dependence in Military Collegial Bodies' Decisions // Military Law. 2025. No. 4. Pp. 75-84.

The article was submitted to the editorial office on June 28, 2025.

Проблемы правового регулирования деятельности судебной системы в особые периоды

© Калашников Валерий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент;
начальник кафедры военного права
военного учебного центра при ФГБОУ ВО
«РГУП им. В.М. Лебедева»

© Мирошникова Дарья Александровна,
студентка 3 курса факультета подготовки
специалистов для судебной системы
Центрального филиала ФГБОУВО «РГУП
им. В.М. Лебедева»

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, связанных с функционированием судебной системы в условиях особых периодов. В тексте подчёркивается необходимость предоставления полномочий Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации в области мобилизационной подготовки, а также рассматриваются вопросы привлечения военных судов к обороне, возложения на суды мобилизационного задания и в целом необходимости оперативного включения судебной системы в мобилизационные процессы.

Ключевые слова: судебная система, особые периоды, военные суды, мобилизация, военное время.

Для цитирования: Калашников В.В., Мирошникова Д.А. Проблемы правового регулирования деятельности судебной системы в особые периоды // Военное право. 2025. № 4. С. 85—91.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

Анализ многочисленных научных публикаций последнего времени по проблематике, связанной с правовым регулированием функционирования судебной системы, показывает, что наибольший интерес ученых в этом направлении вызывает вопрос осуществления правосудия и деятельности военных судов в исключительных (необычных) условиях, а именно в период мобилизации и в военное время, как предусмотрено в ч. 4 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». Однако, по мнению авторов публикаций, вопросы, связанные с несовершенством

правового регулирования деятельности военных судов в указанные периоды, возникают не только ввиду отсутствия соответствующего федерального конституционного закона, но и в целом из-за отсутствия правового регулирования деятельности судебной системы в целом¹.

В настоящее время нет публикаций, которые содержали бы конкретные предложения, дополняющие законодательство о мобилизационной подготовке судов, а большинство авторов связывают данную проблематику в основном с изучением истории деятельности военных судов.

¹ Свинцов Д.В. Правовые особенности организации гарнизонного военного суда при объявлении мобилизации, введении военного и чрезвычайного положения и в военное время // Модели правосудия XXI века: теоретические и практические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Смоленск, 14 октября 2022 г. / Российский государственный уни-

верситет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 124—128; Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов : сборник научных статей. М.: РГУП, 2024; Туганов Ю.Н. Правовые основы деятельности военных судов в период военного времени и в условиях боевой обстановки // Военно-юридический журнал. 2022. № 8. С. 16—18.

Многие полагают, что большой научный и практический интерес представляют вопросы о месте и роли судов в системе мобилизационных органов России. При этом, прежде чем приступить к разработке проекта федерального конституционного закона «О деятельности военных судов в период мобилизации и военное время», необходимо, во-первых, наделить полномочиями в области мобилизационной подготовки Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации; во-вторых, привлечь военные суды к обороне, как было сделано с военной прокуратурой и военным следствием; в-третьих, расширить полномочия Президента Российской Федерации, связанные с утверждением мобилизационного задания для военных судов; в-четвертых, определить, в какой форме будут действовать военные суды непосредственно в войсках (присутствия или формирования, специального формирования исходя из особого правового статуса), предусмотрев при этом возможность их включения в составную часть мобилизации — схему мобилизационного развертывания в качестве субъекта, решающего задачи в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации иных войск, воинских формирований и органов. Этим вопросам посвящена данная публикация.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» организация обороны включает мобилизационную подготовку органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций независимо от форм собственности, транспорта, коммуникаций и населения страны.

В настоящее время законодательство, регулирующее вопросы мобилизационной подготовки и мобилизации, содержит детальные предписания, касающиеся деятельности органов государственной власти, за исключением судебной.

Реализация мобилизационных задач представляется осуществимой исключительно при условии консолидированных усилий всех государственных структур, включая суды. В свою очередь, результативная подготовка к мобилизации становится возможной лишь при наличии соответствующего финансирования, штатных подразделений и обеспеченности квалифицированными кадрами.

Потребность в особом правовом регулировании функционирования судов в условиях особых периодов обусловлена рядом причин: расширением сферы и повышением значимости деятельности Вооруженных Сил и военной государственной организации в целом, установлением более строгой ответственности за невыполнение приказов и распоряжений властей, введением комплекса ограничений прав граждан и установлением дополнительных обязанностей различного характера, обострением конфликтов и острой потребностью в поддержании правопорядка и воинской дисциплины в войсках, отсутствием в некоторых районах судов.

В соответствии с положениями ст. 32 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» организационное обеспечение деятельности военных судов осуществляется Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Порядок финансирования и обеспечения деятельности военных судов в военное время и при введении чрезвычайного положения определяется соответствующими федеральными конституционными законами.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» организационное обеспечение деятельности судов возложено на Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. При этом в п. 2 указанной статьи под организационным обеспечением деятельности федеральных судов понима-

ются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия.

По мнению авторов из управления Судебного департамента, в субъекте Российской Федерации должны рассматривать вопросы мобилизационной подготовки в качестве приоритетных при реализации возложенных на них функций. Необходимо заблаговременно разрабатывать документы перевода судов на работу в военное время, для чего необходимо дополнить ст. 6 (Полномочия Судебного департамента) Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» пунктом следующего содержания: «организует мероприятия по гражданской обороне и мобилизационной подготовке».

Однако, прежде чем внести данные дополнения, необходимо учесть, что Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации является федеральным государственным органом, а согласно ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» под мобилизационной подготовкой в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий, проводимых в мирное время, по заблаговременной подготовке экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, подготовке органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, подготовке Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и создаваемых на военное время в соответствии с Федеральным законом «Об обороне» специальных формирований к обеспечению защиты государства от вооруженного нападения и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время.

Очевидно, что для наделения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и иных федеральных государственных органов указанными полномочиями, обеспечения финансирования их деятельности необходимо включить в комплекс мероприятий по мобилизационной подготовке подготовку «иных государственных органов».

К числу федеральных государственных органов также относятся Центральный банк Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации, Центральная избирательная комиссия и другие. Для всех этих органов является актуальным вопрос наличия полномочий в области мобилизационной подготовки.

Учитывая, что Правительство Российской Федерации, руководствуясь законами «Об обороне», «О военном положении», Бюджетным кодексом Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами, определяет порядок финансирования мероприятий по мобилизации, ему также необходимо уделить внимание разработке стратегии финансирования мобилизации военных судов.

В мирное время суды и управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации должны быть привлечены к учениям и тренировкам, направленным на мобилизационное развертывание. Кроме того, Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации по примеру Главной военной прокуратуры и Главного военного следственного управления необходимо выработать и издать порядок взаимодействия с Вооруженными Силами Российской Федерации в период мобилизации и военного времени.

Как указано в ч. 5 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном

Суде Российской Федерации», Верховный Суд Российской Федерации наделен правом законодательной инициативы и разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам своего ведения.

Поддержание правопорядка является главным условием достижения победы. Военные суды должны находиться по месту дислокации воинских частей как в мирное, так и военное время. Как писал генерал А.И. Деникин: «Военный суд — один из устоев порядка в армии»¹.

Ст. 25 Федерального закона «Об обороне» определяет систему обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. В ней четко определены основные юрисдикционные институты: прокуратура, следственные органы, военная полиция и суды; при этом каждый институт выполняет свою уникальную роль, дополняет работу других органов, что позволяет создать эффективную систему контроля и обеспечения законности в том числе, в условиях особых правовых режимов, однако только в военных судах в настоящее время не предусмотрено прохождение военной службы.

Привлечение военных судов для выполнения задач в области обороны в период мобилизации или военного времени в такой же мере, в какой они выполняются военной прокуратурой и военными следственными органами в этих условиях, возможно только при организации в военных судах прохождения военной службы. Кроме того, необходимо выработать порядок призыва граждан на военную службу по мобилизации для комплектования военных судов.

Вышеуказанные пробелы в правовом регулировании не позволяют судам заблаговременно организовать мобилизационную работу и при необходимости своевременно провести соответствующие мобилизационные мероприятия,

направленные на осуществление судебной власти в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях. Указанные обстоятельства могут повлечь снижение уровня воинской дисциплины в войсках, и, как следствие, их готовность к вооруженной защите.

В 2009 г. Федеральным конституционным законом от 29 июня 1999 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» был упразднен институт прикомандирования военнослужащих судей и, как следствие, прохождение ими военной службы на судебных должностях или в аппаратах судов, однако законодатель все же предусмотрел в части 3 статьи 27 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» преимущественное право назначения на должность судьи военного суда военнослужащих, имеющих воинское звание офицера, а также граждан, имеющих воинские звания офицеров, пребывающих в запасе или находящихся в отставке, что свидетельствует о потребности в наличии знаний в области военной службы для судей военных судов.

По мнению некоторых авторов, одной из причин отсутствия в настоящее время федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации в период мобилизации и в военное время» являются разногласия в вопросе прохождения военной службы судьями военных судов, а именно в соотношении главных принципов построения систем единоначалия и независимости, единства статуса. Этот спор характерен для всех судебных систем в мире. Международный опыт показывает, что существуют страны с постоянно действующими военными судами как в мирное время, так и во время войны, страны, в которых вместо военных судов при гражданских судах существуют структуры,

¹ Деникин, А. И. Очерки Русской Смуты Т. 1. Брюссель, 1921. С. 285.

рассматривающие дела в отношении военнослужащих, а также страны, где военные суды создаются на период военного времени. Как писал французский политический и государственный деятель Жорж Клемансо: «Военное правосудие имеет такое же отношение к правосудию, как военная музыка к музыке». Однако все это в теории, на практике есть плачевный пример упразднения военных судов Украины, где с началом боевых действий многие судьи прекратили свои полномочия и уехали за границу¹.

По мнению В.В. Титова, принятие отдельного федерального конституционного закона об особенностях организации и деятельности военных судов в период мобилизации маловероятно, поскольку это приведет к излишнему правовому регулированию и дублированию одних и тех же правовых норм, по существу, регулирующих сходные правоотношения².

Очевидно, что в особые периоды осуществление правосудия по месту дислокации воинских частей, осуществляющих боевые действия, с учетом современного статуса судей и работников аппарата суда невозможно и противоречит законодательству о государственной гражданской службе и трудовому законодательству. Таким образом, необходимо дополнить ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» положением, согласно которому граждане исполняют военную службу в том числе в военных судах, и предусмотреть для судей и работников аппарата суда дополнительные социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены для лиц, проходящих военную службу, что позволит своевременно формировать военные суды, укомплектовать их личным составом, осуществлять их перемещение вместе с воинскими частями,

непосредственно участвующими в боевых действиях.

Согласно подп. 10 ст. 6 Федерального закона «Об обороне» к полномочиям Правительства Российской Федерации в области обороны относится определение мобилизационных заданий федеральным органам исполнительной власти.

Учитывая, что суды самостоятельны, в перспективе необходимо законодательно закрепить, каким образом будет установлено мобилизационное задание судам. По мнению ряда авторов, эти полномочия необходимо предоставить Президенту Российской Федерации, для чего необходимо дополнить ст. 4 Федерального закона «О обороне» соответствующим положением.

Следующей проблемой является определение юрисдикции судов в период мобилизации и военное время. По мнению Н.А. Петухова, в период многочисленных войн, вооруженных и революционных конфликтов в законодательство о деятельности военных судов, как правило, вносились изменения, направленные на расширение подсудности дел военным судам³.

В настоящее время согласно п. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» окружные (флотские) военные суды и гарнизонные военные суды создаются по территориальному принципу, по месту дислокации воинских частей и учреждений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, что недопустимо для военного времени, когда постоянно меняется обстановка, формируются новые части, увеличивается численность войск, растет количество преступлений, появляются новые субъекты воинских правоотношений.

¹ Прицкер, Д. П. Жорж Клемансо: полит. биография. М.: Мысль, 1983. С. 316.

² Титов В.В. Правовые основы организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время // Право в Вооруженных Силах

— военно-правовое обозрение. 2020. № 8(277). С. 75—85.

³ Петухов Н.А. История военных судов России / под ред. и с предисл. В.М. Лебедева. М.: НОРМА, 2003. С. 60.

В своем исследовании Ю. Стецовский приводит следующие данные: «На начало войны в СССР было 298 военных трибуналов (766 судей), к 1 марта 1942 г. уже 3735 судей. В последующем до конца 1941 г. было сформировано 250 военных трибуналов дивизий, а в блокадном Ленинграде и Москве, объявленной на осадном положении, все районные и городские народные суды были переформированы в военные трибуналы. В связи с объявлением в г. Москве осадного положения Государственный Комитет Обороны постановлением от 20 октября 1941 г. переформировал все гражданские суды (как и органы прокуратуры) столицы в военные трибуналы и военные прокуратуры»¹.

В настоящее время не теряет актуальности вопрос правового регулирования комплектования военных судов.

Обеспечение проведения мероприятий по переводу судов на работу в условиях военного времени и отправление правосудия в значительной степени будет определяться численностью и уровнем подготовки военнообязанных граждан, пребывающих в запасе. Эти граждане могут быть призваны на военную службу в период мобилизации или в военное время для обеспечения функционирования системы правосудия.

В соответствии с нормами, установленными в ст. 51.2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», для мобилизационного развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов создаются запас Вооруженных Сил Российской Федерации, запас Службы внешней разведки Российской Федерации, запас Федеральной службы безопасности Российской Федерации, которые предназначены для укомплектования соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также специаль-

ных формирований в период мобилизации, приведения их в боевую готовность и в военное время. В связи с этим необходимо расширить полномочия военного учебного центра при ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» в части подготовки кадров для военных судов, что, учитывая требования ст. 20 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», возможно только при наличии военной службы в военных судах.

Введение дополнительной военно-учетной специальности не потребуется, так как, несмотря на то что похождение военной службы в военных судах было упразднено, в перечне военно-учетных специальностей осталась военно-учетная специальность «Судебная работа», которая в настоящее время ввиду отсутствия военной службы в судебной системе фактически предназначена для комплектования должностей юридического профиля в Вооруженных Силах Российской Федерации.

К сожалению, в рамках одной публикации невозможно рассмотреть все проблемы деятельности судебной системы в особые периоды. Исследование деятельности судебной системы в особые периоды способствует развитию данного направления для последующей разработки соответствующих правовых механизмов.

В заключение необходимо отметить, что сложившаяся в настоящее время ситуация в правовом регулировании отчасти объяснима тем, что любое государство стремится к мирной жизни. Однако исторический опыт показывает, что необходимо подходить к вопросу правового регулирования деятельности судебной системы с позиции прагматизма. Судебная система, подобно Вооруженным Силам Российской Федерации, должна выполнять свои функции, учитывая существующие риски, уметь их прогнозировать и управлять ими.

¹ Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. 2-е

изд., перераб. и доп. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. С. 564.

Список источников

1. Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов : сборник научных статей. Москва: РГУП, 2024.

2. Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2017.

3. Петухов Н.А. История военных судов России / под ред. и с предисл. В.М. Лебедева. Москва: НОРМА, 2003.

4. Свинцов Д.В. Правовые особенности организации гарнизонного военного суда при объявлении мобилизации, введении военного и чрезвычайного положения и в военное время //

Модели правосудия XXI века: теоретические и практические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Смоленск, 14 октября 2022 г. / Российский государственный университет правосудия. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 124—128.

5. Титов В.В. Правовые основы организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 8(277). С. 75—85.

6. Туганов Ю.Н. Правовые основы деятельности военных судов в период военного времени и в условиях боевой обстановки // Военно-юридический журнал. 2022. № 8. С. 16—18.

Problems of legal regulation of the judicial system in special periods

© Kalashnikov V.V.,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Military Law at the Military Training Center at the Lebedev Russian State Unitary Enterprise

© Miroshnikova D.A.,

3rd year student, Faculty of Training Specialists for the Judicial system of the central branch of the Lebedev Russian State Unitary Enterprise

Annotation. The article is devoted to the study of problems related to the functioning of the judicial system under special legal regimes. The text emphasizes the need to empower the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation in the field of mobilization, and also addresses the issues of involving military courts in defense, assigning mobilization tasks, and the need to promptly involve the judicial system in mobilization processes.

Key words: judicial system, special periods, military courts, mobilization, wartime, state of emergency.

For citation: Kalashnikov V.V., Miroshnikova D.A. Problems of Legal Regulation of the Judicial System's Activities during Special Periods // Military Law. 2025. No. 4. Pp. 85-91.

The article was submitted to the editorial office on June 30, 2025.

Некоторые проблемные вопросы правового положения добровольческих формирований и статуса граждан, пребывающих в них

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор 25 кафедры ФГКВООУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В 2022 г. в нашей стране путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «Об обороне» и иные законодательные акты узаконен такой субъект деятельности по обеспечению обороны страны, как добровольческие формирования, а также определена новая форма участия граждан в защите Отечества — пребывание в добровольческих формированиях. К настоящему времени наработана соответствующая подзаконная нормативная правовая база деятельности такого рода формирований, складывается практика выстраивания их взаимоотношений с военной организацией государства, появилась судебная практика, связанная с реализацией статуса граждан, пребывающих в добровольческих формированиях.

В статье проводится анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы деятельности добровольческих формирований и статуса граждан, пребывающих в них, складывающейся правоприменительной, в том числе судебной практики в данной сфере, показаны некоторые пробелы и противоречия данного законодательства, предложены пути разрешения имеющихся проблемных вопросов.

Ключевые слова: добровольческие формирования; граждане, пребывающие в добровольческих формированиях; специальная военная операция; ветеран боевых действий; юридическая ответственность добровольцев.

Для цитирования: Корякин В.М. Некоторые проблемные вопросы правового положения добровольческих формирований и статуса граждан, пребывающих в них // Военное право. 2025. № 4. С. 92—101.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2025 г.

Специальная военная операция по денацификации и демилитаризации Украины, осуществляемая Российской Федерацией с 24 февраля 2022 г., существенно повлияла на многие вопросы военного строительства в нашей стране, потребовала изменения подходов к планированию и ведению военных действий, комплектованию войск личным составом, выявила необходимость создания новых структур, привлекаемых к обеспечению обороны страны и военной безопасности государства. Одним из таких новых явлений в оборонной сфере стала легитимация деятельности добровольческих формирований, создаваемых по решению Президента Российской Федерации Министерством обороны Российской Федерации и Росгвардией. Указанные формирования,

исходя из норм Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «О обороне» (с изменениями, внесенными федеральными законами от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ и от 25 декабря 2023 г. № 639), имеют двоякую цель и предназначение:

а) выполнение отдельных задач в области обороны путем оказания содействия Вооруженным Силам Российской Федерации (войскам национальной гвардии) в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил и войск национальной гвардии за пределами территории Российской Федерации;

в) предоставление гражданам Российской Федерации, не имеющим по каким-либо причинам объективного или субъективного характера возможности поступить на военную службу, права исполнить конституционную обязанность по защите Отечества путем заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании.

При этом важно заметить, что принятие закона о добровольческих формированиях не явилось каким-то волюнтаристским шагом законодательной власти, а выступает следствием естественного хода событий, связанных с вовлечением в вооруженное противостояние с Украиной негосударственных военизированных структур. Искусство законодателя состоит не только или не столько в том, чтобы что-то запрещать и создавать барьеры естественному ходу развития общества, а в том, чтобы своевременно улавливать тенденции общественного развития, фиксировать в праве фактически сложившиеся общественные отношения, направлять их эволюцию в нужном государству русле, в рамках т.н. «правового поля». Не что подобное произошло применительно к добровольческим формированиям в рамках кризиса вокруг Украины. Практически сразу после государственного переворота на Украине в 2014 г. по всему Донбассу стали во многом стихийно создаваться отряды самообороны и ополчения, которые впоследствии были узаконены соответствующими решениями органов государственной власти самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

С началом СВО в вооружённое противоборство с Украиной стали активно вовлекаться российские частные военизированные и охранные предприятия и организации (т.н. частные военные компании (ЧВК)), функционирующие в рамках Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Поскольку указанный законодательный акт не предусматривает возможность участия таких организаций в решении задач обороны страны, был принят

Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ, согласно которому Федеральный закон «Об обороне» дополнен нормами о возможности участия в решении отдельных задач в области обороны добровольческих формирований. Тем самым были легитимированы фактические общественные отношения, связанные с созданием и функционированием добровольческих формирований для оказания содействия Вооруженным Силам в особые периоды.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует официальное определение понятий «добровольческое формирование» и «гражданин, пребывающий в добровольческом формировании». Восполняя этот пробел в теории военного права, предложим следующие варианты определений названных понятий:

1) *добровольческое формирование* — это организационная единица в системе обороны страны, создаваемая по решению Президента Российской Федерации Министерством обороны Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения отдельных задач в области обороны и оказания содействия Вооруженным Силам Российской Федерации (войскам национальной гвардии Российской Федерации) в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил (войск национальной гвардии) за пределами территории Российской Федерации. Должности в добровольческом формировании комплектуются личным составом путем добровольного заключения гражданами Российской Федерации контракта о пребывании в добровольческом формировании;

2) *гражданин, пребывающий в добровольческом формировании (доброволец)*, — гражданин Российской Федерации, заключивший контракт о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Рос-

сийской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации). Гражданин приобретает статус добровольца со дня подписания указанного контракта уполномоченным должностным лицом и утрачивает его со дня исключения из добровольческого формирования.

Следует отметить, что организованное, массовое участие граждан на добровольных началах в защите Отечества не является чем-то принципиально новым для нашей страны, а имеет давние исторические традиции, начиная с народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского (1612 г.), партизанского движения в период Отечественной войны 1812 г., участия ополченцев и партизан в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и до формирования отрядов самообороны в Республике Дагестан

1999 г. для отражения нашествия бандитских формирований под водительством международного террориста Хаттаба. Данная тема нашла широкое освещение в литературе¹.

Учитывая совершенно новые условия, в которых сегодня осуществляется деятельность добровольческих формирований, можно наблюдать всплеск интереса к данной проблеме в научном юридическом сообществе. За три года, прошедшие со времени появления законодательного регулирования деятельности добровольческих формирований, в научных публикациях нашли отражение такие вопросы, как правовое положение указанных формирований и их применение по назначению², правовой статус лиц, пребывающих в добровольческих формированиях, и их социальная поддержка³, юридическая ответственность добровольцев⁴ и др.

¹ См., например: Брыксин И.Г. Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2015. № 12. С. 241—249; Медведев Т.Д. Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне: историография вопроса // Российская история. 2022. № 3. С. 146—153; Протасов Ю.С. Оперативно-служебная деятельность добровольческих формирований НКВД в годы Великой Отечественной войны (на материалах центрально-черноземного региона) // Отечественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-3. С. 287—291; Панкратов В.Н., Сынков Н.В., Гришаев С.С. Правовое обеспечение реализации гражданами добровольчества как формы выражения гражданами солидарности с действиями государства по защите национальных интересов: история и современность // Военное право. 2023. № 1. С. 54—63; Прохоров М.Ф. Добровольческие народные формирования Москвы и Подмоскovie в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 1. С. 128—132.

² Гуков А.А., Дмитриева А.В. К вопросу подготовки добровольческих формирований территориальной обороны России // Стратегическая стабильность. 2023. № 6. С. 25—31; Зубарев Н.В., Шеншин В.М. О некоторых вопросах применения добровольческих формирований войск национальной гвардии Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6. С. 14—19; Корякин В.М., Сынков Н.В. О месте добровольческих формирований в системе обеспечения обороны страны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10. С. 18—26; Назарова И.С., Шеншин В.М. К вопросу о статусе добровольческих формирований,

содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 64—66; Попова Н.Ф. Правовая основа деятельности добровольческих формирований в Российской Федерации // Современное право. 2024. № 2. С. 44—48; Шеншин В.М. Добровольческие формирования войск национальной гвардии Российской Федерации как элемент обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 46—49.

³ Воробьев А.А. Актуальные вопросы правового статуса граждан Российской Федерации, поступивших в добровольческие формирования в условиях мобилизации и военного положения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 12. С. 46—49; Сибилева О.П. Сущность и особенности правового статуса граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 12. С. 49—54; Шеншин В.М., Прудникова Л.Б. Военно-политический контекст и смысловое значение понятия «доброволец» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 6. С. 19—24.

⁴ Ермолович Я.Н. Совершенствование норм об уголовной ответственности лиц, пребывающих в добровольческих формированиях (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 года № 507-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. №

Несмотря на достаточно глубокую проработанность рассматриваемой проблематики, правоприменительная практика, связанная с участием добровольческих формирований в СВО, и активная нормотворческая деятельность в данной сфере требуют проведения дополнительных исследований данных вопросов.

Одна из серьезных проблем в рассматриваемой сфере связана с бурным ростом числа различного рода организаций, основанных на принципах добровольчества, провозглашающих целью своей деятельности участие в СВО, поддержку участников боевых действий и их семей. Учредителями таких организаций выступают как частные лица, так и федеральные и региональные органы государственной власти, а также органы местного самоуправления. Число таких организаций довольно велико, но сведения о их деятельности хаотичны и весьма противоречивы. В открытом доступе можно найти лишь некоторые фрагментарные данные о такого рода организациях, какой-либо систематизированной информации по данному вопросу не имеется.

Отмечая имеющую место множественность добровольческих организаций, причастных к проведению СВО, известный военачальник А.А. Алаудинов в своей статье приводит сведения о том, что в 2023 г. добровольческие подразделения в зоне СВО, включая казачьи батальоны и бригады, объединились под единым командованием в Добровольческий штурмовой корпус «Экспедиционный». В корпус вошли различные батальоны и бригады, среди которых: бригада «Волки»; казачьи отряды «Днепр», «Дон», «Терек»; батальоны БАРС («Боевой Армейский Резерв Специальный»), «Александр Невский», «Ветераны», «Георгий Победоносец»,

«Север Z» и другие. Подразделения корпуса выполняли и продолжают выполнять задачи на Кинбурнской косе (Херсонская область), в Запорожской области, на артемовском направлении (ДНР) и в ЛНР. В целом осуществляется активная работа по формированию территориальных батальонов из добровольцев. По информации из открытых источников, на начало 2024 г. было сформировано порядка 40 подразделений минимум в 20 субъектах федерации. Среди добровольческих отрядов, созданных субъектами Российской Федерации, названный автор выделяет: «Кронштадт», «Нева» и «Павловск» (г. Санкт-Петербург); «Боотур» (Якутия); «Тигр» (Приморье); «Алга» и «Тимер» (г. Казань); «Атал» (Чувашия); «Парма» и «Молот» (Пермский край); «Амурский» (Амурская область); «Невский» и «Ладожский» (Ленинградская область); «Ангара» (Иркутская область), «Южноуралец» и «Южный Урал» (Челябинская область); «Тоян» (Томская область)¹.

Понятно, что это далеко не полный перечень таких организаций. Это многообразие вносит определенную путаницу и затрудняет понимание того, какие из этих многочисленных организаций имеют статус, определенный Федеральным законом «Об обороне», а какие нет? А от этого зависит реализация права этих организаций и состоящих в их составе граждан на государственную поддержку.

Напомним, что добровольческое формирование в том смысле, как это следует из содержания Федерального закона «Об обороне», должно соответствовать следующим признакам:

— наличие решения Президента Российской Федерации о его создании (это

2. С. 86—95; Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Добровольцы как специальный субъект преступлений против военной службы // Военно-юридический журнал. 2024. № 3. С. 6—10; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1. С. 49—54; Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих

в специальной военной операции на добровольной основе // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2023. № 2. С. 51—54.

¹ Алаудинов А.А. Роль частных военных компаний и добровольческих формирований в военном конфликте на Украине как части гибридной войны коллективного запада против России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 115—134.

могут быть указ, распоряжение, поручение, резолюция на документе в форме «согласен», «разрешаю» и т.п.);

— наличие некоего распорядительного акта Минобороны России или Росгвардии о его создании;

— наличие договора с Минобороны России (Росгвардией) о постановке добровольческого формирования на все виды обеспечения;

— заключение каждым членом добровольческой организации персонального контракта о пребывании в добровольческом формировании, подписанного самим добровольцем и уполномоченным представителем Минобороны России¹ или Росгвардии².

Отсутствие такого рода подтверждающих документов следует рассматривать как основание для отказа добровольческим формированиям в предоставлении мер государственной поддержки, в обеспечении их вооружением, военной техникой и иными материальными средствами.

Гражданин, не имеющий заключенного по установленной типовой форме контракта с Минобороны России или Росгвардией, не вправе рассчитывать на получение социальных гарантий и мер социальной поддержки, установленных федеральным законодательством. Это прямо следует из содержания Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», в п. 5.1 ст. 2 которого сказано, что социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены данным Федеральным законом и иными законодательными актами для военнослужащих и членов их семей, предоставляются

гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом «Об обороне», и членам их семей в случаях и порядке, которые предусмотрены законом о статусе военнослужащих. Т.е. граждане, состоящие в добровольческих формированиях, не предусмотренных Федеральным законом «Об обороне» (например, созданных субъектами Российской Федерации), права на такие социальные гарантии не имеют.

От статуса добровольческого формирования, в которой состоит гражданин, зависит также и возможность его привлечения к юридической ответственности. Так, согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (с учетом изменений, внесенных в него Федеральным законом от 24 ноября 2024 г. № 410-ФЗ) к материальной ответственности за ущерб, причиненный при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании имуществу, которым добровольческое формирование обеспечивается воинской частью-формирователем, привлекаются граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом «Об обороне». Аналогичная норма содержится в ч. 4 ст. 331 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ), согласно которой за отдельные преступления против установленного порядка прохождения военной службы к уголовной ответственности могут быть привлечены

¹ Согласно приказу Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67 контракт о пребывании в добровольческих формированиях заключается между гражданином Российской Федерации и Министерством обороны Российской Федерации в лице военного комиссара муниципального образования (муниципальных образований) (при заключении первого контракта) или командира воинской части, выполняющей мероприятия по формированию добровольческих формирований (воинская часть-формирователь).

² Согласно приказу Росгвардии от 26 февраля 2025 г. № 59 контракт о пребывании граждан Российской Федерации в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, заключается между гражданином и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации в лице начальника территориального органа Росгвардии или командира воинской части войск национальной гвардии, выполняющей мероприятия по формированию добровольческого формирования (воинская часть-формирователь).

граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом «Об обороне».

Соответственно, доброволец, хотя и состоящий в составе добровольческой организации, но которая не соответствует признакам, указанным в ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» (т.е. если она создана не федеральными государственными органами, а региональными властями), не является субъектом уголовной и материальной ответственности, установленной законодательством для граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, образованных Минобороны России или Росгвардией.

Несколько по-иному сформулированы нормы, касающиеся социальной поддержки добровольцев, в законодательстве о ветеранах. Так, согласно подп. 2.2 и 2.4 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» к ветеранам боевых действий в числе иных лиц относятся:

— лица, поступившие в созданные по решению органов государственной власти Российской Федерации добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), в ходе специальной военной операции, отражения вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, а также в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции;

— лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г.

Такая конструкция норм о праве добровольцев на присвоение звания ветерана боевых действий позволяет присваивать данное звание гражданам, состоящим (состоявшим) в таких формированиях, созданных не только Минобороны России и Росгвардии, но и образованных иными государственными органами (например, органами государственной власти субъектов Федерации). При этом какого-либо единого реестра добровольческих организаций, единой информационной базы по данному вопросу, насколько нам известно, не имеется.

Такая неопределенность создает трудности как для правоприменителей, так и для самих граждан, порождает завышенные ожидания добровольцев, состоящих в этих формированиях. Данный вывод подтверждается судебной практикой.

Как следует из апелляционного определения Южного окружного военного суда от 20 декабря 2024 г. № 33а-1429/2024, С. обратился в суд с административным иском заявлением, в котором просил признать за ним статус участника добровольческого формирования и право на реализацию мер правовой и социальной защиты, предусмотренных законодательством Российской Федерации для участников СВО, в том числе на получение страховых выплат в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 582, а также его право на получение удостоверения ветерана боевых действий.

Согласно материалам дела, С., будучи осужденным приговором Первомайского районного суда г. Краснодара к лишению свободы, добровольно дал согласие на участие в СВО в составе итурмовой роты «Z», и был помилован Указом Президента Российской Федерации 25 августа 2023 г.

Как следует из выписок из приказов командира войсковой части, С. в период времени с 30 августа 2023 г. до 29 февраля 2024 г. выполнял задачи в зоне проведения СВО в составе итурмовой роты «Z».

14 июня 2024 г. С. обратился к военному комиссару с заявлением, в котором

просил выдать ему удостоверение ветерана боевых действий в связи с его участием в СВО.

Решением военного комиссара С. отказано в оформлении удостоверения ветерана боевых действий, поскольку он не относится к категории лиц, перечисленных в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О ветеранах».

Административный истец просил суд признать незаконным решение военного комиссара об отказе в оформлении и выдаче ему удостоверения ветерана боевых действий и возложить на военного комиссара обязанность повторно рассмотреть вопрос об оформлении и выдаче ему указанного удостоверения.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований С. отказано.

Суд апелляционной инстанции указал, что ссылка в жалобе на то, что по своему правовому статусу и характеру выполненных задач С. приравнен к участнику добровольческого формирования, является ошибочной, поскольку это утверждение основано на ошибочном толковании ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» и приказа Министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 67.

С учетом изложенного, суд первой инстанции обоснованно отказал в удовлетворении требований административного истца о признании за ним статуса добровольца и прав на реализацию мер правовой и социальной защиты, предусмотренных законодательством Российской Федерации для участников СВО, в том числе на получение страховых выплат в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 582, на получение удостоверения ветерана боевых действий, а также о признании незаконным решения

военного комиссара об отказе в оформлении и выдаче ему удостоверения ветерана боевых действий.

Исходя из изложенного, в целях унификации подходов к созданию добровольческих формирований и обеспечения единообразия в их правовом положении представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разработке и утверждении актом Минобороны России (Росгвардии) типового положения о добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации) в особые периоды. Аналогичное типовое положение следует разработать и в отношении добровольческих организаций, создаваемых субъектами Российской Федерации.

Анализ текущих изменений законодательства о добровольческих формированиях свидетельствует о том, что его развитие имеет явную тенденцию к ужесточению юридической ответственности граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, находящихся в ведении Минобороны России и Росгвардии. Так, Федеральным законом от 24 ноября 2024 г. № 410-ФЗ на данных граждан распространены нормы законодательства о материальной ответственности за ущерб, причиненный военному имуществу, на тех же основаниях, что установлены для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Спустя месяц был принят Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ, в соответствии с которым члены добровольческих формирований, не являясь военнослужащими, могут привлекаться к уголовной ответственности за некоторые преступления против военной службы¹.

¹ К числу таких преступлений отнесены: неисполнение приказа (ст. 332); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334); самовольное оставление части или места службы (ст. 337); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными спо-

собами (ст. 339); нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340); уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347); утрата военного имущества (ст. 348); нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349); добровольная сдача в плен (ст. 352.1).

При этом на фоне столь радикального повышения требований к исполнению гражданами условий контракта о пребывании в добровольческом формировании в рассматриваемый период не принято ни одного сколько-нибудь значимого решения о повышении уровня социальной защищенности добровольцев. Такой явный дисбаланс в объеме прав и ответственности указанных лиц неизбежно приведет к снижению мотивации поступления граждан в добровольческие формирования Минобороны России и Росгвардии.

В связи с этим в целях преодоления наметившегося дисбаланса предлагается рассмотреть вопрос о расширении объемов мер социальной поддержки указанных граждан. Так, полагаем вполне назревшим вопрос о распространении на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом «Об обороне», права на получение единовременных выплат, установленных для участников СВО указами Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98, от 31 декабря 2022 г. № 996, от 14 ноября 2024 г. № 968 и от 9 декабря 2024 г. № 1053 (до 3 млн. руб. — в случае получения ранения, 5 млн. руб. — в случае гибели в равных долях членам его семьи).

Среди граждан, заключивших контракт о пребывании в добровольческих формированиях в целях участия в СВО, имеется немало бывших военнослужащих и лиц, проходивших правоохранительную службу, получающих пенсию за выслугу лет в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу...». Есть и граждане, которые такую пенсию не получают, но у которых имеется выслуга более 15 лет и которым не хватает нескольких лет до достижения 20-летней выслуги, которая дает право на получение данной пенсии. Однако по действующему правовому регулированию время пребывания в добровольческих формированиях в выслугу

лет для назначения пенсии по названному закону не засчитывается. В связи с этим заслуживает всяческой поддержки уже высказываемое в публикациях предложение в внесении изменений в военно-пенсионное законодательство, предусматривающее зачет времени пребывания граждан в добровольческих формированиях в выслугу лет, учитываемую при назначении и перерасчете пенсии за выслугу лет, предусмотренную Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1¹.

Законодательство о добровольческих формированиях, участвующих в СВО, требует также уточнения в части используемой терминологии. Так, как указывалось выше, в декабре 2024 г. принят Федеральный закон, согласно которому граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, могут привлекаться к уголовной ответственности по некоторым статьям УК РФ, объединенных общим названием «преступления против военной службы». В результате сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда за преступления со специальным субъектом — военнослужащими, уголовную ответственность могут нести граждане, не состоящие на военной службе и не обладающие статусом военнослужащих. В связи с этим имеется потребность в том, чтобы здесь поработали военные ученые-правоведы, специалисты в области военно-уголовного права, чтобы разрешить этот явный терминологический казус.

Таким образом, проведенное в рамках настоящей публикации исследование некоторых аспектов правового положения добровольческих формирований и правового статуса граждан, пребывающих в них, свидетельствует, что добровольческие формирования играют все более заметную роль в достижении целей и решении задач СВО и вносят весьма значимый вклад в нашу победу над врагом. Согласно официальным данным в течение первого

¹ Кириченко Н.С., Богданов С.Л. О целесообразности учета периода пребывания в добровольческих

формированиях при назначении пенсии за выслугу лет // Военное право. 2024. № 5. С. 51—57.

полугодия 2025 г. в добровольческие формирования поступило свыше 18 тыс. человек¹.

Сложившаяся к настоящему времени нормативная правовая база деятельности указанных формирований в целом позволяет вполне успешно решать возложенные на них задачи, обеспечивать реализацию прав и социальных гарантий добровольцев. Вместе с тем данное законодательство требует дальнейшего совершенствования в целях устранения имеющихся в нем отдельных пробелов и противоречий, некоторые из которых раскрыты в настоящей статье.

Список источников

1. Алаудинов А.А. Роль частных военных компаний и добровольческих формирований в военном конфликте на Украине как части гибридной войны коллективного запада против России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 115—134.
2. Брыксин И.Г. Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2015. № 12. С. 241—249.
3. Воробьев А.А. Актуальные вопросы правового статуса граждан Российской Федерации, поступивших в добровольческие формирования в условиях мобилизации и военного положения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 12. С. 46—49.
4. Гуков А.А., Дмитриева А.В. К вопросу подготовки добровольческих формирований территориальной обороны России // Стратегическая стабильность. 2023. № 6. С. 25—31.
5. Ермолович Я.Н. Совершенствование норм об уголовной ответственности лиц, пребывающих в добровольческих формированиях (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 года № 507-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 2. С. 86—95.
6. Закомолдин Р.В., Данилов П.С. Добровольцы как специальный субъект преступлений против военной службы // Военно-юридический журнал. 2024. № 3. С. 6—10.
7. Зубарев Н.В., Шеншин В.М. О некоторых вопросах применения добровольческих формирований войск национальной гвардии Российской Федерации / Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6. С. 14—19.
8. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1. С. 49—54.
9. Кириченко Н.С., Богданов С.Л. О целесообразности учета периода пребывания в добровольческих формированиях при назначении пенсии за выслугу лет // Военное право. 2024. № 5. С. 51—57.
10. Корякин В.М., Сынков Н.В. О месте добровольческих формирований в системе обеспечения обороны страны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10. С. 18—26.
11. Медведев Т.Д. Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне: историография вопроса // Российская история. 2022. № 3. С. 146—153.
12. Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2. С. 51—54.
13. Назарова И.С., Шеншин В.М. К вопросу о статусе добровольческих формирований, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 64—66.
14. Панкратов В.Н., Сынков Н.В., Гришаев С.С. Правовое обеспечение реализации гражданами добровольчества как формы выражения гражданами солидарности с действиями государства по защите национальных интересов: история и современность // Военное право. 2023. № 1. С. 54—63.
15. Попова Н.Ф. Правовая основа деятельности добровольческих формирований в Российской Федерации // Современное право. 2024. № 2. С. 44—48.
16. Протасов Ю.С. Оперативно-служебная деятельность добровольческих формирований НКВД в годы Великой Отечественной войны (на материалах центрально-черноземного региона) // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-3. С. 287—291.
17. Прохоров М.Ф. Добровольческие народные формирования Москвы и Подмосковья в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 1. С. 128—132.
18. Сибилева О.П. Сущность и особенности правового статуса граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 12. С. 49—54.
19. Шеншин В.М. Добровольческие формирования войск национальной гвардии Российской Федерации как элемент обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 46—49.

¹ Красная звезда, 2025, 3 июля.

20. Шеншин В.М., Прудникова Л.Б. Военно-политический контекст и смысловое значение по-

нятия «доброволец» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 6. С. 19—24.

Some problematic issues of the legal status of volunteer formations and the status of citizens residing in them

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. In 2022, by making appropriate amendments to the Federal Law "On Defense" and other legislative acts, our country legalized such a subject of national defense activities as volunteer formations, and also defined a new form of citizen participation in the defense of the Fatherland — staying in volunteer formations. By now, the relevant subordinate regulatory legal framework for the activities of such formations has been developed, the practice of building their relationships with the military organization of the state is developing, and judicial practice has emerged related to the implementation of the status of citizens staying in volunteer formations.

The article analyzes the current legislation governing the activities of volunteer formations and the status of citizens residing in them, the emerging law enforcement, including judicial practice in this area, shows some gaps and contradictions in this legislation, and suggests ways to resolve existing problematic issues.

Keywords: volunteer formations; citizens staying in volunteer formations; special military operation; combat veteran; legal responsibility of volunteers.

For citation: Koryakin V.M. Some Problematic issues of the Legal Status of Volunteer formations and the Status of Citizens residing in them // Military Law. 2025. No. 4. pp. 92-101.

The article was received by the editorial office on June 27, 2025.

Правовой статус военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, совершивших преступления и прикомандированных к воинским частям (сборным пунктам): постановка проблемы и пути решения

© Минтягов С. А.,
юрист

Аннотация. В статье анализируется проблема правового статуса военнослужащих, прикомандированных к воинским частям (сборным пунктам), совершивших преступления, в отношении которых проводятся уголовно-процессуальные и иные проверочные мероприятия. Целью исследования является выявление пробелов и противоречий в действующем законодательстве, а также обоснование необходимости совершенствования нормативной правовой базы, определяющей новую специальную меру ограничения и регламентирующую порядок ее применения к военнослужащим, содержащимся на сборных пунктах. Представленные выводы и рекомендации имеют практическую значимость для совершенствования законодательства, в том числе регламентирующего деятельность органов военной юстиции.

Ключевые слова: военная полиция, полномочия, сборные пункты, прикомандированные, специальные меры ограничения.

Для цитирования: Минтягов С.А. Правовой статус военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, совершивших преступления и прикомандированных к воинским частям (сборным пунктам): постановка проблемы и пути решения // Военное право. 2025. № 4. С. 102—109.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2025 г.

Правовой статус военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, совершивших преступления и прикомандированных к воинским частям (сборным пунктам) в период проведения в отношении них уголовно-процессуальных действий и проверочных мероприятий, представляет собой сложную и недостаточно разработанную область правового регулирования. Существующие правовые пробелы и коллизии создают неопределенность в вопросах реализации прав и обязанностей, как самих военнослужащих, так и должностных лиц, ответственных за их содержание и обеспечение участия в следственных мероприятиях. В связи с этим, целью настоящей статьи является комплексный анализ действующего законодательства, выявление проблемных аспектов и разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования статуса указанной категории военнослужащих.

С началом специальной военной операции объективно увеличилось число преступлений, связанных с нарушением порядка пребывания на военной службе. Увеличение числа преступлений, таких как самовольное оставление места службы или дезертирство, обусловило необходимость создания сборных пунктов для временного содержания разысканных военнослужащих, в отношении которых проводятся следственные действия или иные проверочные мероприятия, что является важной мерой для обеспечения порядка и дисциплины в Вооружённых Силах.

Правовой основой функционирования сборных пунктов являются подзаконные правовые акты в виде указаний начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что военнослужащие, находящиеся на сборных пунктах, считаются проходящими военную службу. Однако следует отметить, что

данный способ прохождения военной службы не предусмотрен действующим законодательством Российской Федерации, включая федеральные законы, общевойсковые уставы, постановления Правительства Российской Федерации и приказы Министра обороны Российской Федерации.

Данное несоответствие создаёт правовую неопределённость и требует дальнейшей корректировки нормативной базы в части оснований для направления военнослужащего на сборный пункт, полномочий воинских должностных лиц, включая военную полицию, в отношении указанной категории военнослужащих, а также права и обязанности лиц, содержащихся на сборных пунктах.

В последние годы сложилась практика, при которой решение о прикомандировании военнослужащего к сборному пункту принимается начальником гарнизона, командиром воинской части или начальником территориального органа военной полиции в случаях, если в отношении военнослужащего, уклоняющегося от военной службы, ведётся проверка сообщения о преступлении, либо расследуется уголовное дело. Однако такие полномочия не закреплены ни в Уставе военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ), ни в Общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации.

В правоприменительной практике наблюдается ошибочная эквиваленция правомочий и обязанностей начальника гарнизона, регламентированных ст. 24 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации (УГиКС ВС РФ), в соответствии с которой начальник гарнизона осуществляет размещение воинских частей (подразделений, команд), прибывающих в гарнизон, на основании указаний командующего войсками военного округа.

По нашему мнению, следует разграничивать данные полномочия начальника гарнизона, поскольку они имеют различную правовую природу и регулируют разные аспекты деятельности гарнизона:

— во-первых, в рассматриваемой ситуации объектом правового воздействия является не воинская команда, а отдельный военнослужащий, подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления;

— во-вторых, нормативной основой для перемещения военнослужащего служит обращение следователя военного следственного органа или должностного лица военной прокуратуры о прикомандировании к сборному пункту;

— в-третьих, данное обращение, исходящее от следственных органов, может быть направлено непосредственно командиру воинской части, на базе которой развернут сборный пункт.

С целью устранения существующей правовой неопределенности представляется необходимым наделить начальника территориального органа военной полиции исключительными полномочиями по направлению (прикомандированию) военнослужащих, находящихся в пределах района ответственности данного органа, к воинской части или сборному пункту в ранее обозначенных случаях. Предлагается внести соответствующие изменения в ст. 46 УВП ВС РФ. Учитывая специализацию задач и функций, предлагается исключить дублирование указанных полномочий у командира воинской части и начальника гарнизона.

Следует также обратить внимание на то, что определения, содержащиеся в ст. 45, 46, 46.1, 47 и 47.1 УВП ВС РФ, такие, как «военный комендант гарнизона», не соответствуют современным требованиям структурной организации военной полиции. В данной структуре должность начальника территориального органа военной полиции именуется «военный комендант военной комендатуры». Учитывая это несоответствие, возникает необходимость внесения соответствующих изменений в УВП ВС РФ для приведения правовых норм в соответствие с актуальной структурой и функциями указанных органов.

Проблема содержания военнослужащих на сборных пунктах заключается не

только в отсутствии чёткого правового регулирования полномочий начальников органов военной полиции, командиров воинских частей или начальников гарнизонов по прикомандированию военнослужащих. В целом не определён правовой статус самих военнослужащих, включающий их права, обязанности и ответственность.

Существующие на сегодняшний день стандартные меры пресечения, применяемые в отношении военнослужащих (например, домашний арест, подписка о невыезде и надлежащем поведении или наблюдение командования воинской части), особенно с учётом склонности к уклонению от прохождения военной службы, могут оказаться неэффективными в связи с риском повторного совершения преступления (проступка).

Рассмотрим особенности содержания и правового статуса данной категории военнослужащих более подробно.

Стоит отметить, что военнослужащие, прикомандированные к сборным пунктам, содержатся на них по распорядку дня, установленному командиром воинской части, на базе которой создан сборный пункт, или приказа начальника гарнизона. При этом содержащимся там военнослужащим запрещается покидать воинскую часть без разрешения администрации сборного пункта. То есть данные военнослужащие находятся там круглосуточно, за исключением необходимости прохождения военно-врачебной комиссии или выполнения в отношении них следственных действий.

Правовая обоснованность данного ограничения свободы вызывает сомнения и требует дополнительного анализа.

В соответствии со ст. 166 УВС ВС РФ военнослужащие по контракту из числа солдат, матросов, сержантов и старшин в исключительных случаях могут временно размещаться в казармах отдельно от военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Однако в данном правовом акте не перечислены те самые исключительные случаи. Даже если представить, что ведение Вооружёнными Силами Российской Федерации боевых действий в

рамках специальной военной операции является тем самым исключительным случаем, то здесь речь идет только об определенной категории военнослужащих, не включающей офицеров, которые также могут быть прикомандированы к сборным пунктам на период проведения следственных действий и проверочных мероприятий.

Кроме этого, возможность введения режима так называемого «казарменного положения» для прикомандированных военнослужащих в данном контексте представляется спорной и требует дополнительного обоснования.

При детальном анализе правовой нормы, в частности, ст. 224 УВС РФ для военнослужащих по контракту, включая офицеров и прапорщиков, может быть введено круглосуточное дежурство. Данное дежурство вводится в исключительных случаях на ограниченное время командующим войсками военного округа, фронта, флотом, армией.

Отметим, что назвать содержание прикомандированных военнослужащих, в отношении которых идут проверочные мероприятия и следственные действия, дежурством, крайне сложно.

Проведение сравнительного анализа с близкой по характеру ограничительной мерой, а именно наблюдением командования части, позволяет выявить следующее: в ряде интерпретаций положений УПК РФ отмечается возможность установления для военнослужащих, в отношении которых применено наблюдение командования воинской части, дополнительных ограничений, не предусмотренных для иных мер пресечения. В частности, к таким специальным ограничениям относят: лишение права ношения оружия, введение постоянного надзора со стороны начальников или суточного наряда, запрет на увольнение за пределы воинской части и временное приостановление исполнения специальных служебных обязанностей.

Однако данные ограничения основаны на ранее действовавшей в Вооружённых Силах Российской Федерации

Инструкции органам дознания Вооруженных Сил и иных воинских формирований, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 августа 1994 г. № 275¹.

Обращаясь к зарубежному опыту, отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран, в частности постсоветского пространства (Армения, Азербайджан), закреплены конкретные специальные ограничения.

О.В. Баландюк, исследуя вопросы применения к военнослужащим данной меры пресечения, отмечает, что специальные ограничения целесообразно закрепить в общевоинских уставах и в обязательном порядке отражать в приказе командира воинской части².

В соответствии с ч. 1 ст. 104 УПК РФ наблюдение командования воинской части за подозреваемыми или обвиняемыми, являющимися военнослужащими или гражданами, проходящими военные сборы, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации. Но какие именно меры должен применять командир, общевоинскими уставами не определено.

В.Л. Халилова, исследуя меру пресечения в виде наблюдения командования воинской части, справедливо отмечает, что применение данной меры будет являться эффективным и возможным только в случае постоянного контроля командиром части местонахождения своего подчиненного, что возможно только в условиях постоянного пребывания его в месте дислокации части. Применение данной меры, в отношении подозреваемого или обвиняемого военнослужащего по кон-

тракту с правом выхода за пределы воинской части, является бессмысленным, поскольку командование лишено возможности реального, постоянного осуществления за ним наблюдения³.

Важно отметить, что содержание подозреваемого или обвиняемого военнослужащего на сборном пункте, в отличие от такой меры пресечения, как наблюдение командования воинской части, сопряжено с ограничением прав, предусмотренных ч. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации, то есть право на свободу. Находящийся на сборном пункте военнослужащий, по сути, лишен свободы и его содержание более близко к содержанию в колонии общего режима.

В преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 подчеркивается, что право на свободу является основополагающим правом человека, ограничение которого допустимо лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей и соразмерно преследуемым целям. Кроме этого, в данном судебном акте указывается на исключительный характер мер пресечения, ограничивающих свободу (заключение под стражу и домашний арест), которые могут быть применены только по решению суда и при невозможности применения более мягких мер⁴.

В ходе проведения специальной военной операции в 2022 г. возникла необходимость создания сборных пунктов для содержания военнослужащих, в отношении которых проводятся уголовно-процессуальные мероприятия. Как уже указывалось ранее, правовое положение

¹ Инструкция органам дознания Вооруженных Сил и иных воинских формирований Российской Федерации) // Вопросы расследования преступлений : Справочное пособие. М.: СПАРК, 1996. Утратила силу на основании приказа Минобороны России от 18 июня 2002 г. № 230.

² Баландюк О.В. Применение специальной меры пресечения в отношении военнослужащих // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2. С. 77.

³ Халилова В.Л. Спорные вопросы законодательного регулирования применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1. С. 233.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

сборных пунктов в настоящее время определяется указаниями начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Однако в истории Вооруженных Сил сборные пункты существовали и ранее. Так, в соответствии с указаниями Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 25 июля 1996 г. № 315/3/2230 были регламентированы сборные пункты для временного содержания военнослужащих, самовольно оставивших место службы. Данные сборные пункты создавались на базах воинских частей и определялись командующими войсками военных округов.

Отправка военнослужащих на сборные пункты осуществлялась на основании предписаний, выданных военными комиссариатами, гарнизонными комендатурами, органами военной прокуратуры или территориальными подразделениями органов внутренних дел. Командиры воинских частей, на базе которых функционировали сборные пункты, уведомляли (в срок, не превышающий 24 часов) командиров воинских частей по прежнему месту службы о факте задержания военнослужащих. Последние, в свою очередь, обязывались направить представителей для приема и сопровождения военнослужащих, содержащихся на указанных сборных пунктах обратно к местам прохождения военной службы.

Как следует из вышеназванных указаний Генерального штаба, данные военнослужащие считались задержанными, а также при наличии мотивированных причин могли не возвращаться в свои воинские части. К таким причинам относились:

- семейное положение (подтверждаемое актом семейного положения военного комиссариата по месту жительства);
- подтверждающиеся факты глумления и издевательств (при наличии медицинского освидетельствования военного госпиталя и заключения из приведенного расследования);
- состояние здоровья военнослужащего, не позволяющее проходить военную службу в данном виде Вооруженных

Сил (районе, местности) (при наличии заключения военно-врачебной комиссии).

Представляется затруднительным применение указанных норм в современных условиях. Анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что задержание военнослужащего, влекущее за собой приобретение статуса задержанного лица, регламентируется, в зависимости от оснований, различными нормами права. В частности, задержание возможно в рамках дисциплинарного производства (с ограничением срока до 48 часов), в порядке административного задержания (также до 48 часов), либо в соответствии с положениями УПК РФ (с установленным максимальным сроком задержания в 72 часа).

Кроме этого, в большинстве случаев военнослужащие, совершившие преступления в период прохождения службы в ином гарнизоне, не подлежат переводу к местам постоянной дислокации их воинских частей при условии, что если в отношении них осуществляется предварительное расследование, поскольку в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 152 УПК РФ территориальная подследственность определяется местом окончания совершения преступления.

Вместе с тем, заслуживают внимания отдельные положения указаний Генерального штаба в части, касающейся вопросов порядка содержания военнослужащих на сборных пунктах. Данные военнослужащие ставились на довольствие, и велся их учет по установленной форме в различных книгах (учета личного состава, алфавитного учета, штатно-должностного учета, временно отсутствующих и временно прибывших, учетно-послужные карточки).

Также в данных указаниях сказано, что в случаях, если за военнослужащими в месячный срок не прибыли представители его части либо на перевозку требуются значительные финансовые затраты при условии, что в отношении данных военнослужащих уголовные дела не возбуждались либо были прекращены, такие воен-

нослужащие направлялись на доукомплектование войск округа, в котором дислоцирован сборный пункт.

В настоящее время актуальным становится вопрос взыскания с военнослужащих, уклоняющихся от военной службы или совершивших иные преступления, затрат, связанных с их розыском и перемещением к местам прохождения службы.

Также в качестве уже исторического аспекта можно упомянуть о сборном пункте при военной комендатуре г. Москвы. Так, согласно Положению о военной комендатуре города Москвы, утвержденному первым заместителем Министра обороны Российской Федерации 24 апреля 2008 г., в структуре военной комендатуры имелся сборный пункт (военнослужащих), возглавляемый начальником.

В соответствии со ст. 24 Положения на сборный пункт принимались военнослужащие Сухопутных войск на основании направления начальника отдела дознания военной комендатуры или по письменному предписанию военного следственного управления при военной прокуратуре гарнизона. При этом увольнение в город разрешалось только военнослужащим, ожидающим решения органов военного управления по их дальнейшему прохождению службы.

Также стоит сказать, что на сборном пункте могут содержаться военнослужащие, которые не имеют статуса подозреваемого или обвиняемого, либо информация об этом отсутствует. Военнослужащий, совершивший преступление на территории одного гарнизона, может быть разыскан на территории другого, и не всегда своевременно поступает информация о возбужденном уголовном деле. В отношении указанных военнослужащих снова назначается проверка сообщения о преступлении, то есть статуса обвиняемого или подозреваемого у них не имеется.

Таким образом, с учетом выявленных пробелов в законодательстве в области содержания военнослужащих на сборных пунктах, по нашему мнению, назрела

необходимость в создании новой специальной меры, которая может ограничить свободу военнослужащего на период проведения разбирательства (в отношении военнослужащих, временно пребывающих в другом гарнизоне), доследственной проверки, расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде.

В этой связи необходимо:

1. Определить категорию военнослужащих, в отношении которых может быть применена специальная ограничительная мера (военнослужащие, в отношении которых проводится разбирательство в связи с уклонением от прохождения военной службы временно находящиеся на территории другого гарнизона или доследственная проверка, подозреваемых, обвиняемых и подсудимых).

2. Закрепить право начальника органа военной полиции прикомандировывать военнослужащего к сборному пункту по ходатайству лица, проводящего разбирательство, либо в производстве которого находятся доследственная проверка или уголовное дело.

3. Ввести специальную меру ограничения в виде содержания на сборном пункте прикомандированных военнослужащих, для чего потребуются внести изменения в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации (Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав).

4. Разработать ведомственный нормативный правовой акт в виде приказа Министра обороны Российской Федерации, определяющий условия и порядок содержания, права и обязанности должностных лиц сборных пунктов и содержащихся там военнослужащих.

Данная специальная мера позволит учитывать:

- 1) специфику статуса, поскольку военнослужащие обладают особым правовым статусом, который отличает их от гражданских лиц, что в свою очередь тре-

бует применения специальных мер пресечения, исходя из особенностей военной службы;

2) обеспечение безопасности, особенно в условиях нахождения в районе боевых действий;

3) сохранение боеспособности войск с учетом того, что прикомандированные военнослужащие в особых случаях могут быть привлечены к выполнению боевых задач или выполнению обязанностей с оружием, например, при отражении нападения на воинскую часть или сборный пункт;

4) обеспечение контроля прикомандированных военнослужащих, что в свою очередь повысит эффективность проведения проверочных мероприятий или следственных действий;

5) возможность применения не только к военнослужащим, в отношении которых возбуждены уголовные дела, но также и на период проверки сообщения о преступлении или проведения разбирательства, или иных проверочных мероприятий, либо незаконно находящихся за пределами районов расположения воинской части (подразделения);

6) обеспечение сбалансированности прав военнослужащего, интересов правосудия, безопасности и сохранения боеспособности войск.

Внедрение новой специальной меры ограничения позволит сохранить правовой статус военнослужащего, но в то же время ограничить его свободу передвижения и возможность влияния на ход следствия (проверки, разбирательства).

Кроме этого для внедрения новой специальной меры ограничения необходима тщательная проработка условий и порядка её применения учитывающие степень тяжести преступления (правонарушения), статус военнослужащего и риски повторного совершения преступления (проступка), порядка содержания.

Внедрение новой специальной меры ограничения (пресечения) в виде прикомандирования к сборному пункту является перспективным решением, которое позволит обеспечить эффективное проведение следствия в отношении военнослужащих, учитывая их специфику и обеспечивая сохранение боеспособности.

Список источников

1. Баландюк О.В. Применение специальной меры пресечения в отношении военнослужащих // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2. С. 76—80.

2. Халилова В.Л. Спорные вопросы законодательного регулирования применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1. С. 232—238.

The legal status of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation who have committed crimes and are seconded to military units (assembly points): problem statement and solutions

© Mintyagov S.A.,
lawyer

Abstract. The article analyzes the problem of the legal status of military personnel who have committed crimes against whom criminal procedural measures are being carried out and who are seconded to military units (assembly points). The purpose of the study is to identify gaps and contradictions in the current legislation, as well as to substantiate the need to improve the regulatory framework defining a new special restriction measure and regulating the procedure for its application to military personnel held at assembly points. The presented conclusions and recommendations are of practical importance for improving legislation, including those regulating the activities of military justice authorities.

Keywords: military police, authorities, assembly points, seconded, special measures of restriction.

For citation: Mintyagov S.A. The Legal status of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation who have committed crimes and are seconded to military units (assembly points): problem statement and solutions // Military law. 2025. No. 4. pp. 102-109.

The article was received by the editorial office on March 16, 2025.

Правовые аспекты психолого-педагогической профилактики синдрома полярного напряжения у военнослужащих арктических подразделений

© Потяев Павел Юрьевич,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Дальневосточного высшего общевойскового командного ордена Жукова училища имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского

© Алехин Игорь Алексеевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу законодательного обеспечения психолого-педагогической профилактики синдрома полярного напряжения у военнослужащих арктических подразделений. Автор выявляет системные пробелы в действующей нормативно-правовой базе Российской Федерации: отсутствие прямого закрепления синдрома полярного напряжения как профессионального риска арктической службы в федеральных законах («О статусе военнослужащих», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), неадаптированность ведомственных актов Минобороны России к экстремальным условиям высоких широт и отсутствие специализированных санитарных норм. Доказано, что действующие нормы не обеспечивают комплексной регламентации профилактических мер (диагностики, адаптированных тренингов, психолого-педагогического сопровождения, контроля условий службы). На основе сравнительно-правового анализа предложены пути совершенствования законодательства: внесение изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (гарантии специализированной профилактики синдрома полярного напряжения), разработка приказа Минобороны с детальным регламентом профилактики синдрома полярного напряжения, создание арктических санитарных норм и правил для войск. Подчеркивается, что устранение выявленных пробелов является императивом сохранения психического здоровья личного состава, боеготовности подразделений и национальной безопасности в Арктике.

Ключевые слова: синдром полярного напряжения, военнослужащие арктических подразделений, психолого-педагогическая профилактика, правовые пробелы, Арктическая зона Российской Федерации.

Для цитирования: Потяев П.Ю. Правовые аспекты психолого-педагогической профилактики синдрома полярного напряжения у военнослужащих арктических подразделений // Военное право. 2025. № 4. С. 110—115.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

Введение.

Развитие Вооруженных Сил Российской Федерации в Арктической зоне критически необходимо для обеспечения

национальной безопасности, защиты стратегических интересов и ресурсов, учитывая огромный экономический и стратегический потенциал региона¹. Экстремаль-

¹ Бушуев С.В., Потяев П.Ю. Военно-стратегическое значение усиления военной мощи России в

Арктике // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4(77). С. 45—49.

ные физико-климатические условия Арктики — сверхнизкие температуры (до – 50°C), пронизывающие ветра (до 40 м/с), длительная полярная ночь, ограниченная видимость из-за снежных зарядов и кислородное голодание и др. — провоцируют развитие у военнослужащих «синдрома полярного напряжения» (далее — СПН)¹. Этот синдром характеризуется глубокими физиологическими нарушениями — снижением усвоения кислорода, десинхронизацией биоритмов, угнетением синтеза серотонина (гормона радости) и др., что ведет к психоэмоциональному истощению, повышенной утомляемости, депрессивным состояниям, снижению критичности мышления и, как следствие, существенному падению боеспособности военнослужащих².

В этих условиях обязательна системная эффективная психолого-педагогическая профилактика является критически важной задачей для поддержания боеспособности подразделений в стратегическом регионе. Однако ее реализация невозможна без прочной законодательной основы, определяющей обязанности государства, права военнослужащих, механизмы финансирования и ответственность за исполнение³. Анализ действующего законодательства Российской Федерации в контексте профилактики СПН выявляет существенные пробелы и необходимость целенаправленного совершенствования нормативной базы.

Основная часть.

Фундаментальной законодательной гарантией охраны здоровья военнослужащих выступает Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Ст. 16 данного закона устанавливает право военнослужащих на охрану жизни и здоровья, включая полу-

чение медицинской помощи. Однако закон содержит лишь общие формулировки. Он не конкретизирует специфические риски, связанные со службой в Арктической зоне Российской Федерации, и не упоминает СПН как профессионально значимое состояние, требующее особых профилактических мер. Отсутствие прямого закрепления СПН в качестве объекта особого внимания на федеральном законодательном уровне существенно ослабляет правовые основания для выделения целевых ресурсов и разработки специализированных программ. Ст. 19 названного закона гарантирует право на профессиональную переподготовку и повышение квалификации, что теоретически может касаться и подготовки специалистов психологической службы для работы в Арктике, но опять же без арктической специфики.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» формирует общие принципы охраны здоровья, профилактики заболеваний и организации медицинской помощи. Ст. 12 этого закона определяет профилактику как приоритетное направление здравоохранения. Ст. 30 регламентирует медицинскую реабилитацию и санаторно-курортное лечение. Применительно к военнослужащим закон действует в части, не урегулированной специальным законодательством (ст. 25). Ключевая проблема заключается в том, что закон не выделяет категорию лиц, работающих в экстремальных условиях Арктики, и не содержит положений о профилактике специфических для этих условий психофизиологических расстройств, таких как СПН. Нормы о профилактике носят общий характер и не учитывают уникальные патогенные факторы

¹ Потяев П.Ю. Психолого-педагогическая профилактика синдрома полярного напряжения военнослужащих арктических подразделений системой светозвуковой стимуляции «Лингвостим» (г. Полярный) // Военный академический журнал. 2025. № 1(45). С. 144—150.

² Потяев П.Ю. Правовое обеспечение боевой подготовки войск (сил) в Арктической зоне: исторический и современный аспекты // Военное право. 2025. № 3(91). С. 98—105.

³ Федак Е.И., Потяев П.Ю. Правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктике // Военное право. 2020. № 3(61). С. 131—136.

высоких широт. Закон не обязывает Минобороны России разрабатывать и внедрять специализированные профилактические программы для арктического континента.

Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) в части, применимой по аналогии к военной службе (в рамках концепции безопасных условий труда), также содержит важные нормы. Ст. 219 ТК РФ закрепляет право работника на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда. Ст. 212 обязывает работодателя обеспечить безопасные условия труда, включая профилактику заболеваний. Применительно к военной службе в Арктике это можно трактовать как необходимость создания условий, минимизирующих риск развития СПН, и организацию профилактических мероприятий. Однако отсутствие в законодательстве прямого признания СПН профессиональным риском военной службы в Арктике затрудняет реализацию этих норм ТК РФ в полном объеме применительно к психолого-педагогической профилактике.

Основная нагрузка по регламентации конкретных мер профилактики ложится на ведомственные нормативные правовые акты Минобороны России, издаваемые на основании и во исполнение федеральных законов. Ключевым документом в сфере психологического обеспечения является приказ Министра обороны Российской Федерации от 25 августа 2022 г. № 495 «Об утверждении Положения о психологической службе Вооружённых Сил Российской Федерации». Данный приказ утверждает Положение, подробно регламентирующее цели, задачи, направления (психодиагностика, психопрофилактика, психологическое просвещение, психологическое консультирование, психокоррекция и реабилитация) и организацию психологической работы. Однако критическим недостатком данного приказа применительно к теме СПН является полное отсутствие упоминания специфики службы в Арктике, факторов риска высоких широт и самого синдрома полярного напряжения. Положение носит универсальный

характер и не содержит специальных требований к организации психопрофилактики в условиях полярной ночи, изоляции и экстремального холода. Нет указаний на необходимость разработки и применения адаптированных методик диагностики предрасположенности и ранних признаков СПН, специфических тренингов стрессоустойчивости или программ психолого-педагогического просвещения, учитывающих арктическую специфику.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 640 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в Вооружённых Силах Российской Федерации» регламентирует выявление лиц, психологически непригодных для службы в экстремальных условиях. Это важный элемент первичной профилактики СПН. Однако Руководство не содержит конкретных критериев и методик оценки именно тех качеств, которые критичны для адаптации в Арктике (устойчивость к монотонии, изоляции, сенсорному голоду, способность к длительной саморегуляции в условиях хронического стресса низкой интенсивности).

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 20 апреля 2015 г. № 230 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооружённых Силах Российской Федерации» признает физическую подготовку важным компонентом поддержания психологической устойчивости. Однако программы физической подготовки, утвержденные Наставлением, не адаптированы к специфике арктических условий и не содержат специальных комплексов, направленных на компенсацию гипокинезии, стимуляцию нейродинамических процессов в условиях полярной ночи или поддержание когнитивных функций при СПН.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования.

Законодательные пробелы и необходимые направления совершенствования:

1. Отсутствие законодательного признания СПН: главный пробел — незакрепленность на уровне федерального закона

синдрома полярного напряжения как специфического профессионального риска военной службы в Арктической зоне. Это не позволяет рассматривать профилактику СПН как прямую обязанность государства в рамках сферы охраны здоровья военнослужащих.

Предложение: внести изменения в ст. 16 Федерального закона «О статусе военнослужащих», дополнив ее пунктами, прямо гарантирующими военнослужащим, проходящим службу в Арктике, право на специализированные психолого-педагогические и медицинские мероприятия по профилактике негативных последствий воздействия экстремальных климатогеографических факторов, включая СПН.

2. Недостаточность норм о профилактике специфических арктических рисков: Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не учитывает экстремальные условия Арктики как фактор, требующий особых подходов к профилактике психофизиологических расстройств.

Предложение: дополнить названный закон статьей, выделяющей категорию лиц, работающих в экстремальных условиях Арктики (с включением в данную категорию военнослужащих), и устанавливающей основы государственной политики по профилактике у них специфических профессиональных психофизиологических расстройств, с отнесением СПН к таковым. Закрепить обязанность Минобороны России разрабатывать и утверждать специализированные программы профилактики СПН.

3. Неадаптированность ведомственного регулирования: ключевые приказы Министра обороны Российской Федерации (упомянутые выше приказы № 495, № 640, № 230) не содержат арктической специфики и норм, прямо направленных на профилактику СПН.

Предложение: разработать и принять специальный приказ Министра обороны Российской Федерации «Об организации психолого-педагогической профилактики

синдрома полярного напряжения у военнослужащих, проходящих службу в Арктической зоне Российской Федерации».

Этот приказ должен:

— дать нормативное определение СПН;

— установить обязательный комплекс психолого-педагогических профилактических мероприятий (спецдиагностика, адаптированные тренинги, просвещение, сопровождение ротации);

— утвердить специализированные методики;

— четко распределить ответственность между командирами, психологами, медиками, военно-политическими структурами;

— закрепить требования к подготовке кадров и ресурсному обеспечению.

— внести соответствующие дополнения в приказы Министра обороны Российской Федерации № 495 (добавить раздел по Арктике), № 640 (уточнить критерии отбора для Арктики), № 230 (включить спецкомплексы физподготовки для условий СПН).

4. Отсутствие специализированных санитарно-эпидемиологических требований: действующие санитарные нормы и правила для Вооруженных Сил недостаточно учитывают необходимость компенсации психофизиологических нагрузок в Арктике.

Предложение: Разработать и законодательно утвердить (через постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации) специализированные санитарные нормы и правила «Гигиенические требования к условиям службы военнослужащих в Арктической зоне Российской Федерации», включающие строгие нормы по освещенности (светотерапия), микроклимату, режиму труда, отдыха, сна и рационам питания (обогащенным нутриентами для поддержки центральной нервной системы) и др.

Заключение.

Действующее законодательство Российской Федерации содержит необходимые общие основы для охраны здоровья военнослужащих и организации психоло-

гической работы, но демонстрирует системный пробел в части нормативного регулирования психолого-педагогической профилактики синдрома полярного напряжения у военнослужащих арктических подразделений. Отсутствие прямого законодательного закрепления СПН как профессионального риска арктической службы, недостаточная детализация обязанностей государства по специализированной профилактике в федеральных законах и неадаптированность ключевых ведомственных актов Минобороны к экстремальным условиям высоких широт создают правовой вакуум, препятствующий формированию эффективной системы предупреждения данного дезадаптационного состояния.

Устранение выявленных законодательных пробелов требует комплексного подхода: внесения изменений в федеральные законы «О статусе военнослужащих» и «Об основах охраны здоровья граждан» для закрепления статуса СПН и гарантий специализированной профилактики; разработки и принятия специального приказа Минобороны России, детально регламентирующего все аспекты организации психолого-педагогической профилактики СПН; адаптации существующих ведом-

ственных нормативных актов (по психотбору, физподготовке); создания специализированных санитарно-эпидемиологических правил. Только последовательное совершенствование нормативных аспектов на всех уровнях правового регулирования позволит создать прочную правовую основу для сохранения психического здоровья и обеспечения высокой боеготовности военнослужащих — защитников арктических рубежей России. Реализация данных мер является не только требованием гуманитарного характера, но и императивом национальной безопасности в стратегически важном регионе.

Список источников

1. Бушуев С.В., Потяев П.Ю. Военно-стратегическое значение усиления военной мощи России в Арктике // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4(77). С. 45—49. EDN DACUIN.
2. Потяев П.Ю. Правовое обеспечение боевой подготовки войск (сил) в Арктической зоне: исторический и современный аспекты // Военное право. 2025. № 3(91). С. 98—105.
3. Потяев П.Ю. Психолого-педагогическая профилактика синдрома полярного напряжения военнослужащих арктических подразделений системой светозвуковой стимуляции «Лингвостим» (г. Полярный) // Военный академический журнал. 2025. № 1(45). С. 144—150. EDN KHYCPG.
4. Федак Е.И., Потяев П.Ю. Правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктике // Военное право. 2020. № 3(61). С. 131—136.

Legislative Aspects of Psychological and Pedagogical Prevention of Polar Stress Syndrome in Military Personnel of Arctic Units

© Potyaev P.Yu.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) of the Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky of the Order of Zhukov

© Alekhin I.A.,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy of the Federal State Military Educational Institution of Higher Education "Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of legislative support for the psychological and pedagogical prevention of the polar stress syndrome in military personnel of the Arctic units. The author identifies systemic gaps in the current regulatory framework of the Russian Federation: the lack of direct recognition of the polar stress syndrome as a professional risk of the Arctic service in federal laws (On the Status of Military Personnel, On the Fundamentals of Health Care for Citizens in the Russian Federation), the lack of adaptation of departmental acts of the Russian Ministry of Defense to the extreme conditions of high latitudes, and the absence of specialized sanitary standards. It has been proven that the current regulations do not provide for comprehensive regulation of preventive measures (diagnostics, adapted training, psychological and pedagogical support, and control of service conditions). Based on a comparative legal analysis, the following ways of improving legislation have been proposed: amending the Federal Law "On the Status of Military Personnel" (guarantees of specialized prevention of polar stress syndrome), development of a Ministry of Defense order with detailed regulations for the prevention of polar stress syndrome, and creation of Arctic sanitary norms and rules for troops. It is emphasized that addressing the identified gaps is imperative for maintaining the mental health of personnel, the combat readiness of units, and national security in the Arctic.

Keywords: Polar stress syndrome, military personnel of Arctic units, psychological and pedagogical prevention, legal gaps, Arctic zone of the Russian Federation.

For citation: Potyaev P.Yu. Legal Aspects of Psychological and Pedagogical Prevention of Polar Stress Syndrome in Military Personnel of Arctic Units // Military Law. 2025. No. 4. Pp. 110-115.

The article was submitted to the editorial office on June 30, 2025.

Уголовное право и криминология

Некоторые проблемы привлечения граждан, имеющих судимость, к участию в специальной военной операции

© Гребенской Дмитрий Сергеевич,
адъюнкт Военного университета имени
князя Александра Невского

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются вопросы, направленные на изучение социальных, правовых и политических факторов в контексте текущих событий и общественных обсуждений вокруг проведения специальной военной операции. Заостряется внимание на вовлечении граждан, имеющих судимость, в специальную военную операцию, а также поднимаются ключевые вопросы, затрагивающие область правосудия, этики и прав человека. Исследуется опыт правового регулирования отношений по освобождению граждан, имеющих судимость, от уголовной ответственности, уголовного наказания и судимости в связи с их участием в специальной военной операции на основе принятых в Российской Федерации федеральных законов, касающихся привлечения граждан, имеющих судимость, к выполнению боевых задач.

Ключевые слова: специальная военная операция; осужденный; вооруженный конфликт; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от уголовного наказания; снятие судимости; комплектование Вооруженных Сил.

Для цитирования: Гребенской Д.С. Некоторые проблемы привлечения граждан, имеющих судимость, к участию в специальной военной операции // Военное право. 2025. № 4. С. 116—123.

Статья поступила в редакцию 23 мая 2025 г.

Актуальность темы обусловлена обсуждением в научном обществе текущих событий, касающихся социальных, правовых и политических факторов вокруг проводимой в нашей стране специальной военной операции (СВО). Обсуждение вовлечения граждан, имеющих судимость, в военные операции, затрагивает вопросы правосудия, этики и прав человека. Важно раскрыть, какие меры принимаются для обеспечения прав осужденных, а также

какие последствия такого участия могут сказаться на их безопасности и искуплении вины в совершенных ими уголовных проступках. Для проведения исследования о привлечении к специальной военной операции различных категорий населения страны использованы научные работы в области военного права Ю.М. Батурина¹, В.М. Большаковой², А.И. Землина³, В.М. Корякина⁴, А.В. Кудашкина⁵, П.Ю.

¹ Батурин Ю.М., Батюкова В.Е., Белоцерковский С.Д. [и др.] Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: Юнити-Дана, 2020.

² Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604.

³ Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5(75). С. 8—14; Землин А.И., Холи-

ков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3(79). С. 49—56.

⁴ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025.

⁵ Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47; Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Основы судопроизводства и проблемы рассмотре-

Наумова¹, С.Л. Нудель², Т.С. Шнякиной³, И.В. Холикова⁴ и др. Ориентация на научные разработки названных авторов позволила объективно рассмотреть развитие правового регулирования отношений с участием граждан, имеющих судимость, в боевых действиях в период проведения специальной военной операции. Обзор научной литературы свидетельствует о том, что различные аспекты темы ранее изучались исследователями в рамках различных научных дисциплин.

Научный интерес к данной теме продиктован проводимой Российской Федерацией специальной военной операцией, которая породила множество вопросов как общественно-политического, так и социально-экономического содержания. Основной акцент учёной общественности сводится к изучению сущности феномена СВО, осмысления, обобщения и систематизации научных знаний о специальной военной операции, в том числе связанных с привлечением для участия в ней граждан, имеющих судимость.

Затрагивая вопросы участия граждан, преступивших закон, в СВО, следует определиться с терминологией, которая включает, прежде всего, понятие специальной военной операции. Из изучения

нормативных правовых актов можно констатировать, что в настоящее время в них отсутствуют нормы, в которых бы присутствовало законодательно определенное понятие СВО, а также уточнялась бы ключевая составляющая данного понятия. Отсутствие такого определения является проблемой, поскольку в связке с отсутствием фундаментальных исследований это в значительной мере осложняет научный поиск и исследование проблемных вопросов привлечения граждан, имеющих судимость, к её проведению. Наиболее близким по смыслу и определению СВО является понятие «военный конфликт». Для дальнейшего решения рассматриваемого вопроса следует отметить позицию В.А. Винокурова, который в своем научном исследовании определил, что СВО означает: «...период, в котором выполняются международные обязательства по противодействию актам агрессии, действует военное положение на территории, на которой осуществляются мероприятия, связанные с созданием условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации»⁵. В.М. Корякин определяет специальную военную операцию России против Украины как «особую разновидность вооружённого

ния дел о военных преступлениях в международных уголовных судах // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11(316). С. 94—104.

¹ Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72.

² Нудель С.Л., Артемов В.Ю., Белялова А.М., Гаджиев Х.И. [и др.] Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2022.

³ Шнякина Т.С., Сливков А.С. Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Военное право. 2022. № 1(71). С. 42—50.

⁴ Холиков И.В. Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового

регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38; Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71; Холиков И.В., Лапина О.А. Проблемные вопросы законодательного обеспечения явки граждан Российской Федерации на мероприятия, связанные с призывом на военную службу // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 45—49.

⁵ Винокуров В.А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223). С. 203—207.

конфликта, связанного с ведением Вооружёнными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами боевых и специальных действий, имеющих целью демилитаризацию и денацификацию Украины, а также освобождение территории новых субъектов Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) от контроля ВСУ»¹.

В обращении от 24 февраля 2022 г. Президентом Российской Федерации было объявлено, что им принято решение о проведении СВО. Основанием для этого послужила ст. 51 Устава ООН, однако впоследствии федерального закона или указа о проведении СВО опубликовано не было. Тем не менее, в настоящее время в Российской Федерации действует Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», в котором предписано осуществить призыв граждан Российской Федерации на военную службу по мобилизации в Вооружённые Силы Российской Федерации. Однако понятия специальной военной операции, а также указаний на мобилизацию осуждённых граждан в нём нет.

Относительно правового статуса граждан, имеющих судимость, необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации² осуждённый определяется как «обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор». Процесс реализации уголовной ответственности граждан и процедура исполнения уголовного наказания регулируется нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации³. Однако при проведении обзора норм УК РФ выяснилось, что урегулирование непосредственно участия осуждённых в специальной военной операции может вызвать споры и расхождения с точки зрения законодательства о

правах человека. Ст. 78.1 УК РФ предусматривает условно-досрочное освобождение (УДО) для осуждённых, если они провели определённый срок в местах лишения свободы и выполнили ряд условий, таких, как исправление и отсутствие необходимости в дальнейшем отбывании наказания⁴. Однако привлечение осуждённых для участия в военных операциях может затронуть вопросы о соблюдении их прав и законных интересов, а также о соответствии такого привлечения нормам международного права и прав человека. В особенности, может возникнуть вопрос о том, может ли участие осуждённых в СВО рассматриваться как основание для условно-досрочного освобождения, и соответствуют ли такие действия принципам гуманности и справедливости, заложенным в УК РФ. Кроме того, использование граждан, имеющих судимость, в военных действиях может вызвать полемику о законности их участия в конфликте, а также о возможных последствиях для их будущего освобождения после окончания СВО.

По мере развития событий, связанных с проведением Российской Федерацией специальной военной операции и затрагиванием ее интересов в плане национальной безопасности, Федеральным Собранием Российской Федерации стала проводиться активная законодотворческая работа, направленная на урегулирование правовых проблем, связанных с ходом СВО, а также участием в ней граждан Российской Федерации, в том числе и граждан, имеющих судимость. Так 24 июня 2023 г. был принят Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который закрепил институт освобождения от уголовной ответственности и от наказания лиц, призываемых на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооружённые

¹ Корякин В.М. Указ. соч. С. 31.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ

Силы Российской Федерации, заключающих или уже заключивших контракт о прохождении военной службы либо проходящих военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, и снятия с них судимости. Были введены новые, ранее не известные современному уголовному закону основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания граждан, имеющих судимость, а также условия погашения им судимости.

Таким образом, в связи с проведением специальной военной операции продолжилось реформирование военно-уголовного законодательства, начатое 24 сентября 2022 г. с принятия Федерального закона № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Принятие Федерального закона № 270-ФЗ было обусловлено, с одной стороны, стремлением государства «получить дополнительные возможности комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации»¹ в условиях продолжающейся специальной военной операции, с другой — наличием встречного стремления определенной категории граждан, преступивших закон и получивших установленные судом сроки уголовного наказания, использовать открывающиеся возможности для досрочного освобождения, погашения судимости и реабилитации за совершенные ими деяния перед обществом.

Закон, безусловно, важный и нужный, и оперативность, с которой он был принят, вполне понятна, однако вряд ли этим может быть оправдан его противоречивый характер и неоднозначное содержание. Подготовленный в спешке и без проведения необходимой научной экспертизы, формально прошедший все этапы Закон № 270-ФЗ был критически воспринят с научной и практической точки зрения уголовного права. В пояснительной записке к проекту достаточно осторожно были сформулированы цели законодательной

инициативы: «Правовой механизм освобождения от ответственности будет способствовать достижению целей наказания, а также обеспечит дополнительные возможности комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации». Возникший вместе с этим вопрос о том, как указанный механизм «будет содействовать достижению целей наказания» по отношению к гражданам, имеющим судимость, одновременно с реализацией цели комплектования Вооруженных Сил в сложных условиях СВО, оставался открытым. Из этого можно прийти к выводу о том, что принятие данного Федерального закона было направлено, прежде всего, на обеспечение комплектования Вооруженных Сил за счет лиц, которые осуждены за совершенные ими правонарушения. Данная цель является очень важной и актуальной в сложившихся условиях, но прагматичной и ситуативной, связанной непосредственно с проведением СВО.

Между тем речь идет о гражданах, которые нарушили уголовный закон, за что они несут уголовную ответственность, которая должна быть неминуемой и цели которой не могут быть проигнорированы. Принятие такого закона требует его системности, взаимосвязи с положениями УК РФ и УПК РФ, соотношения его положений фундаментальным доктринальным основам уголовного права. Цели комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации за счет указанной категории граждан должны быть согласованы с целями, которые установлены УК РФ для всех уголовно-правовых институтов и инструментов. Рассматриваемые здесь стимулы созданы как инструменты уголовно-правового воздействия на граждан, имеющих судимость, следовательно, перед ними стоят прежде всего уголовно-правовые цели, которые направлены на обеспечение национальной безопасности страны, включая специфическую цель комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации.

¹ Пояснительная записка к законопроекту.

Уголовно-правовые меры выполняют важную роль в обществе, поскольку являются способами его самозащиты от преступлений. Стимулы в отношении граждан, имеющих судимость, также относятся к таким мерам. Все они имеют единую сущность, правовую природу и общие цели. При всей важности указанной практической цели в предпочтении при применении уголовно-правовых стимулов должны быть уголовно-правовые цели. Все эти цели не могут не учитываться в данных случаях при принятии решений о применении указанных стимулов в отношении осужденных лиц. Уголовно-правовые цели не должны разрушаться при реализации цели комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации гражданами, имеющими судимость. Они прежде всего должны учитываться всеми компетентными государственными органами, которым необходимо ориентировать и мотивировать их на каждом этапе принятия соответствующих решений.

Нам кажется неправильным определение анализируемых стимулов как освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного наказания в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы, заключением контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, военного положения или в военное время. Призыв на военную службу осужденных, заключение контракта или даже фактическое прохождение ими военной службы имеют иную целевую направленность, являющуюся только одним из условий всего лишь предварительного освобождения. Освободить в связи с этими обстоятельствами от уголовной ответственности — весьма сомнительное обстоятельство. Окончательного и полного освобождения от уголов-

ной ответственности может и не произойти в отсутствие всех необходимых для этого условий, таких как отсутствие у осужденных государственной награды или увольнение с военной службы не по указанным в статьях федерального закона основаниям. В таком случае лицо, предварительно, частично или условно освобожденное «в связи с призывом» или «в связи с заключением контракта», фактически от отбывания наказания по приговору суда окончательно освобождено не будет¹.

Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания должно иметь в своей основе не поверхностные, незначительные условия, которые обусловлены целью комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации. Это никак не объясняет необходимость послаблений или их целесообразность в отношении того или иного лица, преступившего закон. Было бы правильнее в качестве обоснований в таких случаях иметь в виду материальные, фактические обстоятельства, которые обуславливают целесообразность правоприменения соответствующей заинтересованности в отношении граждан, имеющих судимость. Только с учетом всех этих обстоятельств возможно полное, окончательное и безотлагательное решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности при наличии, в том числе, и формальных условий. Освобождение от уголовной ответственности и от наказания и досрочное прекращение судимости должны служить мотивацией к добросовестному исполнению ими воинского долга, поэтому правильнее именовать их как освобождение «в связи с добросовестным исполнением воинского долга», «в связи с особыми отличиями в защите Отечества» и т.д.

В первую очередь обращает на себя внимание вспомогательный характер Федерального закона № 270-ФЗ, нормы которого не были включены в УК РФ, как того требует доктрина уголовного права. Так, уже первая, ключевая и важная из его

¹ Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Об освобождении от уголовной ответственности и от уголовного наказания и снятии судимости в связи с участием

в специальной военной операции: критический анализ // Право в Вооруженных Силах — военноправовое обозрение. 2024. № 9 (326). С. 61—76.

норм определяет: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Согласно принципу законности, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом. Проигнорировав эти фундаментальные основы, законодатель «нанес серьезный удар по принципу полной кодификации уголовного законодательства» и предопределил рассогласование ряда его решений с положениями кодифицированных уголовного и уголовно-процессуального законодательства¹, что разрушает системность отечественного законодательства² как необходимое условие его эффективного применения³.

Можно сделать заключение, что авторы законопроекта при принятии такого решения исходили из временного характера проведения специальной военной операции и, соответственно, обусловленных ею правоотношений, в связи с чем сочли нецелесообразным загружать УК РФ такими неутонченными, временными нормами. На наш взгляд, это было неправильным решением. Поскольку повторение подобных конфликтов не исключено и в дальнейшем, необходимость противодействия возникшим угрозам потребует преодоления «благодушных заблуждений относительно возможности безмятежного мирного сосуществования с Западом»⁴ и вызывает необходимость принципиальных законодательных решений относи-

тельно военно-уголовного законодательства, в целом⁵. Помимо указанного, к данному нормативному правовому акту можно предъявить еще ряд существенных претензий как технического, так и содержательного характера⁶. Так, заслуживает анализа и его наименование, которое не соответствует требованиям юридической науки и не согласуется с его содержанием. Все вышеописанное говорит о погрешности решения вопросов, связанных с уголовной ответственностью, вне рамок УК РФ.

В этой связи Федеральный закон № 270-ФЗ был отменен Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ. На смену ему пришел новый закон, посвященный тому же вопросу, — Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Принятие нового Федерального закона № 64-ФЗ было логичным и ожидаемым прежде всего его направленностью на исправление существенных недостатков Федерального закона № 270-ФЗ. Главным преимуществом нового закона стало то, что он ввел указанную мотивацию в рамки УК РФ, тем самым включив решение вопросов в систему уголовного законодательства. Это подразумевает распространение на разрабатываемые правоотношения и на адресатов закона всего уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, предусмотренных ими целей, принципов и гарантий, что явля-

¹ Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 45—52.

² Решняк М.Г. Специальная военная операция: к вопросу о согласованности положений Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2023. № 8. С. 106—109.

³ Дуонов В.К. Уголовно-правовое воздействие: комплексность, системность и последовательность как условия его эффективности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов III Всеросс. науч. практ.

конф.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. М.: РГУП, 2016. С. 49—58.

⁴ Полянина П. Украина — плацдарм агрессии против России // Зарубежное военное обозрение. 2022. № 4. С. 11—16.

⁵ Стрелецкий Я. И. Специальная военная операция Вооруженных Сил РФ на Украине: правовой аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 429—432.

⁶ Бабич К.А., Морозова К.С., Васильев А.М. Основания для освобождения от уголовной ответственности участников специальной военной операции // Вестник науки. 2023. № 12 (69). Т. 5. Ч. 1. С. 123—128.

ется логичным в данных условиях. Однако всех проблем новый Федеральный закон в полной мере не решил. Непродолжительный срок его действия в данный момент времени не позволяет сделать обобщение и заключение относительно практики его применения.

В целом необходимо обозначить, что проводимую работу по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в новых, претерпевающих изменения условиях следует продолжать. При этом важно подходить к решению этих вопросов мировоззренчески и комплексно, а не ситуативно — применительно лишь к проводимой в настоящий момент специальной военной операции. В настоящее время в Российской Федерации актуальной является, прежде всего, проблема юридического закрепления понятия СВО относительно участия в ней граждан, имеющих судимость, ввиду острого дефицита основополагающих трудов по данному вопросу, а также проблем законодательного закрепления оснований, форм, целей и задач участия осужденных в СВО. Требуется углубленное исследование, направленное на формирование концептуальных основ, процессуальных аспектов участия осужденных в СВО (в частности, регламентацию правового статуса граждан, имеющих судимость, привлекаемых к выполнению боевых задач в условиях проводимой специальной военной операции), обеспечения единства уголовно-правового значения такого участия с позиции исправления и ресоциализации осужденных.

Список источников

1. Бабич К.А., Морозова К.С., Васильев А.М. Основания для освобождения от уголовной ответственности участников специальной военной операции // Вестник науки. 2023. № 12 (69). Т. 5. Ч. 1. С. 123—128.
2. Батурин Ю.М., Батюшкова В.Е., Белоцерковский С.Д. [и др.] Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия; Институт государства и права РАН. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Юнити-Дана"», 2020. 559 с.
3. Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник

Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604. DOI 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604.

4. Винокуров В.А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223). С. 203—207.

5. Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Об освобождении от уголовной ответственности и от уголовного наказания и снятии судимости в связи с участием в специальной военной операции: критический анализ // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 9 (326). С. 61—76.

6. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: комплексность, системность и последовательность как условия его эффективности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов III Всеросс. науч. практ. конф.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. Москва: РГУП, 2016. С. 49—58.

7. Закомолдин Р.В. О тенденциях действующего военно-уголовного законодательства и практики его применения // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Победкин А.В., Титушкина Е.Ю., Лелетов М.В., Ишук Я.Г., Моргун Д.О., Саркисян Г.Г. Москва: Акад. упр-я МВД России, 2023. С. 162—166.

8. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5(75). С. 8—14.

9. Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3(79). С. 49—56.

10. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT

11. Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Основы судопроизводства и проблемы рассмотрения дел о военных преступлениях в международных уголовных судах // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11(316). С. 94—104.

12. Кудашкин А., Холиков И. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47. DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.

13. Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права че-

ловека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72. DOI 10.31857/S102694520024304-5.

14. Нудель С.Л. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : Научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, А.М. Белялова, Х.И. Гаджиев [и др.]. Москва: Издательство Проспект, 2022. 352 с.

15. Полянина П. Украина — плацдарм агрессии против России // Зарубежное военное обозрение. 2022. № 4. С. 11—16.

16. Парог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 45—52.

17. Решняк М.Г. Специальная военная операция: к вопросу о согласованности положений Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2023. № 8. С. 106—109.

18. Стрелецкий Я.И. Специальная военная операция Вооруженных Сил РФ на Украине: правовой аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 429—432.

19. Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охран-ными компаниями: динамика границ и специфика

правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158. DOI 10.12737/jrl.2020.154.

20. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

21. Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71.

22. Холиков И.В., Лапина О. А. Проблемные вопросы законодательного обеспечения явки граждан Российской Федерации на мероприятия, связанные с призывом на военную службу // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 45—49.

23. Шнякина Т.С., Сливков А.С. Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Военное право. 2022. № 1(71). С. 42—50.

Some problems of attracting citizens with criminal records to participate in a special military operation

© Grebensky D.S.,

Associate Professor at Prince Alexander Nevsky Military University

Annotation. This scientific article examines issues aimed at studying social, legal and political factors, especially in the context of current events and public discussions surrounding the conduct of a special military operation. Attention is focused on the involvement of citizens with criminal records in a special military operation, as well as key issues affecting the field of justice, ethics and human rights. The article examines the experience of legal regulation of relations on the release of citizens with a criminal record from criminal liability, criminal punishment and criminal record in connection with their participation in a special military operation on the basis of federal laws adopted in the Russian Federation concerning the involvement of citizens with a criminal record in combat missions.

Keywords: special military operation, convicted person, military conflict, exemption from criminal liability; exemption from criminal punishment; removal of criminal record; recruitment of the Armed Forces.

For citation: Grebenskaya D.S. Some Problems of Attracting citizens with criminal records to participate in a special military operation // Military law. 2025. No. 4. pp. 116-123.

The article was received by the editorial office on May 23, 2025.

**Криминализация розничной продажи
несовершеннолетним табачной продукции (научно-
практический комментарий к Федеральному закону от
28 декабря 2024 г. № 515-ФЗ «О внесении изменения в
статью 151.1 Уголовного кодекса Российской
Федерации»)**

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии ФГКОУ ВО «Московская
академия Следственного комитета
Российской Федерации им. А.Я. Сухарева»

Аннотация. В статье анализируются последние изменения уголовного законодательства, согласно которым ст. 151.1 УК РФ была изложена в новой редакции, криминализовавшей новые общественно опасные деяния, посягающие на нормальное формирование и развитие личности несовершеннолетних. Автором выявляются положительные и отрицательные стороны изменений уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, преступления против семьи и несовершеннолетних, несовершеннолетние, розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции.

Для цитирования: Ермолович Я.Н. Криминализация розничной продажи несовершеннолетним табачной продукции (научно-практический комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2024 г. № 515-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации») // Военное право. 2025. № 4. С. 124—129.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2025 г.

8 января 2025 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 515-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому было криминализовано новое общественно опасное деяние — розничная продажа несовершеннолетним табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции, если это деяние совершено неоднократно.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 515-ФЗ, внесенного группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — ГД ФС) 28 но-

ября 2024 г., отмечалось, что новая уголовно-правовая норма разработана в целях усиления мер защиты жизни и здоровья граждан от табачной и никотинсодержащей продукции и последствий ее потребления. В Российской Федерации запрещена реализация несовершеннолетним как алкогольной, так и табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции. При этом ответственность для нарушителей запрета значительно отличается: в отношении табака и никотина отсутствует уголовная ответственность за повторную продажу несовершеннолетним указанных товаров. В списке наиболее часто выявляемых правонарушений в сфере розничной торговли табачными изделиями, табачной продукцией, никотинсодержащей продукцией по

данном Минпромторга России по-прежнему остается наиболее опасное правонарушение — продажа продукции несовершеннолетним. Исходя из этого, законопроектом предлагается по аналогии с алкоголем установить уголовную ответственность за повторную продажу несовершеннолетним табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции или сырья для их производства. Действующим же законодательством установлена только административная ответственность за нарушение правил продажи несовершеннолетним табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции или сырья для их производства (ч. 3 ст. 14.53 КоАП)¹.

В официальном отзыве Правительства Российской Федерации отмечалось, что пояснительная записка к законопроекту не содержит статистических данных и анализа правоприменительной практики, свидетельствующих о росте случаев совершения правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.53 КоАП, в том числе повторно². В остальном законопроект получил положительные отзывы и заключения Верховного Суда Российской Федерации³, Правового управления Аппарата ГД ФС, Комитета ГД ФС РФ по государственному строительству и законодательству и без каких-либо изменений в рекордно короткие сроки был принят Государственной Думой и Советом Федерации, подписан Президентом Российской Федерации.

Переходя к анализу изменений ст. 151.1 УК РФ, следует отметить, что дис-

позиция этой статьи была дополнена новым способом совершения преступления (новым преступлением) — розничной продажей несовершеннолетним табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции, если это деяние совершено неоднократно. В примечании к этой статье дается определение розничной продажи несовершеннолетнему предметов преступления лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, т. е. речь идет о повторном совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.53 КоАП. В этой связи необходимо отметить, что корреспондирующие изменения в ч. 3 ст. 14.53 КоАП были внесены только Федеральным законом от 3 февраля 2025 г. № 1-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» путем уточнения, что это деяние, образующее административное правонарушение, не должно содержать признаков уголовно наказуемого деяния. Кроме того, были существенно увеличены штрафы за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.53 КоАП, введено новое административное правонарушение, предусмотренное ч. 1.1 ст. 14.53 КоАП, а также отредактированы положения ч. 1 ст. 14.53 КоАП в части разграничения этого административного правонарушения с взаимосвязанным административным правонарушением, предусмотренным ч. 4 ст. 15.12 КоАП (оборот алкогольной продукции или табачных изделий, табачной продукции или никотинсодержащей продукции

¹ См.: Проект Федерального закона № 782112-8 «О внесении изменений в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.11.2024). Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Официальный отзыв Правительства РФ от 26.11.2024 № ДГ-П12-40166 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статью 151.1

Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

³ См.: Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 27.11.2024 № 4-ВС-5776/24 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны).

С 1 сентября 2025 г. вступят в силу изменения ч. 3 ст. 14.53 КоАП, согласно которым административным правонарушением будет считаться продажа несовершеннолетним потенциально опасных газосодержащих товаров бытового назначения, включенных в перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации¹. С этого времени содержание ч. 3 ст. 14.53 КоАП будет несколько отличаться от содержания ст. 151.1 УК РФ, поскольку будет предусматривать деяния, которые не могут образовывать состава преступления.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 151.1 УК РФ, относится к т.н. составам с административной преюдицией, ввиду чего имеет определенные уязвимости и содержит ряд противоречий. Помимо того, что такой подход противоречит основанию уголовной ответственности, закрепленному в ст. 8 УК РФ, составы преступлений с административной преюдицией расширяют предмет доказывания по уголовному делу, возлагая на, в данном случае, дознавателя обязанность помимо обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, устанавливать: вступило ли в законную силу постановление о назначении административного наказания, исполнено ли это постановление, не прекращалось ли его исполнение, не истек ли годичный срок со дня окончания исполнения данного постановления, не пересматривалось ли постановление о назначении лицу административного наказания. Причем подобные разъяснения о квалификации составов преступлений с административной преюдицией содержатся только в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации

от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», касательно составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 264.1, 264.2, 264.3, 280.1 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Относительно состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, подобных разъяснений Пленум Верховного Суда Российской Федерации не давал.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.49 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ, рассматривает федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей (Роспотребнадзор). Тогда как предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 151.1 УК РФ, производится в форме дознания и относится к подследственности дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации (п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ).

Исходя из наличия административной преюдиции, рассматриваемое преступление следует считать только умышленным. Рассматриваемое преступление относится к преступлениям небольшой тяжести и наказывается штрафом, исправительными работами на срок до одного года, а также дополнительным необязательным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, применяемого по усмотрению суда. Причем следует отметить, что размер уголовного наказания в виде штрафа (от пятидесяти до восьмидесяти тысяч

¹ См.: Федеральный закон от 3 февраля 2025 г. № 2-ФЗ «О внесении изменений в статью 14.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

рублей) существенно ниже административного штрафа, предусмотренного за аналогичное административное правонарушение (для граждан — в размере от двухсот до трехсот тысяч рублей, для должностных лиц — от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей, для юридических лиц — от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей). В связи с этим возникает вопрос об обоснованности уголовно-правовой репрессии, которая становится более мягкой по сравнению с административными наказаниями.

Кроме того, в ст. 151.1 УК РФ не было включено указание на совершение преступления лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного этой статьей, как это сделано в ч. 2 ст. 116.1, ч. 2 ст. 264.1, ч. 2 ст. 264.2, ч. 2 ст. 264.3, ч. 1 ст. 284.1, ст. ст. 321.1, 330.3 УК РФ. Поэтому совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ, лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, будет образовывать только состав административного правонарушения.

По ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ могут нести ответственность и юридические лица, в связи с чем возникает вопрос об основаниях уголовной ответственности в случае совершения двух административных правонарушений в течение года юридическим лицом или лицом, являвшимся в одном случае физическим лицом, а в другом — должностным лицом или работником юридического лица либо его единоличным исполнительным органом. Согласно ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от

административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо. Соответственно, если за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ, привлекалось только юридическое лицо, совокупность административных правонарушений должна исключать административную преюдицию, как основание уголовной ответственности за это же преступление.

Определение предметов преступления — кальяна, никотинсодержащей продукции, устройств для потребления никотинсодержащей продукции содержится в Федеральном законе от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», определение табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства содержится в Федеральном законе от 13 июня 2023 г. № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства».

Переходя к анализу судебной практики и судебной статистики применения ст. 151.1 УК РФ, следует отметить, что за первое полугодие 2024 г. было осуждено 242 человека за совершение этого преступления, в отношении 1 человека был вынесен оправдательный приговор, в отношении 15 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, 1 человеку были назначены принудительные меры медицинского характера, тогда как в 2024 г. было зарегистрировано 464 преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, и выявлено 449 лиц, совершивших это преступление¹. В 2023 г. было осуждено 543 человека за со-

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 г. г. (на основе сводного отчета формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС) [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика /

Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 12.03.2025).

вершение этого преступления (зарегистрировано 614 преступлений, выявлено 618 лиц, совершивших это преступление), в отношении 1 человека был вынесен оправдательный приговор, в отношении 1 человека дело было прекращено в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 43 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям. В 2022 г. было осуждено 585 человек за совершение этого преступления (зарегистрировано 693 преступления, выявлено 666 лиц, совершивших это преступление), в отношении 1 человека был вынесен оправдательный приговор, в отношении 1 человека дело было прекращено в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 48 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям. В 2021 г. было осуждено 549 человек за совершение этого преступления (зарегистрировано 794 преступления, выявлено 770 лиц, совершивших это преступление), в отношении 118 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, 1 человеку были назначены принудительные меры медицинского характера. В 2020 г. было осуждено 453 человек за совершение этого преступления (зарегистрировано 733 преступления, выявлено 711 лиц, совершивших это преступление), в отношении 1 человека дело было прекращено в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 144 человек дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям, 1 человеку были назначены принудительные меры медицинского характера¹.

Из приведенной статистической отчетности следует, что преступление, предусмотренное ст. 151.1 УК РФ, характеризуется низкой латентностью, поскольку количество выявленных лиц, совершивших это преступление, и количество зарегистрированных преступлений в

отчетном периоде практически совпадают. Большая часть лиц, совершивших это преступление, привлекается к уголовной ответственности с вынесением обвинительного приговора, при этом количество лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям (как правило в связи с истечением сроков давности уголовного преследования) за 5 прошедших лет упало до минимума, при почти полном отсутствии оправдательных приговоров. Уровень преступности по ст. 151.1 УК РФ имеет некоторую тенденцию к снижению за последние 5 лет. Все зарегистрированные преступления, предусмотренные ст. 151.1 УК РФ, и осужденные лица составляют менее 1 % от общего количества совершенных в России преступлений и осужденных лиц в отчетный период.

Приведенные в пояснительной записке к проекту федерального закона № 515-ФЗ сведения о фактах привлечения к административной ответственности лиц за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ, за 2020—2024 годы свидетельствуют о снижении количества привлеченных к административной ответственности практически в 2 раза. В связи с чем не очень понятны криминологические основания введения уголовно-правового запрета на продажу несовершеннолетним табачной продукции, что было справедливо отмечено Правительством Российской Федерации в своем отзыве на законопроект.

Подводя итоги настоящей статьи, следует отметить, что вновь введенные изменения ст. 151.1 УК РФ не сильно отразятся на судебной практике и судебной статистике, однако могут повлечь некоторое увеличение количества осужденных из-за введения дополнительных способов совершения преступления — действий, ра-

¹ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2020, 2021, 2022, 2023 г. г., 1-

е полугодие 2024 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.03.2025).

нее не являвшихся преступлением. Однако, исходя из количества зарегистрированных административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ, исчисляемых несколькими сотнями в год, увеличение количества преступлений, предусмотренных ст. 151.1 УК РФ,

следует оценивать в несколько десятков преступлений в год. Какая-либо криминологическая необходимость или обоснованность криминализации розничной продажи несовершеннолетним табачной продукции, совершенной неоднократно, не усматривается.

**Criminalization of the retail sale of tobacco products to minors
(scientific and practical commentary to the Federal Law "On
Amendments to Article 151.1 of the Criminal Code of the
Russian Federation" dated December 28, 2024 No. 515-FZ)**

© **Eermolovich Ya.N.**,

Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation named
after A.Ya. Sukharev

Annotation. The article analyzes the latest changes in criminal legislation, according to which Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation was redrafted, criminalizing new socially dangerous acts that infringe on the normal formation and development of the personality of minors. The author identifies the positive and negative sides of the changes in criminal legislation.

Keywords: criminal law, criminal liability, crimes against the family and minors, minors, retail sale to minors of alcoholic beverages, tobacco products, tobacco products, nicotine-containing products or raw materials for their production, hookahs, devices for the consumption of nicotine-containing products.

For citation: Ermolovich Ya.N. Criminalization of the Retail Sale of Tobacco Products to Minors (Scientific and Practical Commentary to the Federal Law "On Amendments to Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation" dated December 28, 2024 No. 515-FZ) // Military Law. 2025. No. 4. pp. 124-129.

The article was received by the editorial office on March 18, 2025.

Генезис развития воинских преступлений

© Попков Дмитрий Валерьевич,
кандидат экономических наук, профессор
кафедры философских и социально-
экономических дисциплин Военной ордена
Жукова академии войск национальной
гвардии Российской Федерации

Аннотация. Исследование вопросов квалификации преступлений против военной службы, норм военно-уголовного законодательства требует представлений не только об указанной группе общественных отношений, охраняемых уголовным законом, но и о специфике прохождения военной службы, особенностей организации работы воинских подразделений и учреждений. Отмечается, что правильная квалификация и расследование воинских преступлений напрямую влияет на поддержание общественной безопасности, что обуславливает актуальность исследования практики их расследования и квалификации и проблемы систематизации и применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: воинские преступления; уголовный закон; общественная безопасность.

Для цитирования: Попков Д.В. Генезис развития воинских преступлений // Военное право. 2025. № 4. С. 130—135.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2025 г.

Выделение воинских преступлений — преступлений против военной службы — в особую группу преступных деяний обусловлено особенностями их совершения. Согласно современным представлениям, существует несколько факторов, обусловивших происхождение группы воинских преступлений в законодательстве.

П.С. Данилов, Е.К. Сенокосова отмечают, что первоначально условием выделения воинских преступлений в отдельную категорию стало то, что совершались такие преступления в условиях военных действий или в те периоды, когда правопорядок в армии, иных регулярных воинских формированиях имел особое значение для государства. При этом авторы указывают на то, что закрепление ответственности за воинские преступления в отечественном законодательстве произошло достаточно давно¹.

Обратим внимание на точку зрения, согласно которой воинские преступления выделены в отдельную категорию из группы военных преступлений как преступления, направленные не столько против Отечества, сколько против правопорядка в сфере комплектования армии, службы в армии².

Е.А. Маликова, П.В. Новикова в этой связи отмечают, что формирование в уголовном законодательстве различных стран воинских преступлений осуществлялось в рамках становления норм о порядке несения военной службы, осуществлении военно-служебной деятельности и, следовательно, факты нарушения такого порядка, которые привели к общественно-опасным последствиям³, закрепились в качестве составов воинских преступлений — преступлений против военной службы⁴.

¹ Данилов П.С., Сенокосова Е.К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 54—70.

² Давитадзе М.Д. Военные преступления // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 64—67.

³ Новокшенов Д.В., Петухов Н.А., Шеншин В.М. Объективная сторона преступления // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 246—249; № 3(231). С. 331—334.

⁴ Маликова Е.А., Новикова П.В. Правовые проблемы и анализ преступлений против военной службы // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 637—643.

При этом, предмет международного уголовного права не только определяет особенности квалификации отдельных преступных деяний, например, при помощи специальных конвенций и договоров, но и задает общие направления развития уголовного права, объектов уголовно-правовой охраны, инструментов уголовно-правовой охраны¹.

Международное уголовное право определяет общие направления развития национального уголовного права государств в такой части, как:

1. Методы регулирования;
2. Охраняемые уголовным законом общественные отношения;
3. Квалификация отдельных видов преступления, как правило международного характера.
4. Направления развития системы уголовного права в государствах (например, гуманизация уголовных наказаний, отмена смертной казни, применение мер уголовной ответственности к несовершеннолетним, женщинам, инвалидам и др.)².

В.П. Бодаевский приводит две различные точки зрения на развитие воинских преступлений, которые влияют на процесс их криминализации или декриминализации. Согласно первой из них, воинские преступления совершаются только в условиях военного времени, ввиду чего криминализация таких деяний в мирное время не имеет необходимости. Согласно второй точке зрения, воинские преступления могут совершаться не только в условиях военных действий или иных действий, в которых имеет приоритетное значение поддержание законности в армии,

но и в условиях комплектования армии, поддержания и обеспечения ее боеспособности³. Между тем, вторая точка зрения представляется более обоснованной, ввиду того, что позволяет обеспечить общую превенцию воинских преступлений.

Законодатель в гл. 33 УК РФ учитывает последствия, наступившие при совершении тех или иных общественно-опасных деяний, при этом, именно по последствиям регулируется назначение меры наказания и квалификация преступлений (например, в случае нарушения военнослужащим правил обращения с оружием или иными опасными предметами осуществляется именно оценка последствий)⁴. Большое значение имеет учет последствий и в случае оценки преступного деяния, совершенного под влиянием исполнения незаконного приказа, в частности, зачастую, предусматривается не только оценка законности либо незаконности приказа, но и тот объем вреда, который в итоге причинен в случае его исполнения⁵.

В.Д. Филимонов отмечает, что генезис воинских преступлений отличается тем, что такие преступления, по своей природе, будучи совершенными в особых условиях (военной службы, воинских частей, на охраняемых объектах и др.), а также особыми субъектами (военнослужащие), по своей природе являются более общественно-опасными, ввиду чего предусматриваются и международным и национальным правом⁶.

Кроме того, В.Д. Филимонов также отмечает, что воинские преступления пер-

¹ Ведерникова О.Н. Теоретико-методологические проблемы современного международного уголовного права // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. №456. С. 217—224.

² Шулепов Н. Римский Статут Международного уголовного суда и национальное военно-уголовное законодательство // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 35—39.

³ Бодаевский В. П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. № 2. С. 128—154

⁴ Петухов Н.А., Шеншин В.М. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за самовольное оставление части (дезертирство): историко-правовой аспект // Военно-юридический журнал. 2017. № 10. С. 28—32.

⁵ Шеншин В.М. Самовольное оставление части или места службы, как преступление против порядка прохождения военной службы: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

⁶ Филимонов В.Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. №. 30. С. 137—146.

воначально были относимы к числу военных, а впоследствии выделились из них в особую категорию¹.

Аналогичного мнения на происхождение воинских преступлений, их выделение в отдельную категорию придерживаются С.А. Хропаль, А.М. Васильев², В.М. Шеншин³.

Э.К. Эбзеев отмечает, что воинские преступления являются частью категории военных преступлений, однако последние совершаются в условиях войны, вооруженных конфликтов, а воинские — в мирное время, в условиях нормального порядка исполнения воинской обязанности, несения военной службы.

Таким образом, автор отмечает, что дифференциация воинских и военных преступлений осуществляется не столько по составам преступлений, сколько по обстоятельствам их совершения и некоторым факультативным признакам⁴.

В некоторой степени с этим можно согласиться, так, например, в ст. 332 УК РФ предусмотрена ответственность за неисполнение приказа, при этом дифференциация уголовной ответственности предусматривается в рамках такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в мирное или военное время.

С.А. Хропаль, А.М. Васильев отмечают необходимость более детального разграничения воинских и военных преступлений, указывая, что, несмотря на происхождение воинских преступлений из категории военных, данные группы преступлений имеют различные объекты⁵.

Особое внимание уделяется в практике оценке последствий в случае деяний, связанных с нарушением правил несения

специальных служб (гарнизонной, караульной и других), ввиду того, что, к примеру, уход с поста военнослужащего может иметь как значимые материальные последствия (например, утрату имущества, гибель людей), так и нематериальные последствия. В последнем случае уголовная ответственность не наступает⁶.

Особенность оценки последствий воинских преступлений со стороны законодателя состоит также в том, что вред в отдельных случаях причиняется виновным лицом не непосредственно, и при отсутствии его виновной воли, а в результате:

— исполнения приказа, в том числе незаконного либо исполненного под давлением;

— в результате неосторожности и (или) недостаточного опыта;

— в результате неосознанного нарушения правил несения службы или иных правил, но без полного осознания возможных последствий такого нарушения (к примеру, если временное оставление караула или вахты привело к утрате ценного воинского имущества, чрезвычайной ситуации, гибели людей).

М.Б. Мантеев в этой связи отмечает, что все воинские преступления следует рассматривать как преступления с формальным составом, поскольку само по себе нарушение или неисполнение правил, порядка несения военной службы, может быть интерпретировано, как потенциальный источник общественной опасности⁷.

Воинские преступления, как предполагается, возникли из военных преступлений, которые составляют отдельную группу преступлений в уголовном законе.

¹ Там же.

² Хропаль С.А., Васильев А.М. Особенности субъекта преступления против военной службы // Вестник науки и творчества. 2024. №. 5 (96). С. 77—80.

³ Шеншин В.М. Указ. соч.

⁴ Эбзеев Э.К. Общая характеристика военных преступлений // Вестник науки и образования. 2024. №. 3 (146). С. 49—51.

⁵ Хропаль С.А., Васильев А.М. Актуальные вопросы правовой регламентации преступлений против военной службы // Вестник науки и творчества. 2024. №. 5 (96). С. 73—76.

⁶ Шепилов С.В. Уголовно-правовая охрана порядка сбережения военного имущества // ЮП. 2015. № 6 (73). С. 67—69.

⁷ Мантеев М.Б. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (ст. 335 УК РФ): вопросы теории и практики // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. №. 5. С. 2488—2496.

Уголовный закон — нормативный акт, который в целом содержит перечень норм, устанавливающих меры ответственности за совершение преступлений, а также особенности назначения и применения таких мер. Военно-уголовное законодательство взаимосвязано с уголовным законодательством, в первую очередь, ввиду того, что на военно-уголовное законодательство распространяются принципы, положения, нормы уголовного права.

В частности, в военно-уголовном законодательстве установлены те же понятия преступления, состава и его элементов, вменяемости, уголовной ответственности. Действуют аналогичные принципы освобождения от уголовной ответственности.

Интересы военной службы, ввиду ее повышенной опасности, а также значимости для государства, выделены в отдельный объект уголовно-правовой охраны¹.

В системе военно-уголовного законодательства отражена структура интересов военной службы. Военно-уголовное законодательство направлено на охрану и обеспечение интересов военной службы².

Военное законодательство — не кодифицированная, комплексная отрасль права, которая включает в себя не только уголовное право, но также и административное³. В целом нормы военного законодательства определяют порядок комплектования Вооруженных сил Российской Федерации, особенности их организации, функции, деятельность, ответственность различных должностных лиц⁴. В этой

связи, как отмечается в науке, военно-уголовное законодательство охватывает нормы, которые характеризуют ответственность за нарушение данного порядка и организации военной службы⁵.

Военные преступления, описание составов которых в российском уголовном праве содержится в гл. 34 УК РФ, характеризуются высокой степенью общественной опасности, ввиду чего исследование практики привлечения к ответственности за преступления данной группы особенно актуально.

Кроме того, многие составы в УК РФ сформулированы достаточно кратко, что требует обращения к иным нормам и разъяснениям⁶. Так, например, преступление, предусмотренное в ч. 1 ст. 353 УК РФ «Планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны», не представляется возможным в полной мере отграничить от преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 353 УК РФ «Ведение агрессивной войны». Для квалификации соответствующего деяния необходимо уточнение термина «агрессивная война», а также различия в действиях по ее «развязыванию» и «ведению». Аналогичным образом сформулированы составы и в ряде других статей, содержащихся в гл. 34 УК РФ, предусматривающих большое число бланкетных норм.

Кроме того, особенность военных преступлений состоит в достаточно разном образном их составе в части общественной опасности, в зависимости от субъекта, который совершает преступление⁷. Это предполагает выделение общего объекта

¹ Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Военное право : учебник. М., 1998. С. 45.

² Борисенко В.М., Егоров К.И. Преступления против военной службы. СПб., 2002. С. 46.

³ Безбабнов О.Г., Кудашкин В.В. Соотношение военной науки и военного права // Военное право. 2024. № 3(85). С. 43—47.

⁴ Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

⁵ Петухов Н.А., Шеншин В.М. Применение уголовной политики России на военно-служебных от-

ношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7—12.

⁶ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г.А. Агаев, Н.В. Баранков, Д.А. Безбородов [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010.

⁷ Уголовное право. Общая часть : учебник / А.В. Никуленко, С.А. Денисов, М.В. Бараникова [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024.

военных преступлений — мир и безопасность, мирное сосуществование государств, а также дополнительных объектов — жизни и здоровья людей, объектов растительного и животного мира и иных компонентов окружающей среды и др.

Характеристика военных преступлений, их квалификация требуют обращения не только к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации, но и к нормам военного и военно-уголовного законодательства.

В.Б. Поезжалов отмечает, что преступления против военной службы возникли на основе выявления наиболее часто встречающихся нарушений порядка ведения войны, несения военной службы и в настоящее время охватываются не только уголовным законодательством, то есть непосредственно закреплены в качестве составов в УК РФ, но и иными нормами, что отличается их от иных видов преступлений¹.

Таким образом, при исследовании генезиса воинских преступлений установлено, что преступления против военной службы как отдельная категория преступных деяний, возникла из группы военных преступлений, но в отличие от последних они могут быть совершены также и в мирное время. Закрепление в уголовном законодательстве норм об ответственности за воинские преступления обеспечивает, в том числе, общую превенцию военных преступлений в условиях мирного времени.

Список источников

1. Безбабнов О.Г., Кудашкин В.В. Соотношение военной науки и военного права // Военное право. 2024. № 3(85). С. 43—47. EDN CPHJHW
2. Бодаевский В.П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. № 2. С. 128—154.
3. Борисенко В.М., Егоров К.И. Преступления против военной службы. Санкт-Петербург, 2002.
4. Ведерникова О.Н. Теоретико-методологические проблемы современного международного

уголовного права // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 456. С. 217—224.

5. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2021. 888 с. ISBN 978-5-6042565-2-7. EDN WODYTL

6. Давитадзе М.Д. Военные преступления // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 64—67.

7. Данилов П.С., Сенокосова Е.К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 54—70.

8. Маликова Е.А., Новикова П.В. Правовые проблемы и анализ преступлений против военной службы // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 637—643.

9. Мانتеев М.Б. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (ст. 335 УК РФ): вопросы теории и практики // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 5. С. 2488—2496.

10. Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право : учебник. Москва, 1998.

11. Новокшенов Д.В., Петухов Н.А., Шеншин В.М. Объективная сторона преступления (начало) // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 246—249. DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. EDN GZJEJE

12. Новокшенов Д.В., Петухов Н.А., Шеншин В.М. Объективная сторона преступления (окончание) // Аграрное и земельное право. 2024. № 3(231). С. 331—334. DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. EDN JZOVDA

13. Петухов Н.А., Шеншин В.М. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7—12. EDN VHCQQH

14. Петухов Н.А., Шеншин В.М. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за самовольное оставление части (дезертирство): историко-правовой аспект // Военно-юридический журнал. 2017. № 10. С. 28—32. EDN ZGQGVF

15. Поезжалов В.Б. Некоторые спорные вопросы правовой регламентации преступлений против военной службы в уголовном кодексе Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 3 (15). С. 61—65.

16. Уголовное право. Общая часть : учебник / А.В. Никуленко, С.А. Денисов, М.В. Баранчикова [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства

¹ Поезжалов В.Б. Некоторые спорные вопросы правовой регламентации преступлений против военной службы в уголовном кодексе Российской

Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 3 (15). С. 61—65.

внутренних дел Российской Федерации, 2024. 424 с. ISBN 978-5-91837-939-4. EDN MVBFJC

17. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г.А. Агаев, Н.В. Баранков, Д.А. Безбородов [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. 632 с. ISBN 978-5-91837-015-5. EDN QRUNFX

18. Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 40—45.

19. Филимонов В.Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 137—146.

20. Хропаль С.А., Васильев А.М. Актуальные вопросы правовой регламентации преступлений против военной службы // Вестник науки и творчества. 2024. №. 5 (96). С. 73—76.

21. Хропаль С.А., Васильев А.М. Особенности субъекта преступления против военной

службы // Вестник науки и творчества. 2024. №. 5 (96). С. 77—80.

22. Шеншин В.М. Самовольное оставление части или места службы, как преступление против порядка прохождения военной службы: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 173 с. EDN NNSQOZ

23. Шепилов С.В. Уголовно-правовая охрана порядка сбережения военного имущества // Юрист-правовед. 2015. № 6 (73). С. 67—69.

24. Шулепов Н. Римский Статут Международного уголовного суда и национальное военное уголовное законодательство // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. Москва, 2008. С. 35—39.

25. Эбзеев Э.К. Общая характеристика военных преступлений // Вестник науки и образования. 2024. №. 3 (146). С. 49—51.

The genesis of the development of military crimes

© **Popkov D.V.**,

Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation

Abstract. The study of the qualification of crimes against military service and the norms of military criminal legislation requires understanding not only about this group of public relations protected by criminal law, but also about the specifics of military service, the organization of work of military units and institutions. It is noted that the correct qualification and investigation of military crimes directly affects the maintenance of public safety, which determines the relevance of studying the practice of their investigation and qualification and the problems of systematization and application of relevant criminal law norms.

Keywords: military crimes; criminal law; public safety.

For citation: Popkov D.V. Genesis of the Development of Military Crimes // Military Law. 2025. No. 4. Pp. 130—135.

The article was submitted to the editorial office on June 28, 2025.

Уголовный процесс и криминалистика

Организация взаимодействия следователя с командирами воинских частей по расследованию преступлений в условиях проведения специальной военной операции и военного положения

© Новокшенов Дмитрий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного) Военной ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется законодательство, регулирующее вопросы организации взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей при расследовании преступлений в период проведения специальной военной операции и военного положения. Раскрываются приемлемые формы взаимодействия в боевой обстановке. Делается акцент на то, что борьба с преступностью в войсках возможна лишь при условии комплексного и рационального использования усилий различных правоохранительных органов, когда каждый действует с максимальной отдачей в рамках предоставленных законом полномочий.

Ключевые слова: взаимодействие военных следственных органов, преступления против военной службы, уголовная ответственность военнослужащих, военное положение, военное время, специальная военная операция.

Для цитирования: Новокшенов Д.В. Организация взаимодействия следователя с командирами воинских частей по расследованию преступлений в условиях проведения специальной военной операции и военного положения // Военное право. 2025. № 4. С. 136—141.

Статья поступила в редакцию 13 июня 2025 г.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, выступая на полях Международного молодежного юридического форума в мае 2025 г., обратил внимание, что с апреля 2014 г. население Донбасса подверглось непрерывным атакам со стороны Вооруженных сил Украины и националистических формирований. С июня 2014 г. силовая операция киевских властей проводилась с использованием всех основных видов тяжелого вооружения, наносились стратегические удары и авиаудары по контролируемым ополченцами населенным пунктам. Не считаясь с жертвами среди мирного населения, атакам подвергались не только военные объекты, но и жилые районы ДНР и ЛНР. Подготовленное киевским режимом вооруженное вторжение на территорию контролируемых органами

власти ДНР и ЛНР, неизбежно влекло массовые жертвы среди мирного населения, а также расправа над лицами, отстаивающими их независимость.

Начиная с 2014 г. Следственным комитетом Российской Федерации (СК России) было возбуждено 7 000 уголовных дел, в отношении 1 500 лиц, в том числе представителей руководства Украины, членов радикальных националистических объединений, а также представителей киевских силовых структур. Уже состоялись обвинительные приговоры в отношении 554 украинских военнослужащих и наемников. Им назначены наказания в виде лишения свободы сроками от 8,5 до 29 лет. 62 человекам назначено уголовное наказание пожизненное лишение свободы. С учетом совокупности собранных доказательств совершения обстрелов и иных

преступлений против мира и безопасности человечества на территории Донбасса, предъявлено обвинение 71 лицу из числа высшего военного и политического руководства, которые отдавали преступные приказы¹.

Деятельность командиров воинских частей (руководителей воинских формирований) по осуществлению полномочий органа дознания в условиях проведения специальной военной операции и военного положения имеет важное правоохрнительное значение для укрепления воинской дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Возлагая обязанности по борьбе с преступностью на командира (руководителя воинского формирования) как органа дознания, закон тем самым обеспечивает правопорядок, а также реализацию единоначалия, как одного из основных организационно-правовых принципов управления Вооруженными Силами Российской Федерации.

Успешная борьба с преступностью в войсках возможна лишь при условии комплексного и рационального использования усилий различных правоохрнительных органов, когда каждый действует с максимальной отдачей в рамках предоставленных законом полномочий, и возможности одного органа сочетаются с возможностями других органов и дополняются ими. Это комплексное объединение усилий реализуется путем взаимодействия правоохрнительных органов и в первую очередь, органов предварительного следствия и дознания.

Понятие «взаимодействие» может рассматриваться с двух позиций: в широком смысле слова — как объединенные согласованные усилия субъектов; в узком смысле слова — как связь действий субъектов, обеспечивающая их согласованный характер. Важным качеством взаимодей-

ствия является и то, что в ходе него обязательно координируются разные виды деятельности. Лишь при этом условии возможны качественные изменения предпринимаемых усилий.

По справедливому утверждению С.В. Маликова, взаимодействие военных следственных органов с командирами воинских частей в зоне проведения СВО, с органами военной полиции, правоохрнительными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными органами и гражданами — это основанная на законе, согласованная по месту, целям и времени деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Взаимодействие различных правоохрнительных органов при расследовании преступлений, как любое социальное явление, представляет собой систему связей между указанными субъектами, которые находят свое выражение в конкретных согласованных действиях участников взаимодействия. Совокупность таких действий образует содержание взаимодействия. Всякое содержание проявляется вовне в определенных формах. Проявление содержания в той или иной форме обуславливается в первую очередь воздействием внешних факторов. Применительно к расследованию преступлений таким внешним фактором будет выступать сложившаяся на определенный момент следственная ситуация. Именно она и будет предполагать выбор следователем той или иной формы взаимодействия².

Важно отметить, что классификация форм взаимодействия подразделяет их на формы организации взаимодействия и формы осуществления взаимодействия.

К формам организации взаимодействия, показывающим, каким образом следователь побуждает орган дознания к выполнению тех действий, которые необходимы в интересах расследования уголовного дела, относятся:

¹ Белая книга преступлений украинского режима. Доказательства следствия / Под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М., 2023.

² Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. М.: Этника, 2011. С. 149.

1) доведение до органа дознания требования об оказании содействия при производстве отдельных следственных действий;

2) направление следователем органу дознания поручений и указаний о производстве розыскных и следственных действий;

3) поручение по организации розыска военнослужащих, самовольно оставивших места службы в зоне проведения СВО;

4) поручение органу дознания принять меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по делам, предварительное следствие по которым приостановлено.

Взаимодействие правоохранительных органов в условиях проведения специальной военной операции и военного положения обладает определенной существенной спецификой, отличаясь от взаимодействия в обычных мирных условиях по субъектам, основным направлениям и ряду конкретных форм. Так, в обычных мирных условиях субъектами взаимодействия являются следователь и орган дознания. Применительно к областям проведения специальной военной операции субъектами взаимодействия выступают уже не только отдельные следователи, но военный следственный орган в целом, руководитель которого вынужден уделять много внимания налаживанию совместной работы своего подразделения с органами военной полиции, правоохранительными органами, органами государственной власти, иными органами и гражданами.

В обычных мирных условиях взаимодействие следователей с другими правоохранительными органами осуществляется в рамках традиционных форм, прямо установленными уголовно-процессуальным кодексом законом (ст. 38, 208—210 УПК РФ). Все эти формы взаимодействия

приемлемы в целом и на территориях проведения специальной военной операции. Однако следует отметить, что взаимодействие при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими в районе проведения СВО, осуществляет более широкий круг правоохранительных органов, имеющих различные задачи и подчиненность. Сказывается и экстремальность ситуации. Данные обстоятельства обуславливают существенную специфику и содержание организации взаимодействия, которые не укладываются в традиционные рамки. Например, при проверке достоверности показаний потерпевших и свидетелей необходимо учитывать то обстоятельство, что со стороны украинских боевиков могут быть угрозы жизни и здоровья родственникам, знакомым, находящиеся в районах боевых действий, давление со стороны боевиков¹.

С учетом вышеуказанного можно выделить основные направления и конкретные формы взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей (орган дознания) в условиях проведения специальной военной операции. От своевременности, организованности и многообразия форм взаимодействия в значительной мере зависит успех проведения различных следственных мероприятий, работа военных следственных органов в целом.

На основе обобщения опыта работы в районах вооруженного конфликта автор соглашается с С.В. Маликовым, который выделяет следующие основные направления взаимодействия: проведение неотложных следственных действий; выделение для военных следственных органов оружия, боеприпасов, бронетехники, средств защиты, средств РЭБ от FPV-дронов (камикадзе); организация охраны, питания, размещения медицинского и бытового обеспечения; обмен информацией о состоянии и тенденциях развития оперативной обстановки в регионе дислокации,

¹ Степанов С.А. Особенности осмотра места происшествия в условиях проведения специальной военной операции // Проблемы раскрытия и расследования преступлений против военной службы :

Сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2024 г. Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. С. 105—110.

численности, вооружении и боевых возможностей вооруженных формирований Украины (ВФУ); привлечение военнослужащих в качестве понятых и статистов; оказание технической помощи в проведении некоторых следственных действий; участие следователей военных следственных органов в мероприятиях по обеспечению проведения войсковых операций по ликвидации ВФУ в населенных пунктах с целью оперативного расследования преступлений, связанных с гибелью или причинением вреда гражданскому населению в результате применения средств поражения; участие следователей военных следственных органов в мероприятиях по обеспечению проведения локальных (адресных) специальных операций по установлению местонахождения и задержания отдельных участников ВФУ (зачисток) с целью оперативного расследования преступлений, совершаемых военнослужащими, привлекаемыми к специальным мероприятиям, в отношении гражданского населения (похищение, мародерство, грабежи, разбой и т. п.)¹.

Наибольший эффект взаимодействию достигается в том случае, когда воинское подразделение постоянно придано военному следственному органу на длительный срок. Это дает возможность военнослужащим освоить непривычные функции, а следователям научиться использовать их помощь. В конечном итоге, появляется возможность для формирования мобильных и автономно действующих боевых порядков войск следственно-оперативных групп (звеньев), что имеет немаловажное значение для сокращения сроков и повышения качества расследования преступлений в районе проведения специальной военной операции.

Одним из новых направлений взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей в районах проведения специальной военной опера-

ции является участие следственно-оперативной группы в мероприятиях по обеспечению проведения специальных операций по ликвидации ВФУ в населенных пунктах Курской области. При расследовании уголовных дел о гибели и причинении вреда гражданскому населению в результате применения средств поражения юридической оценке подлежат не только действия военнослужащих или иных представителей федеральных сил, но и преступные действия участников ВФУ, так как в ряде случаев вред причиняется гражданскому населению при открытии ответного огня военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации по установленным координатам нахождения участников ВФУ. При установлении факта причинения вреда охраняемым законом интересам гражданского населения военнослужащими в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), уголовное дело после принятия решения о прекращении в отношении них уголовного преследования подлежит направлению по подследственности в территориальные правоохранительные органы для дальнейшего расследования и привлечения виновных — участников ВФУ к уголовной ответственности.

В условиях проведения специальной военной операции любые действия, связанные с применением силы в населенных пунктах, должны по возможности тщательно документироваться, что позволит сохранить доказательства, а в случае предъявления претензий — наглядно обосновать правомерность предпринятых действий.

Так, в мае 2025 г. вынесен обвинительный приговор в отношении солдата 95 отдельной десантной штурмовой бригады ВФУ Романа Буры за преступления в отношении мирных жителей села Казацья Локня Курской области. Он был признан виновным в совершении террористического акта в Курской области (подп. «а»),

¹ Маликов С.В. Расследование преступлений в боевой обстановке (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 98.

«в» ч. 2 ст. 205 УК РФ). Следствием и судом установлено, что в ноябре 2024 г. Бура в составе подразделений ВФУ незаконно вторгся на территорию Российской Федерации. Находясь в Суджанском районе Курской области, в целях дестабилизации деятельности органов власти, Бура препятствовал эвакуации гражданского населения из села Казачья Локня, а также применял оружие для устрашения населения. В ходе боевых действий Бура задержан военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации и передан следствию. Приговором суда Буре назначено наказание в виде 16 лет лишения свободы с отбыванием первых четырех лет в тюрьме, а остальной части — в исправительной колонии строго режима¹.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, организация взаимодействия военных следственных органов с командирами воинских частей в районе проведения специальной военной операции требует профессионального подхода и является реальным резервом повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Подготовка следователя для работы в боевых условиях требует более детального изучения методики проведения следственных действий на месте совершения преступления. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательного регулирования и методического обеспечения деятельности командиров

воинских частей и соответствующих руководителей воинских формирований по осуществлению полномочий органа дознания в рамках проведения специальной военной операции и действия военного положения. Обратить внимание на техническое оснащение следственно-оперативной группы, иметь современную криминалистическую технику, беспилотные летательные аппараты в помощь военным следователям, защищенные средства связи. В боевых условиях грамотная организация и проведение следственных действий становится инструментом не только расследования, но и защиты жизни и здоровья его участников. Ключевые факторы успеха — скорость, безопасность и применение адаптированных технологий.

Список источников

1. Белая книга преступлений украинского режима. Доказательства следствия / Под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. Москва, 2023. 214 с.
2. Маликов С.В. Расследование преступлений в боевой обстановке (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... канд. юрид.наук. Москва, 1998.
3. Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. Москва: Этника, 2011. 654 с. EDN QRWKVD.
4. Степанов С.А. Особенности осмотра места происшествия в условиях проведения специальной военной операции // Проблемы раскрытия и расследования преступлений против военной службы : Сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2024 г. Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. С. 105—110.

Organization of the investigator's interaction with the commanders of military units to investigate crimes in the context of a special military operation and martial law

© Novokshonov D.V.,

PhD in Law, Associate Professor, Colonel of Justice, Head of the Department of Industry and Legal Disciplines, Faculty of the (Command) Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ). sledcom.ru

Abstract. The article analyzes the legislation governing the organization of interaction between military investigative authorities and military unit commanders during the investigation of crimes during a special military operation and martial law. Acceptable forms of interaction in a combat situation are revealed. The emphasis is placed on the fact that the fight against crime in the military is possible only if the efforts of various law enforcement agencies are used comprehensively and efficiently, when everyone acts with maximum efficiency within the framework of the powers granted by law.

Keywords: cooperation in the investigation of crimes, crimes against military service, criminal liability of military personnel, martial law, wartime, special military operation.

For citation: Novokshonov D.V. Organization of the Investigator's Interaction with the commanders of military units to investigate crimes in the context of a special military operation and martial law // Military law. 2025. No. 4. pp. 136-141.

The article was received by the editorial office on June 13, 2025.

Некоторые вопросы содействия оперативно-розыскной деятельности

© **Титов Павел Михайлович,**

кандидат юридических наук, начальник кафедры. Уральский юридический институт МВД России

© **Лаптева Анастасия Ивановна,**

курсант. Факультет подготовки следователей. Уральский юридический институт МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы содействия оперативно-розыскной деятельности. Особое внимание уделяется проблеме использования в осуществлении оперативно-розыскной деятельности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. В целях повышения эффективности борьбы с преступностью авторы статьи приходят к мнению о предоставлении права конфиденциального содействия по контракту лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста, а по тяжким и особо тяжким преступлениям — лицам, достигшими четырнадцатилетнего возраста.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, содействие граждан, институт сотрудничества, оперативный контакт, несовершеннолетние, борьба с преступностью, конфиденциальное содействие по контракту.

Для цитирования: Титов П.М., Лаптева А.И. Некоторые вопросы содействия оперативно-розыскной деятельности // Военное право. 2025. № 4. С. 142—147.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2025 г.

В настоящее время наша страна переживает период трансформации: модернизация критической информационной инфраструктуры, развитие цифровых сервисов, внедрение автоматизированного цифрового производства и др. Вместе с позитивными изменениями новые обороты набирает криминальная деятельность: совершенствуются способы совершения различных видов преступлений, появляются новые возможности реализации преступного замысла, а также трансформируется личность самого преступника.

Также усиливается и нестабильность в обществе, связанная с ростом совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений на территории Российской Федерации. В 2022 г. увеличилось количество тяжких деяний, но при этом наблюдается сниже-

ние количества особо тяжких преступлений. В 2024 г. количество тяжких и особо тяжких преступлений остается на высоком уровне. В период с января по сентябрь 2024 г. зарегистрировано 1433,8 тыс. преступлений, значимую часть которых (31,8 %), составляют тяжкие и особо тяжкие преступления¹.

О том, что в современных условиях в Российской Федерации одной из основополагающих общегосударственных задач, требующих принятия комплекса неотложных мер, выступает борьба с преступностью, свидетельствует обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Крайне важной задачей остается борьба с преступностью. Отдача от этой работы должна год от года повышаться, результаты расти»². «Необходимо и дальше повышать эффективность работы,

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2022 год, за 2023 год, за январь — сентябрь 2024 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 07.11.2024).

² Путин поручил создать программу по профилактике преступлений среди молодежи // [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 07.11.2024).

совершенствовать подходы в борьбе с преступностью»¹.

Изменчивость характера преступности подразумевает ее зависимость от общественных отношений, складывающихся на разных этапах развития государства, заключающихся в разрешении старых противоречий и разрешении новых конфликтов, что порождает появление новых видов и способов совершения преступлений.

Задача по борьбе с преступностью возлагается на правоохранительные органы, в том числе органы, которые наделены полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельностью и закреплены в ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД»). Данные органы решают ключевые задачи в области борьбы с преступностью (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»).

У органов, закрепленных в ст. 13 ФЗ «Об ОРД», наиболее перспективным направлением является разведывательно-поисковая деятельность по сбору, анализу, проверке и реализации оперативной информации о совершаемых преступлениях. Однако стоит отметить, что результаты оперативно-розыскной деятельности и следственной практики показывают, что вопросы, связанные с результативностью борьбы с преступностью, решаются не только посредством использования процессуальных средств и материально-техническим оснащением, но и во многом зависят от грамотного использования возможностей, связанных с привлечением к содействию различных категорий лиц². Данная возможность представлена законодателем в ст. 17 ФЗ «Об ОРД». При помощи данного института содействия су-

щественно облегчается работа правоохранительных органов, в частности оперативными подразделениями, связанная с получением информации не процессуальным путем.

Раскрывая понятие «содействие», предлагаем обратиться к этимологии данного слова. С.И. Ожегов раскрывает понятие «содействие» следующим образом: «деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, оказать помощь»³. Д.Н. Ушаков интерпретирует понятие «содействие» как «помощь, поддержка в каком-нибудь деле, в какой-нибудь деятельности»⁴. В.И. Даль раскрывает данный термин как «участвовать в деле, давать ход»⁵.

Таким образом, мы видим, что отечественные специалисты по лингвистике выделяют единый признак вышеуказанного определения — способствование в какой-либо деятельности.

По нашему мнению, содействие лиц органам, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представляет собой одну из форм правовых отношений, заключающихся в оказании помощи, в деятельном участии различных категорий лиц, с целью решения оперативно-розыскных задач, закрепленных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД».

ФЗ «Об ОРД» закрепляет важную норму, исходя из которой содействие осуществляется лицами с их согласия, то есть на добровольной основе. При этом стоит отметить, что использование законодателем словосочетания «отдельными лицами», позволяет сделать вывод о том, что привлечение к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий

¹ Путин призвал и дальше совершенствовать борьбу с преступностью в России // [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 07.11.2024).

² Лозинский О.И. Особенности привлечения граждан к конфиденциальному содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 8. С. 229.

³ Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. — URL: <https://gufo.me>. (дата обращения: 07.11.2024).

⁴ Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ushakovdictionary.ru>. (дата обращения: 07.11.2024).

⁵ Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. — URL: <https://gufo.me>. (дата обращения: 07.11.2024).

коллективным содействием, группой людей не допустимо¹. Данный вывод подтверждается правоприменительной практикой.

Анализируя научные исследования в области теории оперативно-розыскной деятельности, можно выделить три вида оперативно-розыскных отношений, складывающихся по поводу содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность:

1. Гласное содействие. Данный вид участия граждан в оперативно-розыскной деятельности заключается в их открытом участии в подготовке или проведении оперативно-розыскных мероприятий. Это значит, что содействующее лицо не требует охранения в тайне его участие в оперативно-розыскных мероприятиях, и, в приоритете, данное лицо сможет быть участником уголовного процесса, например, дать показания по известным ему обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела. Как правило, в качестве таких лиц привлекаются специалисты, эксперты, обладающими какими-либо практическими навыками и знаниями, а также статисты, которые, например, могут содействовать при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка».

2. Негласное (конфиденциальное) содействие является наиболее распространенным на практике формой содействия, поскольку, сведения, полученные в результате его реализации, напрямую сопряжены с криминальной средой, и граждане, рискуя своей безопасностью, безопасностью своих близких, не желают разглашать свой негласный статус².

3. Анонимное содействие. Суть анонимного содействия заключается в том, что лицо предоставляет органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность информацию, путем почтового

сообщения, звонка по телефону или посредника, но при этом, не называет своего имени, не раскрывает данные, идентифицирующие его личность, и не желает в дальнейшем быть участником уголовно-процессуальной деятельности.

Некоторые авторы относят данный вид, к разновидности конфиденциального содействия, в равной мере как и оперативный контакт, негласное сотрудничество³.

Оперативный контакт как форма использования конфиденциального содействия граждан представляет собой процесс установления негласных отношений с лицами, обусловленный необходимостью получения оперативно-значимой информации для решения задач оперативно-розыскной деятельности⁴. Специфической чертой указанного вида содействия является высокая защищенность данных лица, предоставляющего необходимую информацию, а также недопустимость его привлечения в качестве участника уголовного судопроизводства.

Конфиденциальное сотрудничество является видом долговременного негласного содействия, которое реализуется посредством заключения контракта. При этом согласно ч. 2 ст. 17 ФЗ «Об ОРД» лица, привлекаемые к содействию на контрактной основе, должны соответствовать некоторым условиям:

1. Во-первых, иметь возраст 18 и более лет.

2. Во-вторых, установлен критерий дееспособности, то есть способности лица приобретать и осуществлять свои гражданские права.

Что касается возрастного ограничения, хочется отметить, что согласно ст. 20 УК РФ: уголовной ответственности подлежат лица, которые в момент совершения преступления достигли шестнадцатилетнего возраста. Кроме того, за совершение противоправного деяния, общественная

² Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. Саратов, 2016. С. 49.

³ Железняк С.Н. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2019. С. 273.

⁴ Лобзов К.М., Смирнова Ю.М. Понятие «Контакт» в теории и практике оперативно-розыскной деятельности // Вестник ПАГС. 2016. № 4 (55). С. 57.

опасность которого должна осознаваться ранее указанного возраста, к уголовной ответственности привлекаются и лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Проводя аналогию, связанную с привлечением к содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста, возникает вопрос: почему законодатель считает лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, способными осознавать общественную опасность своих действий (бездействий), предвидеть наступление общественно-опасных последствий и желать их наступления, более того, нести за это определённые правовые последствия, а в рамках оперативно-розыскной деятельности не подразумевается сотрудничество с ними на конфиденциальной основе?

«Каждое четвертое тяжкое, особо тяжкое преступление совершено подростками. Это для всего общества тревожный сигнал и нужно обратить внимание на это» —обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин¹. Данный факт свидетельствует о том, что подростковая преступность в настоящее время является актуальной: несовершеннолетние совершают преступления, формируются в преступные группы, состоящие, как правило, из лиц одного возраста. В этой связи, содействие с привлечением несовершеннолетних лиц могло бы быть эффективным, поскольку способствовало бы получению оперативно-значимой информации в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Таким образом, мы считаем, что результативным способом борьбы с преступностью являлось бы предоставление права конфиденциального содействия по контракту лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста, а по тяжким и особо

тяжким преступлениям — четырнадцатилетнего.

Лица, привлекаемые к содействию, не должны быть депутатами, судьями, прокурорами, адвокатами, священнослужителями и полномочными представителями официально зарегистрированных религиозных объединений, поскольку законодатель, напрямую вводит запрет на привлечения данных категорий лиц к конфиденциальному содействию по контракту.

По нашему мнению, данное законодательное закрепление в полной мере оправдано, поскольку данное содействие может напрямую повлиять на процесс осуществления своих полномочий в соответствии с конституционными нормами представителей власти и общественных организаций: в правотворческой, правоприменительной, надзорной, адвокатской и иной деятельности. Однако данное предписание не содержится в части гласного, негласного бесконтрактного отношения между указанными субъектами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, что является сомнительным, поскольку из этого следует, что представители оперативных подразделений в некоторых случаях могут использовать указанных лиц в качестве содействия при выполнении своих задач.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 28 июня 2018 г. № 1460-О, установил, что гражданин К., признанный виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, в своей жалобе указал на неправомерное использование в оперативном эксперименте, в качестве посредника, его защитника, что по смыслу ст. 17 ФЗ «Об ОРД» является нарушением его конституционных прав.

Суд, осуществив проверку предоставленных материалов дела на соответствие требованиям Конституции Российской Федерации, отказал в принятии жалобы, поскольку ФЗ «Об ОРД» исключает возможность использования содействия по

¹ Глава государства выступил на коллегии МВД России // [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 03.11.2024).

контракту лиц, являющимися адвокатами, но не исключает возможности привлечения их для проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтрактной основе.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации не находит оснований для принятия данной жалобы, поскольку оспариваемые нормы не являются нарушением конституционных прав гражданина К.¹

На данном примере мы видим факт сотрудничества адвоката (защитника по уголовному делу) и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в рамках как раз-таки и являющихся исключением из общего правила.

В заключение хотелось бы сказать, что, на наш взгляд, в нормы ФЗ «Об ОРД», связанные с конфиденциальным содействием с гражданами в рамках оперативно-розыскной деятельности в целях совершенствования способов борьбы с преступностью, оправдано внести изменения:

а) дополнить ст. 17 ФЗ «Об ОРД» формулировкой: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность могут заключать контракты с дееспособными лицами, достигшими шестнадцатилетнего возраста. В целях противодействия совершению тяжких и особо тяжких

преступлений, совершающих несовершеннолетними, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность могут привлекать лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста к конфиденциальному содействию по контракту»;

б) в части запрета использования конфиденциального содействия по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений, дополнить формулировкой: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач вправе пользоваться помощью представителей общественных организаций».

Список источников

1. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. Саратов, 2016. 296 с.
2. Железняк С.Н. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2019. 334 с.
3. Лобзов К.М., Смирнова Ю.М. Понятие «Контакт» в теории и практике оперативно-розыскной деятельности // Вестник ПАГС. 2016. №4 (55). С. 55—60.
4. Лозинский О.И. Особенности привлечения граждан к конфиденциальному содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 8. С. 227—230.

Some issues of assistance to operational investigative activities

© Titov P.M.,

Candidate of Law, Head Department. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

© Lapteva A.I.,

The cadet. Faculty of Investigator Training. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article discusses the issues of assistance to operational investigative activities. Special attention is paid to the problem of using persons under the age of majority in the implementation of

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбатова Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав положени-

ями частей первой и третьей статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 №1460-О.

operational investigative activities. In order to increase the effectiveness of the fight against crime, the authors of the article come to the conclusion that the right of confidential assistance under the contract is granted to persons who have reached the age of sixteen, and for serious and especially serious crimes to persons who have reached the age of fourteen.

Keywords: operational investigative activities, assistance of citizens, institute of cooperation, operational contact, minors, crime fighting, confidential assistance under contract.

For citation: Titov P.M., Lapteva A.I. Some issues of Assistance to operational investigative activities // Military law. 2025. No. 4. pp. 142-147.

The article was received by the editorial office on June 3, 2025.

К вопросу о коллизиях оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и иного законодательства при исполнении лишения свободы: некоторые теоретические аспекты

© Харченко Сергей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной и научной работе Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

© Гирько Сергей Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследования проблем безопасности РАН

© Скиба Андрей Петрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Санкт-Петербургской Академии Следственного Комитета Российской Федерации

Аннотация. С учетом результатов сравнительного исследования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов выявлен ряд коллизий законодательства, влияющих на эффективность деятельности оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний России и других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Особо выделяются недостатки регулирования задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, ее содержания, стимулирования осужденных к лишению свободы оказывать содействие в выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений и т.д.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; коллизии законодательства; исправительные учреждения; содействие осужденных к лишению свободы; выявление, предупреждение и раскрытие преступлений

Для цитирования: Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. К вопросу о коллизиях оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и иного законодательства при исполнении лишения свободы: некоторые теоретические аспекты // Военное право. 2025. № 2. С. 148—157.

Статья поступила в редакцию 21 марта 2025 г.

Коллизии законодательства — одна из наиболее актуальных проблем современного права, поскольку их наличие влияет не только на направленность теоретических исследований, но и на правоприменительную деятельность, когда по одним и

тем же вопросам предусматриваются различные варианты действий сотрудников правоохранительных, судебных и иных

государственных органов¹. Не является исключением и сфера исполнения уголовных наказаний, особенно лишения свободы².

При наличии коллизий законодательства фактически создается ситуация, когда не соответствующие друг другу решения судей, прокуроров, представителей органов внутренних дел, учреждений и органов, исполняющих наказания, и др. формально не противоречат положениям нормативных правовых актов, а потому априори все же являются законными. Более того, коллизии законодательства образуют и коррупциогенный фактор, что активно изучается в юридической литературе³.

Несмотря на то, что обычно вопросы исполнения наказаний одновременно регулируются в уголовном, уголовно-исполнительном, уголовно-процессуальном и ином законодательстве, не менее важным здесь является и Федеральный закон от 12

августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД»), поскольку оперативно-розыскное обеспечение играет важнейшую роль в процессе исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как целей применения наказаний (ст. 43 УК РФ), так и целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ). При этом из-за наличия противоречий между оперативно-розыскным, уголовно-исполнительным и иным законодательством возникают теоретико-прикладные проблемы относительно статуса результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), возможности их использования при принятии различных юридически значимых решений, влияющих на объем правоограничений осужденных и действия учреждений и органов, исполняющих наказания, и т.п. (что также активно анализируется специалистами⁴).

¹ См. подробнее: Кузнецов А.П. Коллизии уголовного законодательства как фактор снижения его качества // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013. № 22. С. 182—184; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995; Петрянин А.В. Внутриотраслевые коллизии как следствие реализации ряда новаторских направлений современной уголовной политики // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 3 (43). С. 203—208; Рарог А.И. Шаг к устранению коллизий в уголовном законе // В сб. V Межд. науч.-практ. конф. «Современные проблемы уголовной политики» / Под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 15—21; Харченко С.В., Яковец Е.Н. Проблемы информационного взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных служб государств-участников Содружества Независимых Государств // *Вестник Российской таможенной академии*. 2019. № 4. С. 68—76.

² См., например: Кашуба Ю.А. Коллизии законодательства в сфере применения уголовных наказаний // *Человек: преступление и наказание*. 2013. № 3 (82). С. 69-75; Козаченко И.Я., Николаева З.А. Коллизии уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // *Государство и право*. 1993. № 2. С. 85—88; Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018; Овчинников О.М. Дискуссионные вопросы социально-правовой защиты

несовершеннолетних, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022. № 4 (64). С. 77—88; Пупышева Л.А. Проблемы унификации понятий (терминов) в законодательстве об уголовном судопроизводстве и исполнении уголовных наказаний // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2019. № 2 (89). С. 132—142; Уткин А.В. Труд осужденных к лишению свободы как предмет межотраслевого регулирования // *Вестник Кузбасского института*. 2024. № 2 (59). С. 94—105.

³ См.: Капинус О.С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 1 (68). С. 95—101; Мацкевич И.М., Аминов И.И. Криминологическая характеристика коррупции в уголовно-исполнительной системе // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 11 (102). С. 217—221; Середа И.М. Некоторые вопросы совершенствования назначения и исполнения уголовного наказания за преступления против налоговой системы // *Международный пенитенциарный журнал*. 2016. № 1. С. 40—43; и др.

⁴ См. подробнее: Агарков А.В. Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ // *Пенитенциарная наука*. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 85—95; Ковалев О.Г. Современные проблемы взаимодействия пра-

Рассмотрим отдельные коллизии оперативно-розыскного и иного законодательства в исследуемой области.

Так, согласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД», к задачам ОРД относятся: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности РФ; установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации. В этом случае очевидны несколько направлений осуществления ОРД, особенно ориентированных на борьбу с преступностью и на исполнение приговора суда.

В рамках борьбы с преступностью результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд и т.д. (в частности, по ст. 11 ФЗ «Об ОРД» и ст. 89 УПК РФ). Между тем ФЗ «Об ОРД» фактически «расширяет» рамки своих же задач, установленных в ст. 2, и предусматривает, что результаты ОРД могут направ-

ляться в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц, для принятия решения о предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, о выдаче (о продлении срока действия, об аннулировании) удостоверения частного охранника и т.д. (например, ст. 7, 11 и др. ФЗ «Об ОРД»). Тем самым законодатель не ограничивает осуществление ОРД контекстом уголовного преследования, а требует более разносторонней сферы его реализации, по сравнению с положениями ст. 2 ФЗ «Об ОРД».

С учетом задачи ОРД в части исполнения приговора суда логично было предположить, что и здесь также может быть «расширенное» оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказаний, особенно лишения свободы, при отбывании которого осужденные содержатся в условиях изоляции от общества в исправительных учреждениях (ИУ), подведомственных Федеральной службе исполнения наказаний России (ФСИН России). Однако в ФЗ «Об ОРД» об этом ничего не говорится.

При этом ст. 84 УИК РФ «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях», совсем по-иному определяет задачи ОРД в местах лишения свободы (что не соответствует положениям ст. 2 ФЗ «Об ОРД» и активно обсуждается специалистами¹ — прим. авт.), ориентируя оперативных сотрудников не столько

воохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности // Мир криминалистики. 2023. № 2. С. 48—52; Пеньков Е.И. Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования должностных преступлений, совершаемых при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 3 (23). С. 166—172; Пронина О.В. Некоторые вопросы применения норм Уголовно-исполнительного кодекса и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации при осуществлении

оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 4. С. 411—415.

¹ См.: в частности: Агарков А.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5-6. С. 160—164; Горяинов К.К. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия пенитенциарной преступности // Вестник Владимирского

на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, осуществление розыска соответствующих лиц и т.п., сколько на предупреждение нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденных, а также в целом на обеспечение личной безопасности осужденных, персонала ИУ и иных лиц на территории учреждений.

Согласно теории уголовно-исполнительного права, ОРД рассматривается в качестве средства обеспечения режима в ИУ¹, т.е. в контексте обеспечения порядка исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечения охраны и изоляции осужденных, постоянного надзора за ними, исполнения возложенных на них обязанностей, личной безопасности осужденных и персонала, раздельного содержания разных категорий осужденных, различных условий содержания в зависимости от вида ИУ и т.п. (ч. 1 ст. 82 УИК РФ). Тем самым изменяется как специфика осу-

ществления ОРД, так и направления использования ее результатов в сторону преимущественно обеспечения процесса исполнения лишения свободы в сравнении с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений. В результате из-за подобного правового регулирования на практике возникают многочисленные вопросы о возможности использования при уголовном преследовании результатов ОРД, полученных оперативными подразделениями ФСИН России², поскольку они имеют более «оперативно-режимный» характер³.

Одновременно использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в ИУ также преимущественно рассматривается не столько в рамках уголовного преследования, сколько для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных (ч.

юридического института. 2010. № 2 (15). С. 13—18; Куницын С.Н. Коллизии при определении целей и задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 340—350; Щетнёв Л.Е., Томилин С.М. Современное состояние правовой природы проведения оперативно-розыскных мероприятий в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы России // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1 (34). С. 100—103.

¹ См.: Горбань Д.В., Бочкарев В.В., Южанин В.Е. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 4 (55). С. 44—48; Горяинов К.К., Зайченко Е.Ю. Направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 22—24; Ковалев О.Г., Орлов А.В. Оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 41-44.

² См. подробнее: Кудрявцев А.В., Кудрявцева Н.Е. Некоторые аспекты оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе // Правовая политика и правовая

жизнь. 2015. № 2. С. 68—74; Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Использование систем видеонаблюдения оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и раскрытия преступлений: вопросы теории и практики // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 2. С. 262—267; Шашин Д.Г. О соблюдении законности при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 56—62; Черезов А.В. Основания и порядок использования результатов режимных, оперативно-розыскных мероприятий, процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 142—146.

³ См., например: Майстренко Г.А. Профилактика межэтнических конфликтов в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Право и управление. 2022. № 12. С. 111—114; Михайлов В.С. Оперативно-розыскное сопровождение осужденных, склонных к незаконным проявлениям // В сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт» / В 2-х частях. Самара, 2020. С. 153—155; Сорокин М.В. Повышение эффективности организации внезапных проверок качества проведения обысков и допросов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 7 (242). С. 18—28.

1 ст. 83 УИК РФ).

Более того, ФЗ «Об ОРД» в ст. 13 лишь упоминает ФСИН России в качестве органа, оперативные подразделения которого имеют право осуществлять ОРД, и то, что оперативные подразделения других органов ОРД вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах (СИЗО) совместно с работниками уголовно-исполнительной системы (УИС).

Вместе с тем Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Закон о содержании под стражей) определяет только, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся в местах содержания под стражей лишь в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений (ст. 34). Ввиду несоответствия ст. 2 ФЗ «Об ОРД», это законодательное положение Закона о содержании под стражей теоретически ставит под вопрос обоснованность и законность деятельности оперативных подразделений СИЗО по выявлению и установлению лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, по осуществлению розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, и т.п. В то же время отсутствие в Законе о содержании под стражей положений, аналогичных ст. ст. 82—84 УИК РФ (хотя в СИЗО и содержатся осужденные к лишению свободы в соответствии со ст. 7 Закона о содержании под стражей и ст. 74, 77 и др. УИК РФ — прим. авт.), не исключает того обстоятельства, что фактически на практике оперативные подразделения СИЗО также преимущественно ориентированы на предупреждение нарушений установленного порядка содержания под стражей, а также в

целом обеспечение личной безопасности лиц на территории СИЗО.

Вышеуказанный подход о том, ОРД фактически является средством обеспечения режима в СИЗО и ИУ проявляется в Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (п. 331) и Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (п. 406), согласно которым распорядок дня содержащихся лиц может быть временно изменен в связи с введением режима особых условий, проведением оперативно-розыскных и иных мероприятий для предупреждения их побега и других преступлений, а также нарушений установленного порядка отбывания наказания¹.

Нельзя дополнительно не отметить в части наличия коллизий между оперативно-розыскным и уголовно-исполнительным законодательством, что в ст. 18.1 УИК РФ полномочия по объявлению розыска и осуществлению ОРД при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, возложены не только на оперативные подразделения УИС, но и на уголовно-исполнительные инспекции (это противоречит ст. 13 ФЗ «Об ОРД» — прим. авт.)². Кроме того, как указывается в юридической литературе, при нынешнем положении дел, с одной стороны, уголовно-исполнительные инспекции, осуществляющие контроль за поведением осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, имеющих отсрочку исполнения приговора и т.д., в целом не достаточно ориентированы на осуществление оперативно-розыскной деятельности³, но, с другой — возможно, требуется расширение

¹ Приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 "Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы".

² См.: Горяинов К.К., Иванов И.А. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 3—6.

³ См. подробнее: Кабанова Ж.Ю. К вопросу об обеспечительной деятельности криминалистического характера, осуществляемой сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций // Вестник

их полномочий в этой сфере¹.

При этом в ч. 1 ст. 18.1 УИК РФ используется термин «первоначальные розыскные мероприятия», о которых в ФЗ «Об ОРД» не упоминается, а правовой статус и результаты использования которых не определены ни в теории, ни в оперативно-розыском и уголовно-исполнительном законодательстве (хотя им посвящен раздел IX «Порядок проведения первоначальных розыскных мероприятий по установлению местонахождения осужденных» в Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества² — прим. авт.), что в ряде случаев затрудняет их эффективное использование на практике³.

Обратим внимание и на коллизии оперативно-розыского и уголовного законодательства, в частности, относительно вопросов освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих с оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД.

Так, в теории оперативно-розыскной

деятельности уже устоявшимся утверждением является то, что мотивами такого сотрудничества осужденных могут являться, помимо прочего: стремление улучшить условия своего содержания в ИУ, обмен информации на обещание сотрудников учреждения «закрыть глаза» на незначительные правонарушения, возможность освобождения осужденных из мест лишения свободы и т.п.⁴ Кроме того, возможно, на практике в целом содействие с оперативными подразделениями может приводить к уменьшению объема правоограничений у осужденного, более эффективной реализации его законных интересов, условно-досрочному освобождению от отбывания наказания и т.п.

Ст. 18 ФЗ «Об ОРД» закрепляет, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред,

Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 128—132; Назарова А.Б. Проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // В сб. матер. VIII Межд. науч.-практ. конф. «Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики» / Под ред. Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. М., 2022. С. 71—75; Прокопов В.Б. О проблеме организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и полиции по розыску лиц, уклоняющихся от исполнения наказания // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 2 (12). С. 41—43.

¹ См.: Горяинов К.К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 4. С. 396-400; Ковалев О.Г. Профилактика криминального поведения наркозависимых лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций (организационно-правовой и психологический аспекты) // Образование и право. 2024. № 9. С. 339—343.

² Приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»

³ См., например: Ольховик Н.В. Меры предупреждения рецидивной преступности и воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 470—484; Семенчук В.В., Карпенко Н.А. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора (на примере обоснования необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 158—166; Смирнова И.Н., Васенков М.В. Организационно-правовые аспекты первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных без изоляции от общества // Закон и право. 2022. № 4. С. 200-203; Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций на стадии исполнения приговора // В матер. межд. науч.-практ. конф. и кругл. столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России «IV Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление"» / в 10 т. Рязань, 2019. С. 350—353.

⁴ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 213—214, 220.

освобождается от уголовной ответственности. Данное положение представляется актуальным и в отношении в целом широко круга лиц, в том числе совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, и, в частности, уже отбывающих наказание в виде лишения свободы ввиду того, что в ИУ также необходимо предупреждать, выявлять и раскрывать преступления осужденных в процессе отбывания наказания, а также содействовать в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных другими осужденными до осуждения. При этом содействие в выявлении и раскрытии ранее совершенных преступлений представляется не менее важным направлением, чем противодействие совершаемым пенитенциарным преступлениям, что также теоретически должно «положительно» отражаться на процессе отбывания наказания осужденным, поскольку такая помощь в раскрытии иных преступлений может «перевесить» тяжкие последствия, наступившие от преступления, совершенного ранее им самим.

Вместе с тем, проводя сравнительный анализ с положениями ст. 18 ФЗ «Об ОРД», очевидно, уголовное законодательство не содержит, например, такого критерия для освобождения от уголовной ответственности, как «сотрудничество с органом, осуществляющим ОРД», а в отдельных нормах устанавливает более конкретизированные условия, не всегда предусмотренные в оперативно-розыскном законодательстве: впервые совершение преступления небольшой или средней тяжести, явка с повинной, содействие расследованию этого преступления (т.е. общественно опасного деяния, совершенного именно этим лицом, а не помощь в выявлении и раскрытии иного преступления — прим. авт.), возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного этим преступлением, и т.п. (ч. 1 ст. 75 УК РФ), активное способство-

вание раскрытию и (или) пресечению преступления (ст. 110.2 УК РФ), и т.п. (на различные коллизии оперативно-розыскного и уголовного законодательства и в этой части обращается внимание исследователями¹).

В этом случае получается, что, судя по положениям уголовного и оперативно-розыскного законодательства фактически осужденный к лишению свободы не стимулируется оказывать содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных другими осужденными до осуждения, так как это напрямую не способствует «облегчению» отбывания им наказания или его досрочному освобождению из ИУ. К слову, положения, например, ст. 79 УК РФ также не содержат никаких критериев для условно-досрочного освобождения, например, осужденного, способствовавшего раскрытию ранее совершенного преступления или предупреждению подготавливаемого общественно опасного деяния в ИУ.

Таким образом, очевидно, что для повышения эффективности осуществления ОРД оперативными подразделениями ФСИН России и другими правоохранительными органами актуальна корректировка соответствующих нормативных правовых актов, в том числе для разрешения имеющихся коллизий оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и иного законодательства.

Список источников

1. Агарков А.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5-6. С. 160—164.
2. Агарков А.В. Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 85—95.
3. Воробьева А.С. Освобождение от уголовной ответственности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, являющихся членами преступной

¹ См.: Воробьева А.С. Освобождение от уголовной ответственности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, являющихся членами преступной

группы, сотрудничающих с оперативными подразделениями // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 122—128.

группы, сотрудничающих с оперативными подразделениями // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 122—128.

4. Горбань Д.В., Бочкарев В.В., Южанин В.Е. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 4 (55). С. 44—48.

5. Горяинов К.К., Зайченко Е.Ю. Направление развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 22—24.

6. Горяинов К. К., Иваньков И. А. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 3—6.

7. Горяинов К.К. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия пенитенциарной преступности // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2 (15). С. 13—18.

8. Горяинов К.К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 4. С. 396—400.

9. Кабанова Ж.Ю. К вопросу об обеспечительной деятельности криминалистического характера, осуществляемой сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 128—132.

10. Капинус О.С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1 (68). С. 95—101.

11. Кашуба Ю.А. Коллизии законодательства в сфере применения уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 69—75.

12. Ковалев О.Г., Орлов А.В. Оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 41—44.

13. Ковалев О.Г. Профилактика криминального поведения наркозависимых лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций (организационно-правовой и психологический аспекты) // Образование и право. 2024. № 9. С. 339—343.

14. Ковалев О.Г. Современные проблемы взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности // Мир криминалистики. 2023. № 2. С. 48—52.

15. Козаченко И.Я., Николаева З.А. Коллизии уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Государство и право. 1993. № 2. С. 85—88.

16. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред.

А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

17. Кудрявцев А.В., Кудрявцева Н.Е. Некоторые аспекты оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 68—74.

18. Кузнецов А.П. Коллизии уголовного законодательства как фактор снижения его качества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 182—184.

19. Куницин С.Н. Коллизии при определении целей и задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 340—350.

20. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Использование систем видеонаблюдения оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и раскрытия преступлений: вопросы теории и практики // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 2. С. 262—267.

21. Майстренко Г.А. Профилактика межэтнических конфликтов в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Право и управление. 2022. № 12. С. 111—114.

22. Мацкевич И.М., Аминов И.И. Криминологическая характеристика коррупции в уголовно-исполнительной системе // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11 (102). С. 217—221.

23. Михайлов В.С. Оперативно-розыскное сопровождение осужденных, склонных к незаконным проявлениям // В сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт» / В 2-х частях. Самара, 2020. С. 153—155.

24. Назарова А.Б. Проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении осужденных, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях // В сб. матер. VIII Межд. науч.-практ. конф. «Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики» / Под ред. Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Москва, 2022. С. 71—75.

25. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995.

26. Овчинников О.М. Дискуссионные вопросы социально-правовой защиты несовершеннолетних, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4 (64). С. 77-88.

27. Ольховик Н.В. Меры предупреждения рецидивной преступности и воспитательная работа с

осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 470—484.

28. Пеньков Е.И. Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования должностных преступлений, совершаемых при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 3 (23). С. 166—172.

29. Петрянин А.В. Внутритраслевые коллизии как следствие реализации ряда новаторских направлений современной уголовной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 203—208.

30. Прокопов В.Б. О проблеме организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и полиции по розыску лиц, уклоняющихся от исполнения наказания // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 2 (12). С. 41—43.

31. Пронина О.В. Некоторые вопросы применения норм Уголовно-исполнительного кодекса и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 4. С. 411—415.

32. Пупышева Л.А. Проблемы унификации понятий (терминов) в законодательстве об уголовном судопроизводстве и исполнении уголовных наказаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 132—142.

33. Рарог А.И. Шаг к устранению коллизий в уголовном законе // В сб. V Межд. науч.-практ. конф. «Современные проблемы уголовной политики» / Под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 15—21.

34. Семенчук В.В., Карпенко Н.А. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора (на примере обоснования необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 158—166.

35. Середа И.М. Некоторые вопросы совершенствования назначения и исполнения уголовного наказания за преступления против налоговой системы // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 40—43.

36. Смирнова И.Н., Васенков М.В. Организационно-правовые аспекты первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных без изоляции от общества // Закон и право. 2022. № 4. С. 200—203.

37. Сорокин М.В. Повышение эффективности организации внезапных проверок качества проведения обысков и досмотров // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 7 (242). С. 18—28.

38. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. Москва: ИНФРА-М, 2006.

39. Уткин А.В. Труд осужденных к лишению свободы как предмет межотраслевого регулирования // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). С. 94—105.

40. Харченко С.В., Яковец Е.Н. Проблемы информационного взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных служб государств-участников Содружества Независимых Государств // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4. С. 68—76.

41. Черезов А.В. Основания и порядок использования результатов режимных, оперативно-розыскных мероприятий, процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 142—146.

42. Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций на стадии исполнения приговора // В матер. межд. науч.-практ. конф. и кругл. столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России «IV Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление"» / в 10 т. Рязань, 2019. С. 350—353.

43. Шашин Д.Г. О соблюдении законности при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 56—62.

44. Щетнёв Л.Е., Томилин С.М. Современное состояние правовой природы проведения оперативно-розыскных мероприятий в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы России // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1 (34). С. 100—103.

On the issue of collisions of operational-search, penal enforcement and other legislation in the execution of imprisonment: some theoretical aspects

© **Kharchenko S.V.**,

Vice-Rector for Academic and Scientific Affairs of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

© **Girko S.I.**,

Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

© **Skiba A.P.**,

Chief Researcher at the Research Laboratory of the Faculty of Scientific and Pedagogical Training and Organization of Scientific Research at the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Abstract. Taking into account the results of a comparative study of the Federal Law "On Operational Investigative Activities", the Penal Enforcement Code of the Russian Federation and other regulatory legal acts, a number of legislative conflicts have been identified that affect the effectiveness of the operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia and other bodies engaged in operational investigative activities. The disadvantages of regulating the tasks of operational investigative activities in correctional institutions, their maintenance, encouraging those sentenced to imprisonment to assist in the detection, prevention and disclosure of crimes, etc. are highlighted.

Keywords: operational investigative activities; conflicts of legislation; correctional institutions; assistance to persons sentenced to imprisonment; detection, prevention and disclosure of crimes.

For citation: Kharchenko S.V., Girko S.I., Skiba A.P. On the Issue of Conflicts of Operational-search, penal enforcement and Other Legislation in the Execution of imprisonment: some theoretical aspects // Military Law. 2025. No. 2. pp. 148-157.

The article was received by the editorial office on March 21, 2025.

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

О проблемных вопросах учреждения специального международного военного трибунала как механизма имплементации ответственности военно- политических союзов

© Баймышев Владимир Геннадьевич,
магистрант Института законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Проблема отсутствия действенных механизмов привлечения военно-политических союзов к международно-правовой ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права, преступлений против мира и человечности сохраняет в текущих геополитических условиях высокую актуальность. В статье анализируется исторический опыт международных военных трибуналов *ad hoc* (Нюрнбергский, Токийский, МТБЮ, МУТР), выявляя их вклад в формирование прецедентов коллективной ответственности, а также системные ограничения, связанные с фрагментарностью мандатов, политизацией принятых ими решений и доминированием «индивидуально-центричной» парадигмы. Уделено внимание критике легитимности трибуналов, учрежденных резолюциями Совета Безопасности ООН, в контексте превышения полномочий и отсутствия договорной основы. Предложены пути реформирования системы международного правосудия, включая: разработку многосторонних соглашений для создания специализированных трибуналов *ad hoc*; расширение универсальной юрисдикции на коллективные субъекты; интеграцию доктрины «контроля над организацией» для установления ответственности военно-политических союзов.

В заключении статьи подчеркивается, что адаптация трибуналов *ad hoc* к современным вызовам требует не только правовых новаций, но и консолидации политической воли государств, что может стать основой для укрепления верховенства права в условиях растущей активности военных альянсов.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность, военно-политические союзы, международные военные трибуналы *ad hoc*, Совет Безопасности ООН, Нюрнбергский процесс.

Для цитирования: Баймышев В.Г. О проблемных вопросах учреждения специального международного военного трибунала как механизма имплементации ответственности военно-политических союзов // Военное право. 2025. № 4. С. 158—165.

Статья поступила в редакцию 23 мая 2025 г.

Отсутствие в современной системе международного права практических механизмов привлечения к международной ответственности военно-политических союзов (ВПС) как коллективных субъектов, обладающих значительным военным потенциалом, создает ситуацию, при которой ВПС оказываются вне юрисдикции

институтов международного правосудия¹. Военные альянсы, как правило, не участвуют в международных договорах, содержащих положения, которые обязывают разрешать споры и ситуации через независимые судебные органы. Классические инструменты правосудия либо ограничены *ratione personae* (п. 1 ст. 34 Статута

¹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения

норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

Международного Суда ООН), либо фокусируются на индивидуальной, а не коллективной ответственности (ст. 25 Римского статута Международного уголовного суда), либо решают споры внутри самой организации (например, административный трибунал НАТО, военный суд (трибунал) ОДКБ).

Задействованию национальных судов препятствует наличие у военно-политических союзов иммунитетов. В соответствии со ст. 105 Устава ООН международные организации, как и государства, обладают функциональным иммунитетом. Для его преодоления требуется согласие соответствующего субъекта международного права.

Проблемные вопросы, касающиеся разрешения международных споров и ситуаций, в которых одной из сторон может выступать международная межправительственная организация, неоднократно вносились в регламент заседаний Комиссии международного права ООН. В ходе подготовки отчетного документа в 2011 г. был разработан раздел «Мирное урегулирование споров». В нем получили отражение достаточно прогрессивные предложения о «совершенствовании процедур урегулирования споров с участием международных организаций» и о «проведении Комиссией более широкого исследования по вопросу о доступе различных субъектов (государства, международные организации, физические лица и т. д.) к тем или иным механизмам урегулирования споров и о статусе таких субъектов в указанных механизмах»¹. Инициатива Комиссии была передана на дальнейшую доработку в специальную рабочую группу и до настоящего времени не реализована.

В этом контексте специальные международные военные трибуналы, предлагаемые к созданию для расследования конкретных споров и ситуаций с участием международных организаций, выступают в роли уникального прецедентного механизма, который может быть адаптирован для решения проблемы привлечения к ответственности военно-политических союзов.

В ходе развития института международных трибуналов *ad hoc* с учреждением Нюрнбергского (1945) и Токийского (1946) военных трибуналов, трибуналов по бывшей Югославии (1993) и по Руанде (1994), специальных трибуналов по Сьерра-Лионе (2000) и по Ливану (2007) были сформированы фундаментальные основы привлечения к ответственности лиц, групп и организаций за военные преступления, преступления против человечности и геноцид². Такие их ключевые особенности, как узкая специализация на конкретных событиях и временный мандат, позволяли оперативно реагировать на масштабные правонарушения³.

Вместе с тем, реактивный (создаются *post factum*) и фрагментарный (мандат ограничен географически *ratione loci* и хронологически *ratione temporis*, правовая база формируется под конкретный конфликт) характер трибуналов *ad hoc* в контексте ВПС препятствует выработке универсальных стандартов ответственности организаций.

Помимо этого, юрисдикция данных судебных органов (за исключением Нюрнбергского трибунала) в основном ограничивалась физическими лицами (*ratione personae*), оставляя за рамками рассмотрения роль международных орга-

¹ Working paper on peaceful settlement of disputes prepared by Sir Michael Wood, 2011 (A/CN.4/641). P. 8. § 20. URL: <http://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/641>; Report of the International Law Commission on the work of its sixty-third session, 2011 (A/66/10). P. 299. § 416. URL: <http://legal.un.org/docs/?symbol=A/66/10>.

² Холиков И.В. Наследие Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок : сборник научных

докладов и выступлений Международной научно-практической конференции / Институт государства и права РАН. М.: Юнити-Дана, 2020. С. 244—253.

³ Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604.

низаций, прежде всего военно-политических союзов, ставших в современной истории системными участниками вооруженных конфликтов. Например, в дополнение к уже упомянутому МТБЮ, отказавшемуся принимать к заслушиванию дела против НАТО, Специальный трибунал по Ливану при расследовании убийства Р. Харири, несмотря на очевидную причинно-следственную связь правонарушения с деятельностью группировки «Хезболла», не позиционировал данную организацию как субъект ответственности. По аналогии с ними гибридные трибуналы по Сьерра-Леоне и по Камбодже избегали прямой постановки вопросов об институциональной ответственности, что демонстрирует превалирование «индивидуально-центричной» парадигмы в международном праве.

Тем не менее, практика трибуналов *ad hoc* содержит косвенные прецеденты, значимые для темы ответственности ВПС. Так, в решении МТБЮ по делу Тадича (1995) был сформулирован тезис о «контроле над организацией» как критерии ответственности государства за действия негосударственных групп. Кроме того, Резолюция СБ ООН № 827 (1993), учредившая МТБЮ, косвенно признала роль организаций в конфликтах, уполномочив трибунал расследовать «широкомасштабные и вопиющие нарушения положений международного гуманитарного права» — термин, подразумевающий институциональную, а не только индивидуальную вину.

Этот подход может быть экстраполирован и на ВПС: если альянс при проведении военных операций действует как структурированная организация с централизованным командованием, его ответственность за нарушения МПП должна признаваться производной от институциональных действий.

Правовой основой учреждения Трибунала является международный договор или резолюция Совета Безопасности ООН.

Устав Организации Объединенных Наций прямо не наделяет Совет Безопасности ООН правом создавать трибуналы. Однако Совет уполномочен «решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер»¹. Совет Безопасности может также «учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций»². Это также отражено в правиле 28 Временных правил процедуры Совета.

Согласно Справочнику по практике Совета Безопасности ООН (часть IX) к таким органам относятся «международные трибуналы, которые предназначены для проведения судебных преследований в отношении лиц, ответственных за совершение серьезных преступлений в рамках международного гуманитарного права, или в случаях, когда правительство обращается к Совету с просьбой об оказании помощи в плане расследования и осуществления судебного преследования»³.

При создании нового международного органа правосудия важно обеспечить неукоснительное соблюдение международных процессуальных норм, а также выработать четкое правовое обоснование функций специального ВПС в рамках назначенных компетенций. Это обусловлено наметившейся в системе международных отношений негативной тенденцией выхода организаций, а также их секретариатов, за пределы своих компетенций⁴.

Примерами действий международных организаций *ultra vires* может слу-

¹ Устава ООН. Ст. 41.

² Там же. Ст. 29.

³ Справочник по практике Совета Безопасности. Часть IX. Вспомогательные органы совета безопасности: комитеты, трибуналы и другие органы. / URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789214030836c011/read>

⁴ Sazonova K. L., Kholikov I. V. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38—51.

жить учреждение нелегитимных «атрибутивных» механизмов, наделенных квазиследственными полномочиями, таких, как Технический секретариат ОЗХО; «Постоянный и независимый механизм для сбора доказательств наиболее серьезных преступлений и нарушений международного права, совершенных в Мьянме с 2011 года», созданный резолюцией Совета ООН по правам человека № 39/2; так называемый «Механизм по расследованию в Сирии», учрежденный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 71/248 с превышением Ассамблеей своих полномочий, то есть в нарушение Устава ООН. Опасность, связанная с созданием подобных структур, заключается в том, что их поведение по международному праву рассматривается как деяние соответствующих организаций, что может привести к негативным последствиям в контексте ответственности международных организаций.

С этой целью, принимая во внимание особенности текущей военно-политической обстановки и прогнозируемых перспектив ее дальнейшего развития¹, представляется необходимым подготовить устойчивые юридические основы планируемого к учреждению международного военного трибунала *ad hoc*, в том числе:

— расширить принцип универсальной юрисдикции на коллективные субъекты международного права;

— доработать проект статей об ответственности международных организаций, разработанный Комиссией международного права в интересах принятия на базе его положений соответствующей Декларации;

— заключить межгосударственное соглашение о создании международного

военного трибунала для суда над военно-политическими союзами;

— разработать устав специального международного военного трибунала как приложение к соглашению о создании МВТ;

— рассмотреть и принять в Совете Безопасности ООН Резолюцию, обосновывающую необходимость создания МВТ и заручиться поддержкой Генеральной Ассамблеи ООН, приняв соответствующую декларацию как отражающую волю и консенсус всего международного сообщества в принятии целей и принципов создания МВТ.

Кроме того, представляется необходимым уделить более пристальное внимание неформальному международному правотворчеству, посредством которого организован сбор и анализ практики международных судебных органов, деятельности государств и международных организаций. Значимый вклад в формирование новых прогрессивных норм и принципов международного права вносит неофициальная кодификация, осуществляемая, например, такими организациями, как Институт международного права, Академия сравнительного правоведения и Ассоциация международного права.

Не приравнивая роль международных судов и арбитражей к правотворчеству законодателей, не следует и уменьшать их роль в развитии международного права². Подготовка на основе данной практики комментариев и новых толкований норм права по вопросам международной ответственности позволит выработать решения, которые, как полагается, вызовут минимальные разногласия среди субъектов международного права. По справедливому мнению М.Л. Энтина, «влияние этих решений на содержание

¹ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 121—128; Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4(53). С. 7—18.

² См., например, Макуинни Э. От «классического» международного права к современному // Сов. государство и право. 1989. № 6. С. 80—81; Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 208; Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / С.Л. Нудель, В.Ю. Артемов, А.М. Белялова [и др.]. М.: Проспект, 2023.

складывающихся норм тем сильнее, чем больше они отвечают потребностям развития международных отношений, чем шире международная поддержка, на которую они опираются»¹.

Компетенцию создаваемого Трибунала целесообразно распространить на расследование нарушений Устава ООН, Международного гуманитарного права, Международного права в области прав человека, включая дела о применении силы без санкции СБ ООН, преступления против мира и человечности, военные и экологические преступления, геноцид².

Субъектами ответственности должны выступить военно-политические союзы как международные организации, а также государства-члены ВПС за соучастие в нарушениях по аналогии с концепцией «преступных организаций» в Нюрнберге, доктрины совместной преступной деятельности JCE, введенной МТБЮ, а также с учетом общепризнанного принципа совместной ответственности.

Механизмами реализации международно-правовой ответственности рассматриваются контрмеры и санкции — от приостановки членства государств в военных альянсах и ограничении финансирования до запрета деятельности и роспуска всего военно-политического союза как крайней меры.

Возникающие сложности при создании МВТ возможно преодолеть путем принятия международным сообществом консолидированных решений.

Так, например, международные организации обладают иммунитетом от

юрисдикции национальных судов. Положение об этом, как правило, содержится в учредительных документах данных субъектов международного права³. Право на иммунитет полагается возможным преодолеть путем включения соответствующих оговорок в тексты документов о ратификации устава МВТ, беря за основу прецеденты арбитражной практики.

Исключение политизации при формировании органа международного правосудия, которая может проявляться в блокировании процесса создания МВТ отдельными государствами, предполагает организацию многостороннего переговорного процесса. В ходе консультаций целесообразно продвигать идею прогрессивного развития международного права, используя различные форматы международных диалоговых площадок, начиная прежде всего с регионального уровня государств, непосредственно затронутых правонарушениями. Расширение круга стран-сторонников данного подхода способно трансформировать инструмент, первоначально поддерживаемый ограниченной группой государств, в универсальный международный регуляторный механизм. В этом контексте показательной является позиция США по вопросу регулирования деятельности частных военных и охранных компаний, широко действующих не только на суше, но и на море⁴. Как отметил представитель американской администрации, «консенсус может быть достигнут только путем принятия не имеющего обязательной силы документа»⁵.

¹ Энтин М.Л. Международные судебные учреждения: Роль междунар. арбитраж. и судеб. органов в разрешении межгос. споров. М.: Междунар. отношения, 1984. С. 167.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214—221.

³ Капустин А.Я. Международные организации: правосубъектность и иммунитеты. М., 2020.

⁴ Окоца В.А., Холиков И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Сайфуллин Э.К., Холиков И.В., Окоца В.А. Современные

тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71.

⁵ U.S. General Statement Prepared for the 4th Session, April 17—21, 2023 Delivered by Susan Benda // Open-ended intergovernmental working group mandated to elaborate the content of an international regulatory framework on the regulation, monitoring and oversight of the activities of private military and security companies. / URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/igwg-military/four-session/IGWGonPMSCs-session4-state-us-generalstm.pdf>.

Сложность в подготовке доказательной базы для привлечения субъектов ВПС к коллективной ответственности возможно преодолеть посредством задействования потенциалов и организации взаимодействия национальных следственных органов с институтами гражданского общества, включая наиболее объективные и беспристрастные международные неправительственные организации и общественные объединения. Практика подобной деятельности уже существует, о чем свидетельствуют конкретные примеры:

— Трибунал Рассела по расследованию военных преступлений, совершенных с начала гражданской войны во Вьетнаме — неофициальный частный трибунал, организованный английским философом и общественным деятелем Берtrandом Расселом, совместно с французским философом Жаном-Полем Сартром, проводившийся в 1967 г. Формально трибунал не обладал международными полномочиями, а его решения не имели юридической силы. Однако, по мнению ряда экспертов, именно его обвинительные вердикты, широко освещавшиеся в западных СМИ, во многом повлияли на рост антивоенных настроений в США, что в конечном итоге привело к выводу из Вьетнама американских войск¹;

— Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в Югославии, созданный 23 мая 1999 г. на чрезвычайном съезде Международного союза общественных объединений «Всеславянский Собор» и собравший солидную доказательную базу с глубоким анализом конкретных положений международно-правовых норм и конвенций²;

— «Белая книга» Министерства иностранных дел Союзной Республики Югославии, подготовленная в 1999—2000 гг. в виде двух объемных томов с документальными свидетельствами о преступлениях НАТО на территории бывшей Югославии³;

— Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности» за период с 2022 г. по первое полугодие 2024 г. и Итоговый доклад МИД России по преступлениям киевского режима в 2024 году. Документы обобщают открытые материалы российских компетентных ведомств, общественных организаций, журналистов и независимых экспертов с целью систематизировать факты о террористических проявлениях киевского режима, который не скрывает, что поставил на ежедневную основу совершение незаконных атак на российские гражданские объекты и мирное население, в том числе с использованием поставляемого странами коллективного Запада вооружения и военной техники⁴.

При решении вопроса о технической и правовой возможности создания Международного военного трибунала *ad hoc* следует учитывать, что повторить опыт учреждения таких органов международного правосудия, как Международный трибунал по бывшей Югославии или по Руанде, представляется затруднительным. Международное право сталкивается с доминированием неправового принципа «право сильного», который за счет деструктивных действий государств коллективного Запада, вопреки общепринятым нормам *jus cogens*, лишь укрепляет свои

¹ B. Russell, War Crimes in Vietnam. Ed. Monthly Review, January 1967. ISBN978-0-85345-058-0; Watling, John (1970) Bertrand Russell. Oliver & Boyd. ISBN978-0-0500-2215-3.

² Вердикт Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии. София, 1 октября 2000. URL: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000111/000/01021204.htm>

³ Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта – 24 апреля 1999

г. Том I. Белград, 1999. 432 с.; «Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля – 10 июня 1999 г.» Том II. Белград, 2000.

⁴ Холиков И. В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 2. С. 105–114. DOI 10.31857/S1026945225020109

позиции. Существующая архитектура ООН, призванная урегулировать международные противоречия на основе верховенства права, не справляется с современными вызовами и угрозами. В этих условиях провести аналогичную резолюцию через Совет Безопасности ООН с учетом жесткого противостояния его постоянных членов, обладающих правом вето, задача чрезвычайно сложная.

Вместе с тем возможные пути достижения консенсуса существуют. Среди них, например, созыв международной конференции, инициирование на площадке ООН формулы «Единство в пользу мира»¹ (при всей спорности и неоднозначности этого явления), формирование региональной группы государств-сторонников проекта, сохранивших политический суверенитет и способность объективно оценивать события в мире, с последующим расширением состава этого объединения.

Таким образом, основной задачей международных военных трибуналов является подведение итогов военных конфликтов и правовая оценка действий сторон посредством судебного разбирательства. Международные трибуналы *ad hoc* в их текущем формате не адаптированы в полной мере для привлечения ВПС к ответственности за международно-правовые деяния. Однако их гибкость и прецедентный потенциал позволяют рассматривать специальные трибуналы как важный механизм формирования новых подходов к имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов. Реформирование мандатов таких МВТ, включение в учредительные акты положений об ответственности организаций и усиление взаимодействия создаваемых трибуналов с судами региональных интеграционных объединений — в строгом соответствии с целями ООН по поддержанию международного мира и безопасности — способны преодолеть системную безнаказанность ВПС за коллек-

тивные нарушения. Реализация этого подхода требует консолидированной политической воли государств.

Несмотря на видимые политические сложности, учреждение специального международного военного трибунала может стать ключевым элементом развития современного военного и международного права, укрепляя верховенство права в условиях растущей активности военно-политических союзов. Как отмечал судья МС ООН Антонио Кассезе, «без ответственности организаций международное право останется инструментом избирательной справедливости»².

Список источников

1. Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604. DOI 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604.
2. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 121—128.
3. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного прав // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214—221.
4. Капустин А.Я. Международные организации: правосубъектность и иммунитеты. Москва, 2020.
5. Макуинни Э. От «классического» международного права к современному // Сов. государство и право. 1989. № 6. С. 80—81.
6. Окоча В.А., Холиков И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158. DOI 10.12737/jrl.2020.154.
7. Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта — 24 апреля 1999 г. Том I. Белград, 1999. 432 с.
8. Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля — 10 июня 1999 г.» Том II.-Белград, 2000.
9. Сайфуллин Э.К., Холиков И.В., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 377 (V) «Единство в пользу мира» / Официальный сайт ООН / URL: <https://legal.un.org/avl/ha/ufp/ufp.html>.

² Cassese A. The Legitimacy of International Criminal Tribunals // Journal of International Criminal Justice. 2013. Vol. 11.

10. Тункин Г.И. Теория международного права. Москва, 1970.
11. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / С.Л. Нудель, В.Ю. Артемов, А.М. Белялова [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. 352 с.
12. Холиков И.В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 2. С. 105—114. DOI 10.31857/S1026945225020109.
13. Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4(53). С. 7—18.
14. Холиков И.В. Наследие Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сборник научных докладов и выступлений Международной научно-практической конференции / Институт государства и права РАН. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Юнити-Дана"», 2020. С. 244—253.
15. Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.
16. Энтин М.Л. Международные судебные учреждения: Роль междунар. арбитраж. и судеб. органов в разрешении межгос. споров. Москва: Междунар. отношения, 1984.
17. B. Russell, War Crimes in Vietnam. Ed. Monthly Review, January 1967.
18. Cassese A. The Legitimacy of International Criminal Tribunals // Journal of International Criminal Justice. 2013. Vol. 11.
19. Sazonova K. L., Kholikov I.V. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38—51.
20. Watling, John (1970) Bertrand Russell. Oliver & Boyd. ISBN978-0-0500-2215-3.

On the problematic issues of establishing a special international military tribunal as a mechanism for implementing the responsibility of military-political alliances

© Baymyshev V.G.,

master's degree student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract. The problem of the lack of effective mechanisms for bringing military-political alliances (MPAs) to international legal responsibility for violations of international humanitarian law, crimes against peace and humanity remains highly relevant in the current geopolitical conditions. The article analyzes the historical experience of international military tribunals *ad hoc* (Nuremberg, Tokyo, ICTY, ICTR), identifying their contribution to the formation of precedents of collective responsibility, as well as systemic limitations associated with the fragmentation of mandates, politicization of their decisions and the dominance of the "individual-centric" paradigm. Attention is paid to criticism of the legitimacy of tribunals established by UN Security Council resolutions in the context of abuse of power and the absence of a treaty basis. The article proposes ways to reform the international justice system, including: development of multilateral agreements to create specialized *ad hoc* tribunals; expansion of universal jurisdiction to collective entities; integration of the doctrine of "control over the organization" to establish the responsibility of the UPU.

In conclusion, the article emphasizes that the adaptation of *ad hoc* tribunals to modern challenges requires not only legal innovations, but also the consolidation of the political will of states, which can become the basis for strengthening the rule of law in the context of the growing activity of military alliances.

Keywords: international legal responsibility, military-political alliances, international military tribunals *ad hoc*, UN Security Council, Nuremberg Trials.

For citation: Baymyshev V.G. On Problematic Issues of the Establishment of a Special International Military Tribunal as a Mechanism for Implementing the Responsibility of Military-Political Unions // Military Law. 2025. No. 4. pp. 158-165.

The article was received by the editorial office on May 23, 2025.

История развития международно-правового регулирования экоцида (военно-правовой анализ)

© Кириченко Николай Сергеевич,
юрист, кандидат юридических наук

Аннотация. Тема международной регламентации экоцида по-прежнему беспокоит многие ученые умы по всему миру. Безусловно, данное преступление представляет большую опасность для всего человечества. Данная тема остается актуальной, так как многие вопросы, связанные с ней, до настоящего времени не решены. Экоцид не является самостоятельным международным преступлением, однако он входит в состав другого международного преступления. При этом включение данного вида нарушения в число противоправных деяний имеет свою историю. В данной статье сквозь призму военного права представлен краткий анализ истории развития международно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступление экоцида.

Ключевые слова: экоцид, военный экоцид, международные преступления.

Для цитирования: Кириченко Н.С. История развития международно-правового регулирования экоцида (военно-правовой анализ) // Военное право. 2025. № 4. С. 166—176.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2025 г.

В современном мире мы наблюдаем значительный рост количества международных преступлений и иных правонарушений международного характера. Это обусловлено существенным развитием технологий, расширением глобализации и усилением международной интеграции. Подобные преступления представляют собой большую угрозу безопасности и стабильности для всех стран нашей планеты. В связи с этим изучение международных преступлений чрезвычайно актуально в современном мире, о чем свидетельствуют различные работы российских ученых¹.

Создание оружия массового поражения, в особенности ядерного, сделало линейные войны главных геополитических игроков чрезвычайно опасным занятием,

за которым могло последовать взаимное уничтожение. Значительные усилия стали прилагаться в сфере невооруженной борьбы и борьбы спецслужб, а крупномасштабные войны стали заменяться локальными вооруженными конфликтами. Речь идет фактически о том, что сложившиеся в течение многих веков линейные матрицы войны оказываются несостоятельными, что обуславливает переход к новой адекватной нелинейной парадигме гибридной войны как нового, комплексного и самостоятельного многомерного измерения войны².

В настоящее время очень остро стоит проблема предупреждения и борьбы с международными преступлениями, непосредственно угрожающими безопасности и интересам международного сообщества

¹ Гагарин Е.О. Есть ли будущее у международного гуманитарного права? // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 244—251; Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025; Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 25—43; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 20—22; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Понятие и сущность военного экоцида // Военное

право. 2024. № 5 (87). С. 128—132; Власов С.Ю., Харитонов С.С. Истинность приговора (военно-судебная практика) // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 98—106; Mikryukov V.O., Melkov S.A., Shshanskiy A.S., Kholikov I.V., Gruver N.V. About the impact of the concept of eogovernment on modern education in Russia // В книге: SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks». 2020. С. 1007.

² Бартош А. А. «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. № 1. 2018. С. 7.

в целом, к которым относится и экоцид. Вместе с тем необходимо отметить, что экоцид пока не признан в качестве самостоятельного международного преступления.

Согласно популярному мифу, после разрушения Карфагена в 146 г. до н.э. римляне не просто сравняли город с землей, но и посыпали его поля солью, чтобы сделать землю бесплодной на века. Это событие иногда называют первым в истории актом «экоцида» (умышленным уничтожением окружающей среды как методом войны)¹.

Впервые потребность международного сообщества в установлении уголовной ответственности за деяния, причиняющие значительный ущерб окружающей среде, появилась во второй половине XX в. и это было связано с действиями армии США в войне против Вьетнама. В период с 1961 по 1971 г. американцы массово использовали химические гербициды и дефолианты с целью уничтожения джунглей, в которых прятались партизанские отряды. Данные действия, совершаемые с прямым умыслом, были направлены на уничтожение экосистем, приводили к массовой гибели живых существ и имели широкомасштабные и долгосрочные негативные последствия.

В связи с этими событиями американский профессор-биолог А.В. Галстон охарактеризовал указанные действия армии США как экоцид, понимая под ним массовый ущерб и разрушение экосистемы Вьетнама. В 1972 г. премьер-министр Швеции Улоф Пальме на Стокгольмской конференции, посвященной проблемам охраны окружающей среды, впервые публично использовал термин «экоцид» и рассмотрел проект Конвенции об экоциде².

В мае 1977 г. (вступила в силу в 1978 г.) 33 государства, в том числе и СССР, подписали в Женеве международную Конвенцию «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» (ENMOD)³. Конвенция направлена против воздействий, которые могут причинить значительный ущерб людям, экосистемам или климату.

Основными положениями Конвенции является:

— установление запрета на использование средств воздействия на природную среду в военных целях;

— обязанность участников соглашения не использовать методы изменения окружающей среды (например, искусственное создание землетрясений, цунами, изменение климата или озонового слоя) в качестве оружия;

— закрепление определения «средств воздействия», под которыми средствами технологии, способные изменять динамику, состав или структуру Земли (включая биосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу);

— установление запрета на широкомасштабные, долгосрочные или серьезные последствия;

— разрешено мирное использование методов — научные и гражданские проекты (например, управление погодой для сельского хозяйства) не запрещены.

В июне 1977 г. на международном уровне положения, устанавливающие запрет причинения ущерба окружающей среде, были закреплены в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (Протокол I). Согласно ст. 35 (основные нормы) указанного документа в случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или

¹ Карфаген. Всемирная историческая энциклопедия. URL: <https://www.worldhistory.org/trans/ru/> (дата обращения 26.08.2024).

² Лобач Д.В., Углова Е.А. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 136—148.

³ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [рус., англ.] (Вместе с «Консультативным комитетом экспертов») (Заключена 10.12.1976). СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 13.05.2025).

средства ведения войны не является неограниченным. Запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания. Запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Кроме этого, согласно ст. 55 (защита природной среды) при ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. Такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения. Причинение ущерба природной среде в качестве репрессалий запрещается¹.

Однако, в Конвенции не закреплено понятие «экоцид», что является очень важным для международного права.

Далее, в 1991 г. Комиссия международного права ООН приступила к рассмотрению законопроекта, предусматривающего включение понятия «Экологическое преступление» в проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Данный процесс продолжался несколько лет и в конечном итоге в 1998 г. привел к принятию Римского статута Международного уголовного суда. В процессе работы над проектом кодекса Комиссией международного права обсуждались различные аспекты международного уголовного права, в том числе включающие экологические преступления, поскольку они имеют большое значение для безопасности человечества и его устойчивого развития. Однако в окончательную редакцию Римского статута, принятого в 1998 г., не было включено конкретное понятие «экологическое преступление». Это

произошло по причине сильного сопротивления со стороны Великобритании, Франции, США и Нидерландов. Указанные государства выразили опасения о том, что введение статей об экологических преступлениях может стать причиной чрезмерной юридической ответственности и интервенции в их внутренние дела. Данные опасения связаны с вопросами о подлинности применения таких законов и возможностью их использования в политических целях. На фоне глобальных экологических вызовов описанное сопротивление вызывает дискуссии о том, как лучше всего интегрировать защиту окружающей среды в систему международного права. Возможное исключение соответствующих статей из окончательного варианта документа подчеркивает сложность в достижении договоренности среди государств, особенно когда речь идет о пересечении интересов экологии и национальных приоритетов.

Указанная тема продолжает оставаться предметом обсуждений и споров среди международных правозащитников и ученых. Экологи утверждают, что создание четкой правовой основы для преследования экологических преступлений позволило бы значительно усилить защиту окружающей среды в контексте международного права. Данные обсуждения продолжаются и в рамках других международных форумов и соглашений.

Мы согласны с указанным мнением и полагаем, что международное закрепление экологических преступлений, а также установление понятия «экоцид» необходимо для обеспечения безопасности всего мира.

При этом международное гуманитарное право запрещает применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде. Применительно

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и

дополнениями). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/chapter/5cb260c13bb77991855d9c76f8d1d4c8/> (дата обращения 13.05.2025).

к военным преступлениям экоцид представляет собой запрещенные международным правом методы ведения военных действий и имеет своей целью разрушение окружающей жизненно важной для человека природной среды и разрыв нормальных связей между человеком и природой. Подпунктом «б» п. 2 ст. 8 Устава Международного уголовного суда предусмотрено, что серьезным нарушением законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, является «умышленное совершение нападения, когда известно, что нападение явится причиной ... обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством»¹.

Важно отметить, что перечень международных преступлений впервые был четко сформулирован в уставах Международных военных трибуналов в Нюрнберге (1945 г.) и Токио (1946 г.). Эти принципы были позднее подтверждены и развиты в Римском статуте Международного уголовного суда (1998 г.).

К основным международным преступлениям относятся:

- геноцид;
- преступления против человечности;
- военные преступления;
- агрессия.

Вышеназванные группы преступлений являются серьезными международными преступлениями, вызывающими озабоченность всего мирового сообщества. В этой связи стоит сказать о том, что необходимо включить в перечень таких преступлений и экоцид в качестве пятого преступления против мира и соответственно внести поправки в Римский статут. Внесение таких изменений в Римский

статут позволит сделать возможным судебное преследование через Международный уголовный суд. Наряду с изменениями в Римском статуте в связи с особой важностью защиты экосистемы и пресечения акций экоцида необходимо разработать отдельный нормативно-правовой акт, посвященный данному международному преступлению².

В заключение настоящей статьи полагаем необходимым сделать вывод о том, что экоцид необходимо признать самостоятельным международным преступлением, а также на международном уровне необходимо закрепить понятие «экоцид».

Список источников

1. Бартош А.А. «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 1. С. 5—13.
2. Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития) : монография. Москва: За права военнослужащих, 2011. 288 с.
3. Власов С.Ю., Харитонов С.С. Истинность приговора (военно-судебная практика) // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 98—106.
4. Гагарин Е.О. Есть ли будущее у международного гуманитарного права? // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 244—251.
5. Кибальник, А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 20—22.
6. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Понятие и сущность военного экоцида // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 128—132.
7. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. EDN KYVIBT
8. Кудашкин, А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 25—43.
9. Лобач, Д.В., Углова Е.А. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 136—148.

¹ Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития) : монография. М.: За права военнослужащих, 2011.

² Широченко И.О., Новикова Д.А., Шитова Т.В. Экоцид как международное преступление против мира и безопасности человечества // Аграрное и земельное право. 2019. № 10(178).

10. Широченко, И.О., Новикова Д.А., Шитова Т.В. Экоцид как международное преступление против мира и безопасности человечества // Аграрное и земельное право. 2019. № 10(178). С. 142—144.

11. Mikryukov, V.O. About the impact of the concept of egovernment on modern education in Russia / V.O. Mikryukov, S.A. Melkov, A.S. Sushanskiy, I.V. Kholikov, N.V. Gruver // В книге: SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks». 2020.

The history of the development of international legal regulation of ecocide (military-legal analysis)

© Kirichenko N.S.,
lawyer, PhD in Law

Abstract. The topic of international regulation of ecocide continues to be of concern to many scholars around the world. Undoubtedly, this crime poses a great danger to all of humanity. This topic remains relevant, as many issues related to it have not yet been resolved. Ecocide is not an independent international crime, but it is part of another international crime. At the same time, the inclusion of this type of violation among the list of prohibited acts has its own history. This article provides a brief analysis of the history of the development of international legal norms regulating liability for the crime of ecocide through the lens of military law.

Keywords: ecocide, military ecocide, international crimes.

For citation: Kirichenko N.S. The History of the Development of International Legal Regulation of Ecocide (Military Legal Analysis) // Military Law. 2025. No. 4. Pp. 166-170.

The article was submitted to the editorial office on June 26, 2025.

Военные риски для гражданских космических систем как правовая проблема

© Плакса Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший
научный сотрудник научно-
исследовательского центра (военно-
прикладных исследований) Военного
университета имени князя Александра
невского Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается международно-правовая проблема защиты космических систем гражданского назначения от несанкционированного воздействия на них, в том числе с использованием средств и методов военного воздействия в мирное время и в период вооруженного конфликта. Средства вооружения, способные парализовать гражданскую космическую инфраструктуру, выполняя чисто военные задачи на орбите, не урегулированы ни международными актами, ни актами национального законодательства. Автор ставит эту проблему и пытается найти её решение по аналогии с документами международного гуманитарного права.

Ключевые слова: космическое пространство, космические системы, международное космическое право; вооруженный конфликт; гражданское население; гражданская инфраструктура.

Для цитирования: Плакса В.Н. Военные риски для гражданских космических систем как правовая проблема // Военное право. 2025. № 4. С. 171—176.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2025 г.

Космическая деятельность государств приобретает все большее значение и влияет сегодня на развитие практически всех отраслей хозяйственной деятельности человека. При этом наиболее важными технологическими системами, обеспечивающими большинство основных услуг населению, являются космические системы связи и навигации.

В настоящее время под национальной юрисдикцией различных государств на орбите Земли находится свыше 12 тыс. спутников, при этом до 90 % из них являются спутниками связи, навигации и дистанционного зондирования Земли. Они сканируют огромные территории суши и морских пространств, отслеживают движение воздушных масс, циклонов, атмосферных фронтов. Результаты осуществляемого с их помощью комплексного мониторинга, включая дистанционное зон-

дирование Земли¹ имеют решающее значение для предотвращения и смягчения последствий стихийных бедствий, оказывают существенную поддержку государствам в обеспечении продовольственной безопасности, эффективности сельского хозяйства, природопользования и других отраслей хозяйственной деятельности.

Мультиспектральный анализ сельхозугодий, полученный при помощи космических систем дистанционного зондирования, позволяет составлять не только карты влажности почвы, но и достаточно точно и на больших площадях выявлять наметившиеся участки иссушения и деградации почв и другие проблемы, негативно влияющие на результаты сельскохозяйственного земледелия. Это позволяет рационально рассчитывать ресурсы, повышать эффективность сельхозпроизводителей, прогнозировать урожайность.

¹ Первым международно-правовым актом, регулирующим вопросы дистанционного зондирования Земли, была подписанная 19 мая 1978 г. в Москве Конвенция о передаче и использовании данных

дистанционного зондирования Земли из космоса. В основе конвенции лежит принцип уважения суверенных прав государств на распоряжение своими природными ресурсами.

Полученные при помощи космических систем снимки и сопоставление их с данными дистанционного зондирования Земли позволяют прогнозировать климатические риски и оценивать потенциальный ущерб почве и культурам в результате природного воздействия, прогнозировать возможные наводнения, повышение температуры до критических значений и другие разрушительные природные явления.

Оптические и радиолокационные спутниковые снимки позволяют определить плотность посевов, выявить наиболее продуктивные участки полей, выявить дефицит питательных веществ, зоны распространения вредителей и болезней. Они способствуют принятию своевременных мер по внесению необходимых удобрений, дополнительному орошению, применению средств защиты растений.

В целом, применение космических систем в сельском хозяйстве дает неоспоримые преимущества. Они обеспечивают точную классификацию сельскохозяйственных угодий, мониторинг культур и состояние посевов, позволяют составлять и поддерживать актуальные карты растительности и карты почв, прогнозировать количество осадков и, как следствие, прогнозировать объем урожая, решая, тем самым, задачи продовольственной безопасности.

Космические системы также обеспечивают возможность своевременного предупреждения о чрезвычайных ситуациях. Данные, полученные с их использованием, позволяют властям прогнозировать наступление засухи, извержения вулканов, ураганы, цунами, наводнения, лесные пожары, а также наступление и развитие других кризисных ситуаций. Это позволит своевременно к ним подготовиться и оповестить или эвакуировать население, что, в свою очередь, способствует существенному смягчению последствий стихийного бедствия.

Помощи населению подвергшейся стихийному бедствию или затронутой вооруженным конфликтом территории, когда критически важна для оказания услуг населению гражданская инфраструктура повреждена или разрушена, во многом способствуют сервисы, основанные на использовании космических систем. Крайне важно стабильное функционирование как наземных, так и космических элементов этих систем.

Космические системы оказывают существенное влияние на функционирование инфраструктуры связи и энергетики. Так, электрические сети для синхронизации управления процессами используют точное время, предоставление которого обеспечивается спутниками глобальной навигационной спутниковой системы (ГНСС)¹. Все более широкое применение решений, связанных с синхронизацией по времени, требуется в технологических процессах практически всех отраслей современной экономики. Эталонное время стало неотъемлемым элементом, используемым операторами сетей сотовой связи, электрических сетей и подстанций, мониторинга объектов и транспорта. На него опираются системы безопасности и прогнозирования.

От устойчивости работы космических систем связи критически зависит также функционирование глобальной финансовой сети и обеспечение проведения банковских транзакций при международных расчетах.

Космическая деятельность государств, несмотря на наличие неотъемлемых элементов наземной инфраструктуры, осуществляется во многом непосредственно в космическом пространстве, которое действующее международное право определяет, как международную территорию (пространство). Все государства, обладающие национальными космическими технологиями, самостоятельно или в кооперации имеют право исследовать и использовать космическое пространство. Однако, наличие собственных

¹ Основу ГНСС составляют спутниковые группировки ГЛОНАСС и GPS.

мирных целей не гарантирует от возможного проявления агрессивных актов со стороны недружественного государства, более того, в ситуации вооруженного конфликта.

Несмотря на то обстоятельство, что применение оружия в космическом пространстве сегодня ограничено основным международным договором в сфере космической деятельности и ее международно-правового регулирования — Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г., Уставом ООН и нормами международного гуманитарного права, регулируемыми средствами и методы ведения войны реальность военных операций в космическом пространстве и возможные негативные гуманитарные последствия, связанные с военной деятельностью находят отражение в национальных правовых документах различного уровня, в том числе документах стратегического планирования государств. Так в п. 19 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, среди прочих направлений деятельности, направленных на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, названы: противодействие попыткам отдельных государств (групп государств) добиться военного превосходства путем развертывания систем стратегической противоракетной обороны, размещения оружия в космическом пространстве, заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия и «согласование в рамках ООН элементов нормативного регулирования безопасного осуществления космической деятельности, включая безопасность операций в космическом пространстве в их общетехническом понимании».

В ст. 17 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, также подчеркнута угроза, связанная с активным освоением космического пространства как новой сферы ведения военных действий.

В ст. 15 Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991, среди военных опасностей, которые в зависимости от военно-политической и стратегической обстановки могут перерасти в военные угрозы Российской Федерации, названы создание и размещение потенциальным противником в космосе средств противоракетной обороны и противоспутниковой борьбы, а также ударных систем.

В основу деятельности своих космических сил космические державы, например, США, закладывают обеспечение военного преимущества в космическом пространстве в любых ситуациях, включая вооруженные конфликты¹. В попытках достижения этого преимущества непосредственным объектом воздействия будут космические аппараты и космические системы противоборствующей стороны. Уже сегодня военные возможности по блокировке либо нарушению функционирования космических систем потенциального противника представляют собой достаточно большой спектр. К ним относятся: радиочастотные помехи спутниковой связи; радиочастотные помехи ГНСС-службам; кибератаки на элементы космической системы, в том числе каналы связи и командные центры, прерывание обмена данными со спутниками; лазерное ослепление оптико-электронных датчиков спутников; противоспутниковые кинетические атаки. Космические силы США для реализации своих целей, также ищут способы использования систем направленной энергии².

¹ National Defense Science & Technology Strategy. - U.S. Department of Defense. 2023. 12 p.

² Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего: Официальный сайт МИД России: [Электронный ресурс]. URL:

Таким образом, благодаря развертыванию крупных орбитальных группировок спутников связи и дистанционного зондирования Земли, а также на основе технических инноваций расширяется использование спутниковых систем при обеспечении важных услуг для гражданского населения. В то же время вооруженными силами государств активно используются космические системы для реализации целей национальной обороны и безопасности, что, безусловно, существенно повышает их военный потенциал.

Приведенные обстоятельства вновь подтверждают повторяющуюся на всех этапах развития человечества ситуацию, когда появление новых технологий порождает развитие систем вооружений и, как следствие, существенно влияя на оборонительные и наступательные возможности государств, неизменно требуют дальнейшего совершенствования.

В результате внедрения военных космических технологий в инфраструктуру, обеспечивающую гражданские сервисы, космические системы приобретают многоцелевой характер. Следовательно, выполняя военные и гражданские функции, они становятся объектами двойного назначения. Рассматривая подобную интеграцию при использовании космических систем в свете международно-правовой оценки и возможных негативных последствий в ситуации вооруженного конфликта, нельзя не учитывать потенциальные гуманитарные угрозы, связанные с подобным развитием. Используемые, в том числе в военных целях, элементы гражданской инфраструктуры становятся законной военной целью и могут быть подвержены нападению в соответствии со статьями 48; 52 (2) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (ДП I (1977 г.)). Их поражение в

космосе неминуемо причинит вред на Земле, нарушив или прекратив предоставление соответствующих гражданских сервисов¹.

Нападение на элементы, связанные с предоставлением услуг связи и навигации космических систем государств в космическом пространстве, нарушит процессы, обеспечивающие работу гражданских служб, вызовет задержки и отказы в работе важных сервисов, и нанесет реальный ущерб гражданскому населению. При этом подвергшийся нападению объект физически может продолжать находиться на орбите. Так, при кибератаке на элементы космической системы или постановке в отношении нее радиочастотных помех возникнут перебои в работе спутниковых сервисов, при том, что физически целостность объектов космической системы не нарушается. В то же время непосредственная кинетическая атака на спутники, обеспечивающие предоставление инфраструктурных сервисов, не только выведет их из строя, нарушив целостность и/или функциональность, но и создаст значительное количество космического мусора.

В свою очередь, космический мусор также является существенным фактором гуманитарного риска. Образовавшийся в результате военно-космической деятельности мусор способен длительное время находиться на орбите, создавая потенциальную угрозу космическим элементам космических систем государств и, как следствие, предоставлению жизненно важных услуг. В настоящее время в космосе находится почти 128 млн. частиц космического мусора размером более 1 мм и 34 тыс. частиц размером более 10 см. 95 процентов из 17 тыс. каталогизированных на сегодняшний день космических объектов составляет космический мусор². Из-за больших скоростей опасность для космических объектов представляют даже незначительные по массе

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/as-set_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3792556
(дата обращения: 01.11.2024).

¹ Ст. 57 (2) (ii); ст. 57 (4) ДП I (1977 г.).

² Что такое космический мусор и чем он опасен для жителей Земли // Сайт РБК: [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/608044f79a79473d011318f1>

частицы. В зависимости от орбиты скорость частиц в космическом пространстве достигает 14 км/с. Любой космический аппарат или станция при столкновении с объектом космического мусора более 10 см. гарантированно уничтожаются.

Эта проблема на уровне государств и международных организаций поднимается достаточно давно. Так в 1999 г. Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях констатировал, что засоренность космического пространства создает опасность для космических аппаратов, находящихся на околоземной орбите. В целях минимизации рисков, связанных с данной проблемой, Комитетом были разработаны руководящие принципы по предупреждению образования космического мусора¹.

Несмотря на то, что данный документ не является юридически обязательным для государств, тем не менее он содержит важные акценты, нацеленные на формирование национальной практики государств по ограничению наращивания космического мусора на орбите. В документе также дается определение дефиниции «космический мусор», который определяется как «все находящиеся на околоземной орбите или возвращающиеся в атмосферу антропогенные объекты, включая их фрагменты и элементы, которые являются нефункциональными», то есть твердые отходы космической деятельности.

Очевидно, что при осуществлении космической деятельности, в том числе в ситуации вооруженного конфликта, государства обязаны принимать меры предосторожности, предусмотренные международным правом, в частности ст. 57 (2) ДП I (1977 г.) и избегать действий, влекущих за собой появление на орбите Земли и в иных частях космического пространства новых объектов космического мусора.

Таким образом, проанализировав значение и необходимость для современ-

ного общества использования возможностей, связанных с результатами космической деятельности, а также потенциальные гуманитарно-правовые риски, обусловленные, в том числе, законным стремлением государств повышать свой военный потенциал, можно сделать следующие выводы:

1. Особую гуманитарную проблему на сегодняшний день вызывает возможное повреждение космических аппаратов, обеспечивающих связь, навигацию, мониторинг и дистанционное зондирование Земли. Наступление подобных событий повлечет за собой перебои в функционировании энергетической, транспортной, портовой инфраструктуры, водоснабжению и канализации, проблемам в продовольственном и финансовом секторах, здравоохранении, а также в обеспечении смягчения последствий стихийных бедствий и работе служб экстренной помощи на местном, региональном или глобальном уровне.

2. Наряду с развитием космических технологий и их многофункциональным использованием в космических системах, активным использованием в обеспечении жизнедеятельности населения в качестве элементов космической инфраструктуры гражданских сервисов, наблюдается наращивание государствами военно-космических возможностей, обеспеченных данными технологиями. Для того, чтобы сохранялся баланс интересов и международных обязательств, военно-космическая деятельность государств, имеющих законные основания к обеспечению своей обороноспособности и соответствующие возможности, должна в интересах поддержания мира и безопасности учитывать в своем развитии охраняемые международным правом законные интересы остальных участников мирового сообщества на деятельность по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях.

¹ Документ ООН A/AC.105/C.1/L.260 Руководящие принципы МККМ по предупреждению образования космического мусора // Официальный

сайт Организации Объединенных Наций: [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml

3. Правовая неопределенность, складывающаяся в данной сфере должна решаться на основе норм и принципов действующего международного права, включая Устав Организации Объединенных Наций, а также более детального регулирования правовых пределов военно-

космической деятельности государств. В формировании подобной практики государств, выработке новых международно-правовых положений и механизмов контроля за их исполнением активное участие должна принимать, в том числе, военноправовая наука.

Military Risks for Civilian Space Systems as a Legal Problem

© Plaksa V.N.,

Candidate of Law, Senior Researcher at the Research Center (Military Applied Research) of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article examines the international legal problem of protecting civilian space systems from unauthorized influence on them, including using means and methods of military influence in peacetime and during armed conflict. Weapons capable of paralyzing civilian space infrastructure while performing purely military tasks in orbit are not regulated by either international acts or acts of national legislation. The author poses this problem and tries to find a solution by analogy with the documents of international humanitarian law.

Keywords: outer space, space systems, international space law; armed conflict; civilian population; civilian infrastructure.

For citation: Plaksa V.N. Military Risks for Civilian Space Systems as a Legal Problem // Military Law. 2025. No. 4. Pp. 171—176.

The article was submitted to the editorial office on June 24, 2025.

Правовое обеспечение реконверсии и социальной адаптации военнослужащих в государствах — участниках СНГ

© Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и
административного процесса Института
государства и права РАН

Аннотация. Прекращение военной службы влечет для лица не только утрату правового статуса военнослужащего, но и потребность быстрее адаптироваться к условиям так называемой «гражданской» жизни. С целью смягчения трудностей данного переходного периода законодательно закрепляется система мер, позволяющая лицам, увольняемым с военной службы, осуществить профессиональную ориентацию, получить психологическую поддержку, повысить профессиональную компетенцию, облегчить трудоустройство в области предпринимательской деятельности. В статье рассмотрен положительный опыт Республики Молдова в области правового регулирования и осуществления профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих. Этот опыт может быть использован в российских условиях в информационно-аналитических целях, а также в плане совершенствования практической деятельности уполномоченных российских органов в рассматриваемой области.

Ключевые слова: государственное управление; публичное управление; оборона; вооруженные силы; министерство обороны; статус военнослужащих; социальная и правовая защита военнослужащих; увольнение со службы; профессиональная реконверсия военнослужащих; социальная адаптация военнослужащих; Содружество Независимых государств; сравнительное правоведение.

Для цитирования: Редкоус В.М. Правовое обеспечение реконверсии и социальной адаптации военнослужащих в государствах — участниках СНГ // Военное право. 2025. № 4. С. 177—184.

Статья поступила в редакцию 31 мая 2025 г.

Развитие публично-правового управления неизменно связано с совершенствованием общественных отношений в сфере обороны страны, военной службы и статуса военнослужащих¹. Расширяются объемы военно-правовых исследований, о чем пишут в своих работах В.М. Корякин, Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев и иные ученые². О важности сравнительно-правовых исследований в области военного права говорится в монографии, подготовленной

В.К. Ауловым, В.В. Бараненковым, И.В. Баранниковой, И.И. Бутримом, А.Г. Воробьевым, А.И. Землиным, М.В. Коноховым, В.М. Корякиным, В.В. Кудашкиным, Е.А. Свининых, Ю.Н. Тугановым, Г.Ф. Чекмаревым, иными учеными³.

Во всех государствах-участниках СНГ законодательством предусмотрена военная служба, а лица, её проходящие, наделяются статусом военнослужащих.

¹ Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.

² Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С.

2—10; Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. М.: Юрлитинформ, 2025; Туганов, Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учеб. пос. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2022.

³ Военное право / В.К. Аулов, В.В. Бараненков, И.В. Баранenkova [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2021.

Военная служба является основным видом профессиональной деятельности граждан, её проходящих, и её прекращение влечет не только изменение статуса лица, но и для большинства граждан — необходимость адаптироваться к условиям так называемой «гражданской» жизни, поиска нового применения своих способностей к труду, к осуществлению общественно-полезной деятельности. Трудности данного перехода вызвали обоснованное волнение законодателей, что послужило становлению института социальной защиты военнослужащих, увольняемых с военной службы по различным обстоятельствам. Каждое государство решает их по-разному, в соответствии со своими возможностями, традициями, отношением к увольняемым военнослужащим. Данные меры закрепляются, как правило, в законодательных актах, регламентирующих статус военнослужащих.

В государствах СНГ к ним относятся: Закон Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 36 «О статусе военнослужащих»; Закон Республики Армения от 29 ноября 2017 г. № ЗР-195 «О военной службе и статусе военнослужащего»; Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих»; Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 г. № 561-IV ЗРК «О воинской службе и статусе военнослужащих»; Закон Кыргызской Республики от 1 июля 1992 г. № 930-ХП «О статусе военнослужащих»; Закон Республики Молдова от 22 июля 2005 г. № 162-ХVI «О статусе военнослужащих»; Федеральный закон от 27

мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; Закон Республики Таджикистан от 1 марта 2005 г. № 90 «О статусе военнослужащих»; Закон Туркменистана от 25 ноября 2017 г. «О статусе военнослужащих»; Закон Украины от 20 декабря 1991 г. № 2011-ХП «О социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей». Также на Украине принят специальный Закон Украины от 15 июня 2004 г. № 1763-IV «О государственных гарантиях социальной защиты военнослужащих, увольняемых со службы в связи с реформированием Вооруженных Сил Украины, и членов их семей».

Большой пласт вопросов регламентирован подзаконными нормативными правовыми актами, которые принимаются без должной системности, иногда фрагментарно регулируют те или иные вопросы, затрудняя реализацию прав лиц, увольняющихся с военной службы. В этой связи интересен положительный зарубежный опыт регламентации вопросов профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих, что предполагает проведение сравнительно-правовых исследований¹. Опыт правового регулирования в области профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих представляет интерес и для иных категорий сотрудников правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел², органов обеспечения национальной безопасности³, которые сталкиваются с аналогичными проблемами при увольнении со службы.

В этом контексте интерес представляет постановление Правительства Республики Молдова от 19 сентября 2007 г.

¹ Редкоус В.М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах — участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Ю.Е. в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года /

Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 613—620

² Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : Учебник: в 2 частях. Ч. 2 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2023 и др.

³ Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 180 с.

№ 1042 «Об утверждении Положения о профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих, исполняющих военную службу по контракту, и граждан, уволенных в резерв (отставку)» (далее — Положение). В данном документе профессиональная реконверсия и социальная адаптация военнослужащих определена как комплексная система мероприятий государственных центральных отраслевых органов публичного управления и некоммерческих организаций, направленных на обеспечение социальных гарантий по социально-профессиональной реинтеграции военнослужащих по контракту и граждан, уволенных в резерв (отставку), и являющаяся важным звеном политики и стратегии государства в развитии и использовании людского потенциала.

Достоинством рассматриваемого Положения является то, что в нем определены основные задачи профессиональной реконверсии военнослужащих, её принципы, основные методы проведения мероприятий по профессиональной реконверсии, регламентированы организация и процесс профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих.

Так, основными задачами профессиональной реконверсии военнослужащих являются: осуществление государственной политики в области эффективного использования людских ресурсов и обеспечение социальных гарантий по социально-профессиональной интеграции военнослужащих; создание системы профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих путем комплексного осуществления мероприятий по профессиональному информированию, повышению профессиональной компетенции и трудоустройства военнослужащих или их интеграции в предпринимательскую среду; организация проведения мероприятий по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих в соответствии с экономической реструктуризацией и социальной мобильностью; координация деятельности государствен-

ных органов и неправительственных организаций по обеспечению процесса профессиональной реконверсии военнослужащих; развитие профессиональной компетенции военнослужащих и использование их профессиональных знаний, умений и навыков в гражданских областях; реализация профессиональных интересов военнослужащих в соответствии с психофизиологическими особенностями личности и требованиями рынка труда страны; предупреждение безработицы среди граждан, уволенных в резерв (отставку) с военной службы по контракту, и обеспечение активного и полезного образа жизни.

Профессиональная реконверсия и социальная адаптация военнослужащих основывается на следующих принципах: обеспечение прав военнослужащих в социально-профессиональной области; применение программного метода осуществления и управления профессиональной подготовкой, переподготовкой или повышением квалификации военнослужащих; преемственность и координация деятельности всех органов, организаций и учреждений, вовлеченных в процесс профессиональной реконверсии военнослужащих; универсальность активного и добровольного характера со стороны военнослужащих; доступность и возможность заниматься деятельностью для всех военнослужащих.

Основными методами проведения мероприятий по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих являются: индивидуальное, коллективное и массовое информирование военнослужащих путем проведения лекций, бесед, через средства массовой информации и др.; профессиональное консультирование (в выборе профессии для подготовки, переподготовки, повышения квалификации или для трудоустройства); психологическое консультирование (психологическая и психофизиологическая диагностика, психологические тренинги, психологическая коррекция); профессиональная подготовка, переподготовка или повышение квалификации; изу-

чение и использование анкет и специальных вопросников и т.д.

Деятельность по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих предусматривает: создание законодательной и нормативной базы процесса социально-профессиональной реинтеграции военнослужащих, а также приближение этого процесса к реальным экономическим условиям; организация и управление системой профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих; научно-методическое обеспечение деятельности по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих.

Деятельность по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих осуществляется государственными военными структурами, государственными органами и образовательными учреждениями, занимающимися непрерывной профессиональной подготовкой, государственными учреждениями, занимающимися трудоустройством населения, с активным привлечением общественных организаций, средств массовой информации и др.

Деятельность по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих проводится:

— до увольнения с военной службы по контракту — через посредство Министерства обороны, Департамента войск карabinеров Министерства внутренних дел и включает деятельность по профессиональной ориентации, психологической поддержке и совершенствованию профессиональной компетенции военнослужащих последнего года военной службы;

— после увольнения с военной службы по контракту — через посредство Национального агентства занятости населения, публичных образовательных учреждений Министерства образования, культуры и исследований, других министерств и центральных административных органов, некоммерческих организаций и экономических агентов, независимо от формы собственности, и включает деятельность по: профессиональному отбору;

повышению профессиональной компетенции; трудоустройству; консультированию и/или поддержке в открытии предпринимательской деятельности.

Области и специальности для подготовки, переподготовки или повышения квалификации военнослужащих устанавливаются на основе исследования и анализа рынка труда, а также по просьбе военнослужащих.

Координация действий субъектов, вовлеченных в процесс профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих, осуществляется Координационным советом по проблемам профессиональной реконверсии военнослужащих, созданным общим приказом военных структур Вооруженных сил.

Процесс профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих включает: профессиональную ориентацию и психологическую поддержку; повышение профессиональной компетенции; трудоустройство или консультирование в области предпринимательской деятельности.

Профессиональная ориентация и психологическая поддержка военнослужащих состоит из комплекса мероприятий, предусмотренных для оказания содействия военнослужащим в планировании гражданской деятельности с учетом индивидуальных способностей личности и развития социально-экономических условий, а также психологической поддержки военнослужащих для интеграции в профессиональную гражданскую среду.

Профессиональная ориентация и психологическая поддержка военнослужащих предусматривает:

— во-первых, профессиональное информирование военнослужащих о: спросе и предложении на рынке труда (о ремеслах и профессиях, об условиях работы и оплаты труда, о требованиях работодателей и динамике работы); возможностях трудоустроиться или интегрироваться в предпринимательскую среду; возможностях усовершенствования профессиональной компетенции и условиях трудоустройства после окончания курсов;

— во-вторых, обеспечение консультационных услуг относительно: определения личных профессиональных умений и возможности выбора конкретной гражданской профессии/ремесла; проектирования гражданской деятельности и использования разнообразных техник в поиске подходящего места работы; необходимых действий для выбора профессии и совершенствования профессиональной компетенции исходя из личных интересов и социально-экономических условий в стране;

— в-третьих, психологическую поддержку военнослужащих в: адаптации к реальным социальным условиям для реализации профессиональной карьеры и устранения психологических проблем, которые препятствуют социальному и профессиональному самоопределению личности; адекватной самооценке, преодолении кризисных ситуаций и адаптации к условиям гражданской деятельности; улучшении социально-психологических условий и продвижении конкурентоспособности на рынке труда.

Совершенствование профессиональной компетенции военнослужащих является важным звеном процесса непрерывного обучения людских ресурсов и преследует цель развивать профессиональные знания и навыки военнослужащих до качественного уровня, соответствующего требованиям гражданской профессии/ремеслу или деятельности в предпринимательской сфере.

Процесс совершенствования профессиональной компетенции военнослужащих включает подготовку, переподготовку или повышение квалификации военнослужащих и предусматривает: мониторинг рынка труда в части актуального и перспективного спроса и предложений; определение гражданских областей и специальностей, в которых следует подготовить, переподготовить или повысить квалификацию военнослужащих; конкурсный отбор в соответствии с требованиями

действующего законодательства организаций и образовательных учреждений, которые будут совершенствовать профессиональную компетенцию военнослужащих; профессиональный отбор военнослужащих и формирование групп для обучения; совершенствование профессиональной компетенции военнослужащих в областях, соответствующих спросу и предложениям на рынке труда, которое позволит выпускникам курсов трудоустроиться или начать предпринимательскую деятельность; дидактическое обеспечение процесса совершенствования профессиональной компетенции военнослужащих (разработка учебных планов, программ, методических материалов и др.); организация и мониторинг процесса профессионального обучения военнослужащих; использование в процессе обучения интенсивных технологий и методик; оценка уровня профессиональных знаний и умений выпускников курсов.

Совершенствование профессиональной компетенции военнослужащих осуществляется на основе учебных планов и программ, разработанных и утвержденных в соответствии с действующим законодательством, и проводится: центрами по профессиональной реконверсии военнослужащих; образовательными учреждениями, которые проводят профессиональное обучение и имеют лицензию, выданную согласно закону; территориальными агентствами занятости населения (для граждан, подпадающих под действие законодательства содействия занятости населения и страховании по безработице)¹.

Направление военнослужащих на курсы совершенствования профессиональной компетенции осуществляется воинскими частями и учреждениями Министерства обороны, Департамента войск карabinеров Министерства внутренних дел.

Зачисление военнослужащих на

¹ Закон Республики Молдова от 14 июня 2018 г. № 105 «О содействии занятости населения и страховании по безработице».

курсы совершенствования профессиональной компетенции осуществляется на основании: личного заявления; направления военных частей и учреждений военных структур (в котором указывается выслуга лет и социальные гарантии, на которые имеет право военнослужащий); документов об окончании учебы; копии удостоверения личности.

Условия обучения и оценки профессиональной квалификации военнослужащих определяется внутренним уставом образовательного учреждения, который согласовывается с иными уполномоченными органами.

Процесс совершенствования профессиональной компетенции военнослужащих заканчивается сдачей квалификационных экзаменов. Лицам, сдавшим квалификационные экзамены, выдаются сертификаты об окончании курсов.

Трудоустройство военнослужащих осуществляется в соответствии с действующим законодательством напрямую через экономических агентов или через территориальные агентства занятости населения.

Трудоустройство военнослужащих проводится по усмотрению военнослужащих: 1) после увольнения с военной службы по контракту, без прохождения курсов совершенствования профессиональной компетенции; 2) после окончания курсов совершенствования профессиональной компетенции.

Организация процесса профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих и управление им осуществляются: во-первых, Министерством обороны совместно с Министерством внутренних дел; во-вторых, Министерством здравоохранения, труда и социальной защиты и Национальным агентством занятости населения; в-третьих, Министерством образования, культуры и исследований и образовательными учреждениями, вовлеченными в процесс совершенствования профессиональной компетенции военнослужащих; в-четвертых, центрами по профессиональной ре-

конверсии военнослужащих. Министерство обороны, Министерство внутренних дел несут ответственность за организацию и развитие деятельности по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих. Руководители образовательных учреждений, вовлеченных в процесс совершенствования профессиональной компетенции военнослужащих, несут ответственность за качество обучения, выполнение учебных планов и программ и соблюдение смет расходов в соответствии с действующим законодательством страны.

Расходы, связанные с мероприятиями по профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих, осуществляются за счет и в пределах бюджетных средств, утверждаемых ежегодно Министерству обороны, Министерству внутренних дел, а также из других внутренних и/или зарубежных финансовых источников в зависимости от программ формирования, переподготовки и профессионального совершенствования военнослужащих.

Затраты на профессиональную реконверсию и социальную адаптацию военнослужащих включают: оплату труда педагогических кадров, квалифицированных рабочих и специалистов образовательных учреждений, осуществляющих учебный процесс; оплату труда членов квалификационных комиссий по аттестации выпускников курсов; затраты на амортизацию или наем/поднаем помещений и оборудования для теоретического и практического обучения, стоимость коммунальных услуг, материалов и инструментов, необходимых для обучения; оплату транспортных расходов и проживания военнослужащих, направленных на учебу в другие населенные пункты; расходы, непосредственно связанные с организацией профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих, предусмотренные договорами между военными структурами и образовательными учреждениями или Национальным агентством занятости населения, которые состоят из

расходов: а) на приобретение и ремонт недвижимости; б) связанных с командированием служащих, вовлеченных в процесс профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих; в) связанных с приобретением материалов хозяйственного назначения и горюче-смазочных материалов.

Устанавливаются социальные гарантии военнослужащих в области профессиональной реконверсии и социальной адаптации. Так, военнослужащие по контракту имеют право на социальную помощь в области профессиональной реконверсии и социальной адаптации на протяжении последнего года военной службы или на протяжении первых трех лет после увольнения с военной службы.

Военнослужащие, имеющие выслугу от 5 до 10 лет службы по контракту, имеют право на: гарантированный бесплатный минимум услуг; обеспечение совершенствования профессиональной компетенции сроком до 5 недель обучения; трудоустройство.

Военнослужащие, имеющие выслугу от 10 до 15 лет службы по контракту, имеют право на: гарантированный бесплатный минимум услуг; обеспечение совершенствования профессиональной компетенции сроком до 10 недель обучения; трудоустройство.

Военнослужащие, имеющие выслугу более 15 лет службы по контракту, а также граждане, уволенные с военной службы по состоянию здоровья или вследствие реорганизации военных структур, независимо от воинской выслуги лет, имеют право на: профессиональную ориентацию и психологическую поддержку; обеспечение совершенствования профессиональной компетенции сроком до 15 недель обучения; трудоустройство или консультирование в предпринимательской области.

Если для совершенствования профессиональной компетенции военнослужащего требуется больше времени, чем то, на которое он имеет право, дополнительные затраты, предусмотренные продлением срока обучения, оплачиваются гражданином, который проходит обучение, экономическими агентами, которые затребовали таких специалистов, а также ответственными или зарубежными юридическими или физическими лицами.

В случае отчисления военнослужащего с курсов совершенствования профессиональной компетенции за пропуск занятий без уважительных причин и/или неуспеваемость, или грубое нарушение внутреннего распорядка образовательного учреждения он возмещает затраты за пройденный период обучения государственному органу, который оплатил его обучение.

В зависимости от своих возможностей государственные органы, организации и образовательные учреждения могут устанавливать и другие виды услуг, предоставляемые военнослужащим бесплатно или по сниженной цене.

Таким образом, профессиональная реконверсия и социальная адаптация военнослужащих ориентируется на области, соответствующие потребностям и предложениям на рынке труда, которые позволят военнослужащим трудоустроиться или начать предпринимательскую деятельность. Сравнительно-правовые исследования в данной области необходимо продолжать в целях создания в Российской Федерации национальной системы профессиональной реконверсии и социальной адаптации военнослужащих, позволяющей гармонизировать интересы как лиц, прекращающих свою служебную деятельность, так и интересы государства¹.

Список источников

1. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н.

¹ Редкоус В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я.

Кикотя) : сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 года / сост. Г.Н. Василенко. Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 329—336.

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения—2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.

2. Военное право / В.К. Аулов, В.В. Бараненков, И.В. Бараненкова [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2021. 1060 с.

3. Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10.

4. Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5(69). С. 9—21.

5. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT

6. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 частях. Ч. 2 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 312 с.

7. Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 180 с.

8. Редкоус В.М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах-участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 613—620.

9. Редкоус В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя): сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 года / сост. Г.Н. Василенко. Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 329—336.

10. Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация: учеб. пос. для вузов / 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2022. 197 с.

Legal support for reconversion and social adaptation of military personnel in the CIS member states

© Redkous V.M.,

Doctor of Law, Professor, leading researcher of the sector administrative law and administrative process Institute of State and Law RAS

Resume. Termination of military service entails for a person not only the loss of the legal status of a serviceman, but also the need to quickly adapt to the conditions of the so-called "civilian" life. In order to mitigate the difficulties of this transition period, a system of measures is enshrined in law that allows persons discharged from military service to undergo professional orientation, receive psychological support, improve professional competence, and facilitate employment in the field of entrepreneurial activity. The article examines the positive experience of the Republic of Moldova in the field of legal regulation and implementation of professional reconversion and social adaptation of military personnel. This experience can be used in Russian conditions for information and analytical purposes, as well as in terms of improving the practical activities of authorized Russian bodies in this area.

Key words: public administration; public administration; defense; armed forces; ministry of defense; status of military personnel; social and legal protection of military personnel; dismissal from service; professional reconversion of military personnel; social adaptation of military personnel; Commonwealth of Independent States; comparative law.

For citation: Redkous V.M. Legal support for the reconversion and social adaptation of Military personnel in the CIS member States // Military Law. 2025. No. 4. pp. 177-184.

The article was received by the editorial office on May 31, 2025.

Понятие и сущность военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации

© Токсонбаев Манасбек Эсенбаевич,
адъюнкт 20 кафедры (военного права)
Военного университета имени князя
Александра Невского Минобороны России

Аннотация. В статье дана характеристика понятия и признаков международного военного сотрудничества, а также определено его место и роль в системе военной деятельности и в более широком контексте международных отношений. Предлагается авторское определение «международное военное сотрудничество», подчеркивается его значимость для укрепления военной безопасности, совместных оперативных возможностей и межгосударственного взаимодействия в сфере обороны и военной безопасности.

Ключевые слова: военное сотрудничество, международное военное сотрудничество, сотрудничество в военной области, военно-техническое сотрудничество, международные отношения, военная безопасность, оборона, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

Для цитирования: Токсонбаев М.Э. Понятие и сущность военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации // Военное право. 2025. № 4. С. 185—192.

Статья поступила в редакцию 9 июня 2025 г.

Одним из основных принципов международного права, провозглашенного и закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, является принцип сотрудничества государств. Согласно нему, государства обязаны, независимо от различий в их политических, экономических и социальных системах, сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности.

В Конституции Кыргызской Республики и Конституции Российской Федерации установлены правовые основы отношений в сфере военного сотрудничества с другими государствами. В частности, в ч. 4 ст. 11 Конституции Кыргызской Республики установлено, что Кыргызская Республика стремится к сосуществованию с другими государствами на принципах согласия и справедливости, взаимовыгодного сотрудничества, мирного решения глобальных и региональных проблем. В ст. 79.1 Конституции Российской Федерации установлено, что Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и без-

опасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

В соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией от 10 июня 1992 г. Кыргызская Республика и Российская Федерация взаимодействуют в целях укрепления мира, повышения стабильности и безопасности как в глобальном, так и региональном масштабе. Они координируют свою внешнеполитическую деятельность, способствуя продолжению процесса разоружения и укреплению коллективной безопасности, а также усилению миротворческой роли ООН и повышению эффективности региональных механизмов. Они прилагают усилия для содействия урегулированию региональных конфликтов и иных ситуаций, затрагивающих интересы Сторон. Стороны координируют свои позиции в этих областях с целью осуществления в необходимых случаях совместных или согласованных действий, проводят на регулярной основе консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Проведенный сравнительно-правовой анализ законодательства Кыргызской Республики и Российской Федерации в сфере обороны и безопасности показал, что в настоящее время четкого и однозначного определения международного военного сотрудничества не сформулировано. При этом в правоприменительной практике применяются разные термины, в частности в Договоре между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о сотрудничестве в военной области от 5 июля 1993 г., который является основополагающим правовым актом в данной сфере, употреблено словосочетание «сотрудничество в военной области». Нормы указанного договора оказывают значительное влияние на формирование двусторонних отношений в сфере обороны и военной безопасности. В условиях меняющейся геополитической обстановки такие соглашения между нашими государствами становятся особенно актуальными и требует постоянного пересмотра на предмет усовершенствования и адаптации к современным военным угрозам и опасностям.

Тем самым, использование нескольких терминов, таких как «военное сотрудничество», «международное военное сотрудничество» и «сотрудничество в военной области» создает правовую неопределенность, затрудняет процесс разработки и принятия нормативных правовых актов, а также усложняет практическое применение соответствующих правовых норм. Это подчеркивает необходимость унификации терминологии для повышения ясности, эффективности законодательства и правоприменительной практики в сфере международного военного взаимодействия.

В связи с этим, в целях повышения ясности и эффективности дальнейшего практического применения указанных терминов проведен анализ действующих законодательных актов.

В соответствии с законодательством двух стран в сфере обороны и безопасности, организация обороны государства

включает не только выполнение мероприятий по развитию, подготовке и поддержанию Вооруженных Сил и иных воинских формирований в готовности к обеспечению военной безопасности и обороны, но и также предусматривает международное военное сотрудничество.

В частности, в Законе Кыргызской Республики «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» применяются термины «международное военное и военно-техническое сотрудничество». Например, в ч. 1 ст. 15 установлено, что уполномоченный государственный орган, ведающий вопросами обороны, организует международное военное и военно-техническое сотрудничество. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» организация обороны также включает международное сотрудничество в целях коллективной безопасности и совместной обороны. Также, согласно подп. 10 п. 3 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, одной из основных задач Минобороны России является выработка и реализация государственной политики в области международного военного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями.

Следует отметить, что основные положения военной политики страны, военные опасности и военные угрозы определяются Военной доктриной Российской Федерации. Пунктом 54 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, предусматривается, что Российская Федерация осуществляет военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами, международными, в том числе региональными, орга-

низациями на основе внешнеполитической, экономической целесообразности и в соответствии с федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации. Согласно п. 16 Военной доктрины Кыргызской Республики, утвержденной Указом Президента Кыргызской Республики от 6 июля 2023 года № 170, одной из основных задач обеспечения военной безопасности Кыргызской Республики в мирное время является развитие международного военного и военно-технического сотрудничества.

Таким образом, в национальных нормативных правовых актах в сфере обороны и безопасности обоих государств, использованы термины международное военное и военно-техническое сотрудничество.

На основании изложенного можно заключить, что термин «международное военное сотрудничество» в отличие от терминов «военное сотрудничество» и «сотрудничество в военной области» является официальным термином, акцентирующим внимание на взаимодействии между субъектами международного права. Он охватывает универсальное, региональное, двухстороннее сотрудничество в различных формах и по разнообразным направлениям, среди которых совместные военные операции, гуманитарные миссии, военные учения и др. Международное военное сотрудничество включает в себя элементы военного сотрудничества и сотрудничества в военной области, но в более глобальном и многостороннем контексте, выражая усилия стран по обеспечению региональной и международной безопасности. Тогда как термин «военное сотрудничество» является общим термином, который включает взаимодействие в области обороны и военной деятельности между различными субъектами, то есть данный термин может применяться как в межгосударственных отношениях, так и в рамках внутригосударственной деятельности. Например, сотрудничество между различными военными или военизированными структурами внутри одного государства, или на

уровне отдельных подразделений, в том числе государственными и частными структурами. При этом, когда речь идет о взаимодействии в сфере военной безопасности между конкретными субъектами международного права, допускается использование термина «военное сотрудничество», так как взаимодействие в сфере военной безопасности между конкретными субъектами международного права (государствами или международными организациями) обычно подразумевается международное военное сотрудничество, поскольку такие отношения происходят на межгосударственном уровне и связаны с обменом опытом, совместными учениями, обменом информацией и другими формами взаимодействия в сфере военной безопасности (Например, военное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь, военное сотрудничество Кыргызской Республики и Российской Федерации и т.п.). Термин «военное сотрудничество» в этом случае служит специфическим обозначением форм межгосударственного взаимодействия в военной сфере и по сути является частью более конкретного термина «международное военное сотрудничество».

«Сотрудничество в военной области» используется не как специальный термин, а больше всего как словосочетание, которое характеризуется как показатель или описание любых форм взаимодействия в области обороны и военной безопасности, будь то между субъектами международного права либо между организациями внутри одной страны. Можно считать его более простым или универсальным выражением (словосочетанием), в отличие от устоявшегося термина «международное военное сотрудничество», то есть сотрудничество в военной области может использоваться как в международном контексте, так и внутри страны.

Таким образом, можно сказать, что термин «международное военное сотрудничество» — это более конкретный и официальный термин, подчеркивающий международный характер взаимодей-

ствия между государствами и/или международными организациями в области обороны и военной безопасности, а «сотрудничество в военной области» — это словосочетание, охватывающее любые формы взаимодействия в сфере обороны и военной безопасности, включая международные и национальные уровни.

Таким образом, при использовании терминов «военное сотрудничество», «военно-техническое сотрудничество», «сотрудничество в военной области» следует подразумевать (если прямо не предусмотрено иное) в том числе «международное военное сотрудничество», «международное военно-техническое сотрудничество», «международное сотрудничество в военной области».

Вместе с тем, в теории военного права существуют разные подходы к содержанию исследуемых понятий. В частности, по мнению А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина, «под международным военным сотрудничеством понимаемая совместная военная деятельность двух и более государств, других субъектов мировой политики и их вооруженных сил, т.е. деятельность в сфере международных отношений. Международное военное сотрудничество охватывает политическую, экономическую, техническую, научную, оперативно-стратегическую, кадровую и другие области. Более того, авторы отмечают, что с точки зрения классификации направленности международного сотрудничества, фактически международное военное сотрудничество разделяется на две укрупненные группы: военно-политическое сотрудничество и военно-техническое сотрудничество. Военно-техническое сотрудничество в данном контексте

выступает самостоятельным направлением, а военно-политическое сотрудничество становится комплексным направлением, включающим все остальные перечисленные выше направления»¹.

В понимании И.И. Котлярова, «международное военное сотрудничество представляет собою совместную деятельность государств, направленную на укрепление их безопасности, предотвращение войны, разоружение, повышение боеготовности и усиление военно-технической оснащенности вооруженных сил»².

Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров полагают, что «международное сотрудничество в военной области представляет собой совместную деятельность государств в военной сфере, направленную на укрепление их безопасности, предотвращение войны и повышение боеготовности вооруженных сил»³.

А.А. Арутюнян отмечает, что военное сотрудничество государств — это система совместных действий государств в политической, экономической, военной и других сферах, направленных на защиту государственных интересов, обеспечение обороноспособности и безопасности государства или группы государств⁴.

И.В. Холиков и Ш.П. Амонулов полагают, что «военное сотрудничество между государствами есть деятельность государств, двух или нескольких, осуществляемая ими совместно для достижения взаимного мира и безопасности на взаимовыгодных условиях, повышения боеготовности и оснащенности вооруженных сил государств»⁵.

А.Н. Гришко считает, что «военное сотрудничество есть деятельность госу-

¹ Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II : Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 685.

² Котляров И.И. Военное право : учебник / под ред. Золотухина Г.А. М., 1997. С. 150.

³ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право : учебник / Под ред. Ю.И. Мигачева. М., Юрсть, 2008. С. 552.

⁴ Арутюнян А.А. Правовые основы военного сотрудничества Республики Армения и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15.

⁵ Холиков И.В., Амонулов Ш.П. Понятие и сущность военного сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник военного права. 2020. № 1. С. 57—64.

дарств, включающая меры политического, экономического и военного характера, непосредственно связанные с созданием военной организации, подготовкой и ее применением, направленные на укрепление оборонной способности участвующих в сотрудничестве государств и для достижения политических и экономических целей»¹.

Согласно Военно-юридическому энциклопедическому словарю, международное военное сотрудничество — отношения дружественных государств в военной области, направленные на совместное решение оборонных задач военного строительства, материального снабжения войск оружием и боевой техникой, предоставления территории для войск государств-членов содружества (союза)².

Военный энциклопедический словарь определяет военное сотрудничество как совместную военную деятельность двух или более государств, других субъектов мировой политики и их вооруженных сил. Совместная военная деятельность в виде военного сотрудничества осуществляется в различных формах. Оно, в частности, включает: выработку общих взглядов на военное строительство и осуществление военной политики, согласование военных доктрин государств; обмен военной информацией; совместные военные (боевые) действия; координацию военно-политической деятельности, совместные оперативно-стратегические, оперативно-тактические, тактические и командно-штабные учения; военно-техническое сотрудничество, торговлю оружием и поставки военной техники и вооружения; обмен опытом боевой подготовки; взаимную помощь в подготовке военных кадров; совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы,

обмен научно-технической информацией и т.д.³

В свою очередь, согласно Военно-энциклопедическому словарю, военное сотрудничество — это участие двух или более государств и их вооруженных сил в совместной военной деятельности, направленной на достижение общих военно-политических целей⁴.

Таким образом, в военно-правовой доктрине существует плюрализм мнений, который свидетельствует о разнообразии подходов и интерпретаций понимания международного военного сотрудничества. Это касается как определения данного понятия, так и его применения в разных контекстах. Разные страны могут иметь свои собственные представления о том, что включает в себя международное военное сотрудничество, каковы его цели и правовые средства, оно может зависеть от исторических, культурных и политических факторов. Например, одни государства могут акцентировать внимание на совместных учениях и тренировках, в то время как другие могут рассматривать военное сотрудничество в контексте обмена информацией, технологиями или поставок вооружения и военной техники. Это может создавать сложности в формировании международных правовых норм, регулирующих военное сотрудничество, что определяется многообразием международных отношений, стратегий государств, а также различиями в национальном законодательстве и международных соглашениях.

Вместе с тем, разные подходы в использовании и понимании международного военного сотрудничества создают благоприятные условия для дальнейшей конструктивной дискуссии, что в свою очередь способствует развитию и уточнению норм военного права, а также могут

¹ Гришко А.Н. Организационно-правовые вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 164.

² Военно-юридический энциклопедический словарь. М.: «За права военнослужащих», 2008. С. 208.

³ Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4372@morfDictionary> (дата обращения 11.04.2025).

⁴ Военно-энциклопедический словарь / в 2 томах. М.: Большая российская энциклопедия, «Рипол Классик», 2001. С. 311.

привести к более глубокому пониманию его роли и значения в международных отношениях и системе военной безопасности.

Наряду с этим, из приведенных выше определений международного военного сотрудничества следует выделить общие признаки, такие как добровольность, межгосударственный характер, совместная военная деятельность государств и их вооруженных сил, наличие общих или взаимных интересов, осуществление согласованных действий. При этом важно отметить, что конкретный перечень признаков, характеризующих международное военное сотрудничество, может варьироваться в зависимости от его формы, целей и субъектного состава. Также на содержание понятия «международное военное сотрудничество» решающее влияние оказывает военная политика его участников. В основе общности целей участников лежат их политические, экономические и иные интересы. В результате объединения усилий государств военное сотрудничество повышает их военную мощь, помогает успешнее реализовать военно-политические цели, которые трудно или невозможно достичь самостоятельно.

По мнению автора, для полноценного понимания сущности международного военного сотрудничества вышеперечисленные признаки необходимо дополнить такими признаками, как системность (регулярность), соблюдение принципов международного права и правовое регулирование. Признак правового регулирования в понимании международного военного сотрудничества играет важное значение, поскольку любые международные отношения, в том числе и международное военное сотрудничество, строятся на основании определенных юридических норм и принципов, направленных на их упорядочение и развитие.

Отсутствие универсального определения международного военного сотрудничества может создавать правовую неопределенность и затруднения в интерпретации соответствующих законодательных

актов. Закрепление четкого и однозначного определения международного военного сотрудничества в законодательстве имеет ключевую роль в эффективном правоприменении и взаимодействии между государствами, а также поможет не только предотвратить правовые коллизии, но и послужит основой для оптимизации сотрудничества между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией в сфере обороны и военной безопасности. Особенно это важно в условиях постоянно изменяющегося международного контекста и сложной геополитической ситуации, требующей ясности и согласованности в правовых нормах.

Согласно ч. 3 ст. 11 Закона Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными. При необходимости уточнения терминов и понятий, используемых в нормативном правовом акте, в нем помещается статья (пункт), разъясняющая их значение.

В соответствии правовой доктриной законодатель должен в форме дефиниций дать однозначное содержание понятий и терминов, включая понятия «международное военное сотрудничество» и «сотрудничество в военной области», которые он использует в тексте нормативных правовых актов для выражения и закрепления своей воли.

На основании вышеизложенного, автором сформулировано авторское понятие международного военного сотрудничества, под которым понимается система взаимодействия двух или более субъектов международного права и их вооруженных сил на основании соблюдения как международных, так и внутригосударственных правовых норм, в целях достижения общих военно-политических, военно-стратегических, военно-технических, экономических и иных задач, направленных на укрепление их обороноспособности и обеспечения военной безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне.

Использование указанного правового определения международного военного сотрудничества призвано обеспечить унификацию множества применяемых аналогичных по содержанию понятий, обозначающих международное военное сотрудничество. Термин международное военное сотрудничество является тождественным широко используемым в научной литературе и законодательстве формулировкам «военное сотрудничество между конкретными субъектами международного права», «сотрудничество в военной области между конкретными субъектами международного права».

Военное сотрудничество между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией имеет ряд ключевых особенностей, таких как геополитические интересы, экономические аспекты, влияние на безопасность, культурные и исторические связи и т.д. Следовательно, в самом общем виде военное сотрудничество между субъектами международного права можно представить как совместную деятельность государств по проведению согласованной политики в области международной и национальной безопасности, контроля над вооружениями, строительству вооруженных сил на основании как международных, так и внутригосударственных правовых норм.

Учитывая вызовы, связанные с терроризмом и экстремизмом в регионе, сотрудничество между двумя странами направлено на обеспечение общей безопасности и стабильности. Культурные и исторические связи между народами Кыргызской Республики и Российской Федерации создают дополнительную основу для укрепления военного и военно-технического сотрудничества, поэтому

военное сотрудничество является важным элементом их отношений.

Подводя итог, можно утверждать, что сущность военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации состоит в осуществлении взаимодействия между двумя странами и их вооруженных сил в военной сфере на основании соблюдения как международных, так и национальных юридических норм и принципов, в целях достижения общих военно-политических, военно-стратегических, военно-технических и экономических и других задач, направленных на укрепление их обороноспособности, повышение боеготовности вооруженных сил, обеспечение военной безопасности и предотвращение вооруженных конфликтов как в региональном, так и в глобальном масштабах.

Список источников

1. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II : Современное состояние военного право (институты военного право). Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. 685 с.
2. Военно-юридический энциклопедический словарь. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». Москва: «За права военнослужащих», 2008. 368 с.
3. Гришко А.Н. Организационно-правовые вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами : дис. канд. юрид. наук. Москва: 1999. 225 с.
4. Котляров И.И. Военное право : учебник / под ред. Золотухина Г.А. Москва, 1997. 362 с.
5. Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право : учебник. Москва, 1998. 261 с.
6. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право : учебник / под ред. Ю.И. Мигачева. Москва: Юрист, 2008. 552 с.
7. Холиков И.В., Амонудоев Ш.П. Понятие и сущность военного сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник военного права. 2020. № 1. С. 57—64.

The concept and essence of military cooperation between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation

© Toksonbaev M.E.,

Associate Professor of the 20th Department (Military Law), Knyaz Military University Alexander Nevsky Ministry of Defense of Russia

Annotation. The article describes the concept and features of international military cooperation, as well as defines its place and role in the system of military activities and in the broader context of international relations. The author's definition of "international military cooperation" is proposed, emphasizing its importance for strengthening military security, joint operational capabilities and interstate cooperation in the field of defense and military security.

Keywords: military cooperation, international military cooperation, military cooperation, military-technical cooperation, international relations, military security, defense, Kyrgyz Republic, Russian Federation.

For citation: Toksonbaev M.E. The Concept and Essence of Military Cooperation between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation // Military law. 2025. No. 4. pp. 185-192.

The article was received by the editorial office on June 9, 2025.
